ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА
при ЦК КПСС

И. В. СТАЛИН

СОЧИНЕНИЯ

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1954

И. В. СТАЛИН

ТОМ
1

1901—1907

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Настоящее собрание Сочинений И. В. Сталина издаётся по постановлению Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

До сих пор лишь часть работ товарища Сталина была издана отдельными сборниками. Так, статьи и речи предоктябрьского периода 1917 года были собраны в книге «На путях к Октябрю», вышедшей в двух изданиях в 1925 году. В 1932 году был издан сборник «Об Октябрьской революции», содержащий статьи и речи, посвящённые Великой Октябрьской социалистической революции. Произведения по национальному вопросу вошли в сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос», вышедший в нескольких изданиях. Статьи и речи 1921—1927 годов, посвящённые преимущественно внутрипартийным вопросам и разгрому враждебных партии оппозиционных группировок, составили отдельный сборник «Об оппозиции», изданный в 1928 году. Кроме того, имеются и другие сборники, в которых объединены статьи и речи И. В. Сталина, посвящённые какой-либо одной определённой теме, например, сборники: «О Ленине»,

«Статьи и речи об Украине», «Крестьянский вопрос», «О комсомоле» и др.

В разное время вышло несколько сборников, в которых напечатаны вместе произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина: «Избранные произведения 1917 года», «О защите социалистического отечества», «Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)» в трёх томах, «Ленин — Сталин» — избранные произведения в одном томе, «О партийном строительстве», «О социалистическом соревновании», «О труде» и т. д.

Наиболее распространённым собранием произведений товарища Сталина до сих пор является книга «Вопросы ленинизма», вышедшая в одиннадцати изданиях. Состав этой книги с каждым новым изданием значительно изменялся: почти каждое издание пополнялось новыми работами; в то же время в целях сохранения прежнего объёма книги автор исключал из неё некоторые работы. Выступления, доклады и приказы товарища Сталина за годы Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков собраны в книге «О Великой Отечественной войне Советского Союза», вышедшей в пяти изданиях.

Однако имеется большое количество произведений И. В. Сталина, написанных до и после Октябрьской революции, которые после опубликования их в своё время в газетах и журналах нигде не перепечатывались и до настоящего времени не собраны вместе. Кроме того, сохранились статьи и письма товарища Сталина, ранее не публиковавшиеся в печати.

Настоящее издание является первой попыткой собрать вместе почти все произведения И. В. Сталина.

Первый том Сочинений И. В. Сталина содержит произведения, написанные с 1901 года до апреля 1907 года.

Второй том включает произведения, написанные с 1907 по 1913 год.

Третий том составляют произведения, относящиеся к периоду подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917 года). Это, главным образом, статьи, напечатанные в «Правде».

В четвёртый том (ноябрь 1917 года — 1920 год) входят произведения, написанные в первые месяцы существования Советской власти и в период иностранной военной интервенции и гражданской войны.

Следующие три тома — пятый, шестой, седьмой — содержат произведения, относящиеся к периоду перехода советского государства на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 годы). Пятый том включает произведения, написанные с 1921 года до смерти В. И. Ленина (январь 1924 г.). В шестой том входят произведения, относящиеся к 1924 году. Седьмой том содержит произведения, написанные в 1925 году.

Работы И. В. Сталина периода борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 годы) составляют восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый тома. Восьмой и девятый тома содержат статьи и речи, доклады и выступления за 1926 год, десятый и одиннадцатый тома — за 1927 год. Двенадцатый том — за 1928—1929 годы.

Тринадцатый том содержит произведения 1930 — 1933 годов, посвящённые, главным образом, вопросам коллективизации сельского хозяйства и дальнейшего развития социалистической индустриализации.

Четырнадцатый том охватывает произведения 1934—1940 годов, посвящённые борьбе за завершение построения социализма в СССР, созданию новой Конституции Советского Союза, борьбе за мир в обстановке начала второй мировой войны.

Содержание пятнадцатого тома составляет работа И. В. Сталина «История ВКП(б). Краткий курс», вышедшая отдельным изданием в 1938 году.

Шестнадцатый том содержит произведения периода Великой Отечественной войны Советского Союза: доклады, выступления и приказы И. В. Сталина в дни годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, обращения к народу в связи с разгромом и капитуляцией Германии и Японии и другие документы.

Все произведения в томах располагаются в хронологическом порядке по времени их написания или опубликования. Каждый том снабжён предисловием, краткими примечаниями справочного характера и биографической хроникой. Даты до момента перехода на новый стиль (до 14 февраля 1918 года) даются по старому стилю, после — по новому стилю.

Текст произведений товарища Сталина сохранён полностью. Лишь в некоторые статьи внесены автором незначительные изменения чисто редакционного характера.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина
при ЦК ВКП(б)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

В первый том Сочинений И. В. Сталина входят произведения, написанные с 1901 года до апреля 1907 года, в период его революционной деятельности преимущественно в Тифлисе.

В эти годы большевиками под руководством В. И. Ленина закладывались основы марксистско-ленинской партии, её идеологии, её организационных принципов.

В этот период товарищ Сталин в борьбе с различными антимарксистскими и оппортунистическими течениями создаёт ленинско-искровские, большевистские организации в Закавказье и руководит их деятельностью. В своих произведениях он обосновывает и защищает основные принципы марксистско-ленинского учения.

Только небольшая часть вошедших в первый том произведений И. В. Сталина была напечатана на русском языке. Бóльшая же часть их была опубликована в грузинских газетах и отдельными брошюрами. На русском языке большинство этих произведений появляется впервые.

До настоящего времени не разысканы архив Кавказского союзного комитета РСДРП и отдельные издания закавказских большевистских организаций, в которых печатались произведения И. В. Сталина. В частности до сих пор не найдены произведения: «Программа занятий в марксистских рабочих кружках» (1898 г.) и «Кредо» (1904 г.).

Первый том настоящего издания не исчерпывает полностью всех произведений И. В. Сталина, написанных с 1901 года до апреля 1907 года.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ТОМУ

Произведения, вошедшие в первый том сочинений, написаны в ранний период деятельности автора (1901—1907 гг.), когда выработка идеологии и политики ленинизма не была ещё закончена. Это относится отчасти также ко второму тому сочинений.

Чтобы понять и должным образом оценить эти произведения, следует рассматривать их, как произведения молодого марксиста, ещё не оформившегося в законченного марксиста-ленинца. Понятно, поэтому, что в этих произведениях сохранились следы некоторых ставших потом устаревшими положений старых марксистов, которые были преодолены впоследствии нашей партией. Я имею в виду два вопроса: вопрос об аграрной программе и вопрос об условиях победы социалистической революции.

Как видно из первого тома (смотри статьи «Аграрный вопрос»), автор отстаивал тогда точку зрения раздела помещичьих земель в собственность крестьян. На Объединительном съезде партии, где обсуждался аграрный вопрос, большинство большевистских делегатов-практиков примыкало к точке зрения раздела,

большинство меньшевиков стояло за муниципализацию, Ленин же и остальная часть большевистских делегатов стояли за национализацию земли, причём в ходе борьбы между тремя проектами, после того, как выяснилась безнадёжность принятия съездом проекта национализации, Ленин и другие национализаторы присоединили свои голоса на съезде к голосам разделистов.

Против национализации разделисты выставляли три соображения: а) крестьяне не примут национализации помещичьих земель, так как они хотят получить их в собственность; б) крестьяне будут противодействовать национализации, так как они будут расценивать её, как меру, отменяющую частную собственность на те земли, которые уже находились тогда в частном владении крестьян; в) если даже удастся преодолеть возражения крестьян против национализации, мы, марксисты, всё же не должны отстаивать национализацию, так как после победы буржуазно-демократической революции государство в России будет не социалистическим, а буржуазным, а наличие большого национализированного земельного фонда в руках буржуазного государства непомерно усилит буржуазию в ущерб интересам пролетариата.

При этом разделисты исходили из той принятой среди русских марксистов, в том числе и среди большевиков, предпосылки, что после победы буржуазно-демократической революции наступит более или менее длительный период перерыва революции, период интервала между победившей буржуазной революцией и будущей социалистической революцией, в течение которого капитализм получит возможность более свободного и мощного развития с распространением его также и в области земледелия, классовая борьба углубится и разовьётся во всю ширь, класс пролетариев вырастет количественно, сознательность и организованность пролетариата подымутся на должную высоту и что лишь после всего этого может наступить период социалистической революции.

Следует отметить, что эта предпосылка насчёт длительного интервала между двумя революциями не встретила на съезде какого-либо возражения с чьей бы то ни было стороны, при этом как сторонники национализации и раздела, так и сторонники муниципализации считали, что аграрная программа Российской социал-демократии должна содействовать дальнейшему, более мощному, развитию капитализма в России.

Знали ли мы, практики-большевики, что Ленин стоял в это время на точке зрения перерастания буржуазной революции в России в социалистическую, на точке зрения непрерывной революции? Да, знали. Знали по его брошюре «Две тактики» (1905 год), а также по его знаменитой статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» в 1905 году, где он заявлял, что «мы стоим за непрерывную революцию», что «мы не остановимся на полпути». Но мы, практики, не вникали в это дело и не понимали его великого значения ввиду нашей недостаточной теоретической подготовленности, а также ввиду свойственной практикам беззаботности насчёт теоретических вопросов. Как известно, Ленин почему-то не развернул тогда и не использовал на съезде для обоснования национализации аргументы от теории перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую. Не потому ли он не использовал их, что считал вопрос ещё не назревшим

и не рассчитывал на готовность большинства практиков-большевиков на съезде понять и воспринять теорию перерастания буржуазной революции в социалистическую?

Только спустя некоторое время, когда ленинская теория перерастания буржуазной революции в России в революцию социалистическую стала руководящей линией большевистской партии, разногласия по аграрному вопросу исчезли в партии, ибо стало ясно, что в такой стране, как Россия, где особые условия развития создали почву для перерастания буржуазной революции в социалистическую,— марксистская партия не может иметь какой-либо другой аграрной программы, кроме программы национализации земли.

Второй вопрос касается проблемы победы социалистической революции. Как видно из первого тома (смотри статьи «Анархизм или социализм?»), автор придерживался тогда того известного среди марксистов тезиса, в силу которого одним из главных условий победы социалистической революции является превращение пролетариата в большинство населения, что, следовательно, в тех странах, где пролетариат не является ещё большинством населения, ввиду недостаточности капиталистического развития, — победа социализма невозможна.

Этот тезис считался тогда общепринятым среди русских марксистов, в том числе среди большевиков, равно как среди социал-демократических партий других стран. Однако дальнейшее развитие капитализма в Европе и Америке, переход от капитализма доимпериалистического к капитализму империалистическому, наконец, открытый Лениным закон неравномерности

экономического и политического развития различных стран,— показали, что этот тезис уже не соответствует новым условиям развития, что вполне возможна победа социализма в отдельных странах, где капитализм не достиг ещё высшей точки развития и пролетариат не составляет большинства населения, но где фронт капитализма достаточно слаб для того, чтобы быть прорванным пролетариатом. Так возникла ленинская теория социалистической революции в 1915 — 1916 годах. Как известно, ленинская теория социалистической революции исходит из того, что социалистическая революция победит не обязательно в тех странах, где капитализм более всего развит, а прежде всего в тех странах, где фронт капитализма слаб, где легче прорвать пролетариату этот фронт и где имеется в наличии хотя бы средний уровень развития капитализма.

Этим исчерпываются замечания автора насчёт произведений, собранных в первом томе.

И. Сталин

Январь, 1946 год

1901–1907

ОТ РЕДАКЦИИ*

Уверенные в том, что для сознательных читателей-грузин свободное периодическое издание является насущным вопросом; уверенные, что сегодня этот вопрос должен быть разрешён и дальнейшее промедление нанесёт только ущерб общему делу; уверенные, что каждый сознательный читатель с удовлетворением встретит такого рода издание и с своей стороны окажет ему всяческую помощь,— мы, одна группа грузинских революционных социал-демократов, идём навстречу этой потребности, стремясь, по мере наших сил, удовлетворить желание читателей. Мы выпускаем первый номер первой грузинской свободной газеты **«Брдзола»** [1].

Чтобы читатель имел определённое мнение относительно нашего издания и в частности относительно нас, скажем несколько слов.

Социал-демократическое движение не оставило незатронутым ни одного уголка страны. Его не избег и тот уголок России, который мы называем Кавказом, а вместе с Кавказом его не избегла и наша Грузия.

---

* Передовая нелегальной с.-д. газеты «Брдзола» («Борьба»).

Социал-демократическое движение в Грузии — явление недавнее, ему всего лишь несколько лет, точнее говоря, основы этого движения были заложены только в 1896 году. Как везде, так и у нас первое время работа не выходила за рамки конспирации. Агитация и широкая пропаганда в том виде, как мы это наблюдаем за последнее время, были невозможны, и волей-неволей все силы были сосредоточены в немногих кружках. Теперь этот период миновал, социал-демократические идеи получили распространение среди рабочих масс, и работа также вышла из своих узко-конспиративных рамок, охватив значительную часть рабочих. Началась открытая борьба. Борьба выдвинула перед первыми работниками много таких вопросов, которые до тех пор были в тени и в объяснении которых не ощущалось большой нужды. Прежде всего со всей силой встал вопрос: какие у нас имеются средства, чтобы шире развернуть борьбу? На словах ответ на этот вопрос очень прост и лёгок. На деле получается совершенно иное.

Само собой разумеется, что для социал-демократического организованного движения главным средством является широкая пропаганда и агитация революционных идей. Но те условия, в которых приходится действовать революционеру, настолько противоречивы, настолько тяжелы и требуют таких больших жертв, что и пропаганда и агитация зачастую становятся невозможными в том виде, какой необходим на первых порах движения.

Занятия в кружках при помощи книг и брошюр становятся невозможными прежде всего в силу полицейских условий, а затем и вследствие самой постановки дела. Агитация ослабевает при первых же

арестах. Становится невозможной связь с рабочими и частые хождения к ним, а между тем рабочий ожидает разъяснения многих злободневных вопросов. Вокруг него — ожесточённая борьба, все силы правительства направлены против него, и он не имеет возможности критически отнестись к современной обстановке, не имеет никаких сведений о сущности дела, и часто достаточно незначительной неудачи на каком-либо ближайшем к нему заводе, чтобы революционно настроенный рабочий охладел, потерял веру в будущее и руководителю пришлось вновь втягивать его в работу.

Агитация при помощи брошюр, дающих ответы лишь на те или иные конкретные вопросы, в большинстве случаев мало эффективна. Становится необходимым создание такой литературы, которая давала бы ответы на повседневные вопросы. Мы не будем доказывать эту всем известную истину. В грузинском рабочем движении уже наступил момент, когда периодическое издание становится одним из главнейших средств революционной работы.

К сведению некоторых неискушённых читателей считаем необходимым сказать несколько слов о легальной газете. Мы сочли бы за большую ошибку, если бы кто-либо из рабочих считал легальную газету, в каких бы условиях она ни выходила, какого бы направления она ни была, выразительницей его, рабочего, интересов. У правительства, «заботящегося» о рабочих, прекрасно обстоит дело с легальными газетами. Целая свора чиновников, называемых цензорами, приставлена к этим газетам, и они специально следят за ними, прибегая к красным чернилам и ножницам, если хотя бы через щель прорывается луч

правды. В комитет цензоров летит циркуляр за циркуляром — «ничего не пропускать относительно рабочих, не публиковать о том или ином событии, не допускать обсуждения того-то и того-то» и пр. и пр. В таких условиях, конечно, газета не может быть надлежаще поставлена, и рабочий тщетно стал бы искать на её страницах, хотя бы меж строк, сведений и правильной оценки его дела. Если считать, что рабочий мог бы пользоваться редкими строками той или иной легальной газеты, мимоходом касающимися его дела и лишь по ошибке пропущенными палачами-цензорами,— то надо сказать и то, что возлагать надежды на эти отрывки и строить на этой мелочи какую-либо систему пропаганды свидетельствовало бы о непонимании дела.

Повторяем, это мы говорим к сведению только некоторых неискушённых читателей.

Итак, грузинское свободное периодическое издание является неотложной нуждой социал-демократического движения. Вопрос сейчас лишь в том, как поставить это издание, чем оно должно руководствоваться и что оно должно давать грузинскому социал-демократу.

Если взглянуть со стороны на вопрос существования грузинской газеты вообще и в частности на вопрос её содержания и направления, то может показаться, что этот вопрос разрешается сам собой, естественно и просто: грузинское социал-демократическое движение не представляет собой обособленного, только лишь грузинского рабочего движения с собственной программой, оно идёт рука об руку со всем российским движением и, стало быть, подчиняется Российской

социал-демократической партии,— отсюда ясно, что грузинская социал-демократическая газета должна представлять собой только местный орган, освещающий преимущественно местные вопросы и отражающий местное движение. Но за этим ответом скрывается такая трудность, которую мы не можем обойти и с которой мы неизбежно будем сталкиваться. Мы говорим о трудности в отношении языка. В то время как Центральный Комитет Российской социал-демократической партии имеет возможность при помощи общепартийной газеты разъяснять все общие вопросы, предоставив своим районным комитетам освещение лишь местных вопросов,— грузинская газета оказывается в затруднительном положении в отношении содержания. Грузинская газета должна играть одновременно роль общепартийного и районного, местного органа. Так как большинство грузинских рабочих-читателей не может свободно пользоваться русской газетой, руководители грузинской газеты не вправе оставлять без освещения все те вопросы, которые обсуждает и должна обсуждать общепартийная русская газета. Таким образом, грузинская газета обязана знакомить читателя со всеми принципиальными теоретическими и тактическими вопросами. Вместе с тем она обязана возглавлять местное движение и должным образом освещать каждое событие, не оставляя без разъяснений ни одного факта и отвечая на все вопросы, волнующие местных рабочих. Грузинская газе́та должна связывать и объединять грузинских и русских борющихся рабочих. Газета должна сообщать читателям обо всех интересующих их явлениях из местной, русской и заграничной жизни.

Таков в общем наш взгляд на грузинскую газету.

Несколько слов относительно содержания и направления газеты.

Мы должны требовать от неё, как от социал-демократической газеты, преимущественного внимания к борющимся рабочим. Мы считаем излишним говорить о том, что в России и вообще везде только революционный пролетариат призван историей освободить человечество и дать миру счастье. Ясно, что только рабочее движение имеет под собой твёрдую почву и только оно свободно от всякого рода утопических небылиц. Стало быть, газета как орган социал-демократов должна возглавлять рабочее движение, указывать ему путь, беречь его от ошибок. Словом, первейшая обязанность газеты — стоять возможно ближе к рабочей массе, иметь возможность постоянно влиять на неё, быть сознательным и руководящим её центром.

Но так как в сегодняшних условиях России помимо рабочих возможно также выступление и других элементов общества в качестве борцов «за свободу» и так как эта свобода является ближайшей целью борющихся рабочих России,— газета обязана дать место всякому революционному движению, хотя бы оно происходило вне рабочего движения. Мы говорим «дать место» не только как сведениям между прочим или простой хронике,— нет, газета должна уделить особое внимание тому революционному движению, которое происходит или произойдёт среди других элементов общества. Она должна разъяснять каждое общественное явление и тем самым влиять на каждого борющегося за свободу. Поэтому газета обязана уделить особое внимание политическому положению в России, учесть все последствия этого положения и как можно

шире ставить вопрос о необходимости политической борьбы.

Мы убеждены, что никто не может использовать наши слова в качестве доказательства того, что мы якобы являемся сторонниками связи и компромиссов с буржуазией. Должная оценка, показ слабых сторон и ошибок в движении против существующего строя, хотя бы оно происходило в буржуазном обществе, не может наложить на социал-демократа пятно оппортунизма. Мы только не должны забывать здесь социал-демократических принципов и революционных способов борьбы. Если мы будем измерять каждое движение этой меркой, мы будем свободны от всяких бернштейнианских бредней.

Таким образом, грузинская социал-демократическая газета должна давать ясный ответ на все вопросы, связанные с рабочим движением, разъяснять принципиальные вопросы, разъяснять теоретически роль рабочего класса в борьбе и озарять светом научного социализма каждое явление, с которым сталкивается рабочий.

Газета в то же время должна быть представителем Российской социал-демократической партии и своевременно сообщать читателям о всех тех тактических взглядах, которых придерживается российская революционная социал-демократия. Она должна осведомлять читателей о том, как живут рабочие в других странах, что и как делают они для улучшения своего положения, и своевременно призывать грузинских рабочих к выступлению на поле борьбы. Вместе с тем газета не должна оставлять без учёта и без социал-демократической критики ни одно общественное движение.

Таков наш взгляд на грузинскую газету.

Мы не можем обманывать ни себя, ни читателей, обещая с нынешними нашими силами целиком выполнить эти задачи. Для того, чтобы газета была поставлена должным образом, необходима помощь со стороны самих читателей и сочувствующих. Читатель заметит, что первый номер «Брдзола» имеет много недочётов, но таких недочётов, которые могут быть исправлены, если только будет оказана помощь со стороны самого читателя. В частности мы подчёркиваем слабость внутренней хроники. Мы, находясь вдали от родины, лишены возможности следить за революционным движением в Грузии и своевременно давать сведения и разъяснения по вопросам этого движения. Поэтому необходима помощь из самой Грузии. Кто пожелает помочь нам также и в литературном отношении, тот, несомненно, найдёт способ установить прямую или косвенную связь с редакцией «Брдзола».

Мы призываем всех грузинских борющихся социал-демократов принять горячее участие в судьбе «Брдзола», оказать всяческое содействие в её издании и распространении и тем самым превратить первую свободную грузинскую газету «Брдзола» в орудие революционной борьбы.

Газета «Брдзола» («Борьба») № 1,
сентябрь 1901 г.

Статья без подписи

Перевод с грузинского

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ЕЁ БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

I

Человеческому мышлению пришлось испытать много мытарств, мучений и изменений, прежде чем дойти до научно разработанного и обоснованного социализма. Западноевропейским социалистам очень долго пришлось блуждать вслепую в пустыне утопического (несбыточного, неосуществимого) социализма, прежде чем они пробили себе путь, исследовали и обосновали законы общественной жизни и отсюда — необходимость социализма для человечества. С начала прошлого столетия Европа дала много мужественных, самоотверженных, честных работников-учёных, стремившихся разъяснить и решить вопрос о том, что может спасти человечество от недуга, который всё более и более усиливается и обостряется вместе с развитием торговли и промышленности. Много бурь, много кровавых потоков пронеслось над Западной Европой ради того, чтобы уничтожить угнетение большинства меньшинством, но горе всё же оставалось неразвеянным, раны столь же острыми и муки с каждым днём всё более и более невыносимыми. Одной из главных причин этого явления нужно считать то, что утопический социализм

не выяснял законов общественной жизни, а витал над жизнью, стремился ввысь, тогда как нужна была прочная связь с действительностью. Осуществление социализма утописты ставили ближайшей целью в то время, когда в жизни для его осуществления не было никакой почвы, и — что ещё печальнее по своим результатам — утописты ждали осуществления социализма от сильных мира сего, которые, по их мнению, легко могли убедиться в правильности социалистического идеала (Роберт Оуэн, Луи Блан, Фурье и др.). Это воззрение совершенно затушёвывало реальное рабочее движение и рабочую массу, являющуюся единственной **естественной** носительницей социалистического идеала. Утописты не могли понять этого. Они хотели создать счастье на земле законодательством, декларациями, без помощи самого народа (рабочих). На рабочее же движение они не обращали особого внимания и часто даже отрицали его значение. Вследствие этого их теории оставались лишь теориями, проходящими мимо рабочей массы, среди которой совершенно независимо от этих теорий зрела великая мысль, возвещённая в середине прошлого века устами гениального **Карла Маркса: «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса... Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»**

Из этих слов стала ясной та, ныне и для «слепых» очевидная, истина, что для осуществления социалистического идеала необходима самодеятельность рабочих и их объединение в организованную силу независимо от национальности и страны. Необходимо было обосновать эту истину — это великолепно выполнили **Маркс** и его друг **Энгельс**,— чтобы заложить прочный

фундамент мощной социал-демократической партии, которая сегодня, как неумолимый рок, стоит над европейским буржуазным строем, грозя ему уничтожением и построением на его обломках социалистического строя.

Развитие идеи социализма в России шло почти тем же путём, что и в Западной Европе. И в России социалистам долго пришлось блуждать вслепую, прежде чем они дошли до социал-демократического сознания — научного социализма. И здесь были социалисты, было и рабочее движение, но они шли независимо друг от друга, сами по себе: социалисты — к утопической мечте («Земля и воля», «Народная воля»), а рабочее движение — к стихийным бунтам. Оба действовали в одни и те же годы (70—80-е годы), не зная друг друга. Социалисты не имели почвы среди трудящегося населения, ввиду чего их действия были отвлечёнными, беспочвенными. Рабочие же не имели руководителей, организаторов, ввиду чего их движение выливалось в беспорядочные бунты. Это было главной причиной того, что героическая борьба социалистов за социализм осталась бесплодной и их сказочное мужество разбилось о твёрдые стены самодержавия. Русские социалисты сблизились с рабочей массой лишь в начале 90-х годов. Они увидели, что спасение — лишь в рабочем классе и что только этот класс осуществит социалистический идеал. Теперь русская социал-демократия все свои усилия и внимание сосредоточивала на том движении, которое происходило в это время среди русских рабочих. Ещё недостаточно сознательный и не подготовленный к борьбе русский рабочий старался постепенно выйти из своего безнадёжного положения

и как-нибудь улучшить свою долю. Конечно, в этом движении тогда не было стройной организационной работы, движение было стихийным.

И вот социал-демократия взялась за это несознательное, стихийное и неорганизованное движение. Она старалась развить сознание рабочих, старалась объединить разрозненную и распылённую борьбу отдельных групп рабочих против отдельных хозяев, слить их в общую классовую борьбу, чтобы это была борьба русского рабочего **класса** против класса угнетателей России, стараясь придать этой борьбе организованный характер.

На первых порах социал-демократия не могла распространить свою деятельность в рабочей массе, ввиду чего она довольствовалась работой в пропагандистских и агитационных кружках. Единственной формой её работы были тогда занятия в кружках. Целью этих кружков было создать среди самих рабочих такую группу, которая в дальнейшем руководила бы движением. Поэтому эти кружки составлялись из передовых рабочих, — лишь избранные рабочие имели возможность заниматься в кружках.

Но скоро прошёл период кружков. Социал-демократия вскоре почувствовала потребность выйти из тесных рамок кружков и распространить своё влияние на широкую рабочую массу. Этому способствовали и внешние условия. В это время стихийное движение особенно поднялось среди рабочих. Кто из вас не помнит тот год, когда почти весь Тифлис был охвачен этим стихийным движением? Неорганизованные забастовки на табачных фабриках и в железнодорожных мастерских следовали одна за другой. У нас это было в 1897—

1898 годах, а в России — несколько раньше. Необходимо было во-время притти на помощь, и социал-демократия поспешила со своей помощью. Началась борьба за сокращение рабочего дня, за отмену штрафов, за повышение заработной платы и т. д. Социал-демократия хорошо знала, что развитие рабочего движения не ограничивалось этими мелкими требованиями, что целью движения являлись не эти требования, что это лишь средство для достижения цели. Пусть эти требования мелки, пусть сами рабочие отдельных городов и районов сегодня борются разрозненно, — сама эта борьба научит рабочих, что полная победа будет достигнута лишь тогда, когда весь рабочий класс пойдёт на штурм своего врага как единая, крепкая, организованная сила. Эта же борьба покажет рабочим, что они помимо своего прямого врага — капиталиста — имеют другого, ещё более неусыпного врага — организованную силу всего буржуазного класса, нынешнее капиталистическое **государство** со своим войском, судом, полицией, тюрьмами, жандармерией. Если даже в Западной Европе малейшая попытка рабочего улучшить своё положение наталкивается на буржуазную власть, если в Западной Европе, где уже завоёваны человеческие права, рабочему приходится вести прямую борьбу с властью, — тем более рабочий России в своём движении обязательно столкнётся с самодержавной властью, которая является неусыпным врагом всякого рабочего движения не только потому, что эта власть защищает капиталистов, но и потому, что как **самодержавная власть** она не может мириться с самодеятельностью общественных классов, в особенности же с самодеятельностью такого класса, как

рабочий класс — угнетённый и забитый больше других классов. Так понимала российская социал-демократия ход движения и все свои усилия употребляла на распространение этих идей среди рабочих. В этом была её сила и этим объясняется её великое и победоносное развитие с первого же дня, что показала грандиозная забастовка рабочих петербургских ткацких фабрик в 1896 году.

Но первые победы сбили с толку и вскружили голову некоторым слабым людям. Как некогда утопические социалисты обращали внимание лишь на конечную цель и, ослеплённые ею, совершенно не замечали или отрицали реальное рабочее движение, развёртывавшееся на их глазах, так некоторые русские социал-демократы, наоборот, всё своё внимание уделяли лишь стихийному рабочему движению, его повседневным нуждам. Тогда (пять лет назад) классовое сознание русских рабочих было очень низко. Русский рабочий только-только просыпался от векового сна, и его глаза, привыкшие к темноте, конечно, не замечали всего происходящего в том мире, который открылся ему впервые. У него не было больших потребностей, и его требования не были велики. Русский рабочий ещё не шёл дальше незначительного увеличения заработной платы или сокращения рабочего времени. О том, что необходимо изменить существующий строй, что нужно уничтожить частную собственность, что необходимо организовать социалистический строй,— обо всём этом русская рабочая масса и представления не имела. Она мало решалась думать также об уничтожении того рабства, в котором прозябает весь русский народ при самодержавной власти, думать о свободе народа, об

участии народа в управлении государством. И вот в то время, как одна часть российской социал-демократии считала своим долгом внести в рабочее движение свои социалистические идеи, другая её часть, увлечённая экономической борьбой, борьбой за частичное улучшение положения рабочих (как, например, сокращение рабочего времени и повышение заработной платы),— готова была совершенно забыть свой великий долг, свои великие идеалы.

Как и их западноевропейские единомышленники (так называемые бернштейнианцы), они говорили: «Для нас движение — всё, конечная цель — ничто». Их совершенно не интересовало, для чего борется рабочий класс, — лишь бы была сама борьба. Развилась так называемая грошовая политика. Дело дошло до того, что в один прекрасный день петербургская газета «Рабочая Мысль» [2] объявила: «Наша политическая программа — 10-часовой рабочий день, восстановление праздников, отнятых законом 2 июня [3]» (!!!) *.

Вместо того, чтобы руководить стихийным движением, внедрить в массу социал-демократические идеалы и направить её к нашей конечной цели, эта часть русских социал-демократов превратилась в слепое орудие самого движения; она слепо следовала за недостаточно развитой частью рабочих и ограничивалась формулированием тех нужд, тех потребностей, которые были осознаны в тот момент рабочей массой. Одним словом, она стояла и стучалась в открытую дверь, не смея

* Необходимо отметить, что в последнее время петербургский «Союз борьбы» и редакция его газеты отказались от своего прежнего, исключительно экономического, направления и стараются внести в свои действия идеи политической борьбы.

войти в самый дом. Она оказалась неспособной разъяснить рабочей массе конечную цель — социализм или хотя бы ближайшую цель — свержение самодержавия, и, что ещё более печально, всё это она считала бесполезным и даже вредным. Она смотрела на русского рабочего, как на ребёнка, и боялась запугать его такими смелыми идеями. И даже помимо этого, по мнению некоторой части социал-демократии, для социализма не требуется никакой революционной борьбы: необходима лишь экономическая борьба — стачки и профессиональные союзы, потребительские и производственные общества, — и социализм уже готов. Она считала ошибкой учение старой международной социал-демократии, доказывающей, что, пока политическая власть не перейдёт в руки пролетариата (диктатура пролетариата), невозможно изменение существующего строя, невозможно полное освобождение рабочих. По её мнению, социализм сам по себе ничего нового не представляет и, собственно говоря, не отличается от существующего капиталистического строя: социализм легко вместится и в существующий строй, и каждый профессиональный союз, даже потребительская лавочка или производственное общество является уже «частью социализма»,— говорили они. И вот таким нелепым штопанием старой одежды они думали сшить новую одежду страждущему человечеству! Но печальнее всего и само по себе непонятно для революционеров то обстоятельство, что эта часть русских социал-демократов до того расширила учение своих западноевропейских учителей (Бернштейн и К°), что бесстыдно заявляет: политическая свобода (свобода стачек, союзов, слова и т. д.) совместима с **царизмом**, и поэтому особая политическая

борьба, борьба за свержение самодержавия, является совершенно излишней, ибо для достижения цели достаточно, оказывается, одной экономической борьбы, достаточно, чтобы стачки происходили почаще, вопреки запрещению власти, и тогда власть устанет наказывать стачечников, и свобода стачек и собраний придёт сама своим ходом.

Таким образом, эти якобы «социал-демократы» доказывали, что русский рабочий все свои силы и энергию должен пожертвовать лишь экономической борьбе и не должен следовать за различными «широкими идеалами». Практически их действия выражались в том, что они считали своим долгом лишь **местную** работу в том или другом городе. Для них никакого интереса не представляла организация социал-демократической рабочей **партии** России, наоборот, организация партии являлась для них смешной и забавной игрой, мешающей исполнению их прямого «долга» — экономической борьбе. Стачка и ещё раз стачка и сбор копеек для боевых касс — вот альфа и омега их работы.

Вы, несомненно, подумаете, что раз они так сузили свои задачи, раз они отказались от социал-демократизма, эти обожатели стихийного «движения» сделают многое, по крайней мере для этого движения. Но и тут мы обмануты. В этом нас убеждает история петербургского движения. Его блестящее развитие и смелое продвижение на первых порах, в 1895—1897 годах, впоследствии сменилось блужданием вслепую, и, наконец, движение остановилось на одной точке. Это не удивительно: все усилия «экономистов» создать прочную организацию для экономической борьбы неизменно наталкивались на крепкую стену власти и всегда разбивались о неё.

Ужасные полицейские условия уничтожали всякую возможность каких бы то ни было экономических организаций. И стачки не приносили пользы, так как из 100 стачек 99 душились в полицейских тисках, рабочих беспощадно выбрасывали из Петербурга и их революционную энергию безжалостно высасывали тюремные стены и сибирские морозы. Мы глубоко убеждены, что в этой задержке (конечно, сравнительной) движения виноваты не только внешние, полицейские условия; тут не меньше повинна задержка в развитии самих идей, классового сознания, и отсюда — падение революционной энергии рабочих.

Ввиду того, что наряду с развитием движения рабочие не могли широко понять высокие цели и содержание борьбы, так как знамя, под которым приходилось бороться русскому рабочему, оставалось старым, выцветшим тряпьём со своим конечным девизом экономической борьбы, — рабочие **должны были** внести в эту борьбу меньше энергии, меньше увлечения, меньше революционных стремлений, ибо великая энергия рождается лишь для великой цели.

Но опасность, грозящая вследствие этого движению, была бы большей, если бы условия нашей жизни с каждым днём всё более настойчиво не толкали русских рабочих к прямой политической борьбе. Даже простая, небольшая стачка в упор ставила перед рабочими вопрос о нашем политическом бесправии, сталкивала их с властью и вооружённой силой и явно доказывала недостаточность исключительно экономической борьбы. Поэтому вопреки желанию этих самых «социал-демократов» борьба с каждым днём всё более и более принимала явно политический характер. Каждая

попытка пробудившихся рабочих открыто выразить своё недовольство существующим экономическим и политическим положением, под гнётом которого стонет сегодня русский рабочий, каждая попытка освободиться от гнёта толкала рабочих к такого рода манифестациям, где оттенок экономической борьбы всё более и более стушёвывался. Первомайские праздники в России пробили путь к политической борьбе и политическим демонстрациям. И русский рабочий к единственному старому средству своей борьбы — к стачке — прибавил новое могучее средство — политическую демонстрацию, впервые испробованную во время грандиозной харьковской маёвки в 1900 году.

Таким образом, российское рабочее движение благодаря своему внутреннему развитию от **пропаганды** в кружках и экономической борьбы посредством стачек переходило на путь **политической борьбы** и **агитации.**

Этот переход заметно ускорился, когда рабочий класс увидел на арене борьбы элементы других общественных классов России, идущих с твёрдым решением — завоевать политическую свободу.

II

Под игом царского режима стонет не только рабочий класс. Тяжёлая лапа самодержавия душит и другие общественные классы. Стонет распухшее от постоянной голодовки русское крестьянство, обнищавшее вследствие непосильных налоговых тягот, отданное в жертву торгашам-буржуям и «благородным» помещикам. Стонет мелкий городской люд, мелкие служащие государственных и частных учреждений, мелкое

чиновничество — в общем то многочисленное мелкое городское население, существование которого, так же как и рабочего класса, не обеспечено и которое имеет основание быть недовольным своим общественным положением. Стонет часть мелкой и даже средней буржуазии, которая не может примириться с царским кнутом и нагайкой, особенно образованная часть буржуазии, так называемые представители свободных профессий (учителя, врачи, адвокаты, студенты и вообще учащиеся). Стонут угнетённые нации и вероисповедания в России, в том числе гонимые со своей родины и оскорблённые в своих святых чувствах поляки, финны, права и свободу которых, дарованные им историей, самодержавие нагло растоптало. Стонут постоянно преследуемые и оскорбляемые евреи, лишённые даже тех жалких прав, которыми пользуются остальные российские подданные, — права жить везде, права учиться в школах, права служить и т. д. Стонут грузины, армяне и другие нации, лишённые права иметь свои школы, работать в государственных учреждениях, вынужденные подчиниться той позорной и угнетающей политике **руссификации**, которую с таким рвением проводит самодержавие. Стонут многие миллионы русских сектантов, которые хотят веровать и исповедывать так, как им подсказывает их совесть, а не так, как желают православные попы. Стонут... но всех угнетаемых, всех преследуемых российским самодержавием не перечислить. Их так много, что если бы все они поняли это и поняли, где их общий враг, российская деспотическая власть не просуществовала бы и одного дня. К сожалению, русское крестьянство ещё забито вековым рабством, нищетой и темнотой, оно просыпается лишь теперь, оно ещё не поняло, где его враг. Угнетённые нации России не могут даже и думать о том, чтобы своими собственными силами освободить себя, пока против них стоит не только русское правительство, но даже русский народ, ещё не осознавший, что их общий враг — самодержавие. Остаются рабочий класс, мелкое городское население и образованная часть буржуазии.

Но буржуазия всех стран и наций прекрасно умеет присваивать плоды, добытые не её победой, прекрасно умеет загребать жар чужими руками. У неё никогда не бывает желания рисковать своим сравнительно привилегированным положением в борьбе с сильным врагом, в борьбе, выиграть которую пока ещё не так легко. Несмотря на то, что она недовольна, ей всё-таки живётся не плохо, и потому она с удовольствием уступает рабочему классу и вообще простому народу право подставлять свою спину под казачьи нагайки, солдатские пули, бороться на баррикадах и т. д. Сама она «сочувствует» борьбе и в лучшем случае «возмущается» (про себя) по поводу той жестокости, с которой озверевший враг усмиряет народное движение. Она боится революционных действий и только в последние минуты борьбы, когда она ясно видит бессилие врага, сама переходит к революционным мерам. Этому учит нас опыт истории... Только рабочий класс и вообще народ, которому в борьбе нечего терять кроме своих цепей,— только они представляют собой действительную революционную силу. И опыт России, хотя он ещё и беден, подтверждает эту старую истину, которой учит нас история всех революционных движений.

Из представителей привилегированного сословия только часть студенчества показала свою решимость

бороться до конца за свои требования. Но мы не должны забывать того, что и эта часть студенчества состоит из сыновей тех же угнетённых граждан, и притом студенчество как учащаяся молодёжь, пока оно ещё не окунулось в житейское море и не заняло там определённого общественного положения, больше всех склонно к идеальным устремлениям, зовущим его к борьбе за свободу.

Так или иначе, в настоящее время студенчество выступает в движении «общества» почти как главарь, передовой отряд. Вокруг него группируется сегодня недовольная часть различных общественных классов. Вначале студенчество пыталось бороться с помощью перенятого от рабочих средства — стачек. Но когда правительство на их стачки ответило зверским законом («Временными правилами» [4]), согласно которому бастовавшие студенты рекрутировались в солдаты, у студенчества осталось лишь одно средство борьбы — потребовать помощи у русского общества и от стачек перейти к **уличным демонстрациям.** Студенчество так и поступило. Оно не сложило оружия, а, наоборот, стало бороться ещё мужественнее и решительнее. Вокруг него сгруппировались угнетённые граждане, им протянул руку помощи рабочий класс, и движение стало мощным, угрожающим для власти. Вот уже два года правительство России ожесточённо, но безрезультатно ведёт борьбу против непокорных граждан с помощью своих многочисленных войск, полиции и жандармов.

События последних дней показывают, что поражение политических демонстраций невозможно. Случаи в первых числах декабря в Харькове, Москве, Нижнем-

Новгороде, Риге и т. д. показывают, что в настоящее время общественное недовольство проявляется уже сознательно и это недовольное общество готово перейти от молчаливого протеста к революционным действиям. Но требования, выставленные студенчеством, требования свободы учения, свободы внутренней университетской жизни чрезмерно узки для широкого общественного движения. Для объединения всех участников этого движения необходимо знамя, — знамя, понятное и близкое для всех, объединяющее все требования. **Таким знаменем является свержение самодержавия.** Лишь на развалинах самодержавия возможно построить общественный строй, опирающийся на участие народа в управлении государством, обеспечивающий **свободу** и учения, и стачек, и слова, и религии, и национальностей и т. д. и т. д. Лишь такой строй даст народу средство своей защиты от всяких угнетателей, от торгашей и капиталистов, от духовенства, дворянства, лишь такой строй откроет свободный путь к лучшему будущему, к свободной борьбе за установление социалистического строя.

Конечно, студенчество своими силами не может вести эту грандиозную борьбу, его слабые руки не смогут держать это тяжёлое знамя. Для того, чтобы держать его, нужны руки более сильные, и в нынешних условиях такой силой является лишь объединённая сила рабочего народа. Следовательно, рабочий класс должен взять из слабых рук студенчества знамя всей России и, написав на нём: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая конституция!», — повести русский народ к свободе. Студентам же мы должны быть благодарны за преподанный ими нам урок: они показали,

какое большое значение имеет политическая демонстрация в революционной борьбе.

Уличная демонстрация интересна тем, что она быстро вовлекает в движение большую массу населения, сразу знакомит её с нашими требованиями и создаёт ту благоприятную широкую почву, на которой мы смело можем сеять семена социалистических идей и политической свободы. Уличная демонстрация создаёт уличную агитацию, влиянию которой не может не поддаться отсталая и робкая часть общества *. Достаточно человеку выйти во время демонстрации на улицу, чтобы увидеть мужественных борцов, понять, ради чего они борются, услышать свободную речь, зовущую всех на борьбу, боевую песнь, изобличающую существующий строй, вскрывающую наши общественные язвы. Потому-то власть больше всего боится уличной демонстрации. Вот почему она грозит сурово наказать не только демонстрантов, но и «любопытствующих». В этом любопытстве народа скрывается главная опасность для власти: сегодняшний «любопытствующий» завтра как демонстрант соберёт вокруг себя новые группы «любопытствующих». А такие «любопытствующие» сегодня в каждом крупном городе насчитываются десятками тысяч. Российский житель теперь уже больше не прячется, как прежде, заслышав о том, что где-то происходят беспорядки («чего доброго, как бы и меня не привлекли, лучше уж убраться»,— говорил он

* Нелегальная книга, агитационная листовка в нынешних условиях России с громадной трудностью доходят до каждого жителя. Хотя плоды распространения нелегальной литературы велики, но в большинстве случаев оно охватывает лишь меньшую часть населения.

раньше),— сегодня он стремится к месту беспорядков и «любопытствует»: из-за чего происходят эти беспорядки, ради чего столько народа подставляет свою спину казачьим нагайкам.

В этих условиях «любопытствующие» перестают равнодушно слушать свист нагаек и сабель. «Любопытствующие» видят, что демонстранты собрались на улице для того, чтобы высказать свои желания и требования, власть же им отвечает избиением и зверским подавлением. «Любопытствующий» уже не бежит от свиста нагаек, а наоборот, подходит ближе, а нагайка уже не может разобрать, где кончается простой «любопытствующий» и где начинается «бунтовщик». Теперь нагайка, соблюдая «полное демократическое равенство», не различая пола, возраста и даже сословия, разгуливает по спинам и тех и других. Этим нагайка оказывает нам большую услугу, ускоряя революционизирование «любопытствующего». Из оружия успокоения она становится оружием пробуждения.

Поэтому пусть уличные демонстрации не дают нам прямых результатов, пусть сила демонстрантов сегодня ещё очень слаба для того, чтобы этой силой вынудить власть немедленно же пойти на уступки народным требованиям,— жертвы, приносимые нами сегодня в уличных демонстрациях, сторицей будут возмещены нам. Каждый павший в борьбе или вырванный из нашего лагеря борец подымает сотни новых борцов. Мы пока ещё не раз будем биты на улице, ещё не раз выйдет правительство победителем из уличных боёв. Но это будет «пиррова победа». Ещё несколько таких побед — и поражение абсолютизма неминуемо. Сегодняшней победой он готовит себе поражение. И мы,

твёрдо убеждённые в том, что этот день наступит, что этот день недалёк, идём под удары нагаек для того, чтобы сеять семена политической агитации и социализма.

Власть не менее нас убеждена, что уличная агитация — смертный приговор для неё, что достаточно ещё пройти 2—3 годам — и перед ней встанет призрак **народной революции.** Устами екатеринославского губернатора правительство на этих днях объявило, что оно «не остановится даже перед крайними мерами, чтобы уничтожить малейшие попытки уличной демонстрации». Как видите, это заявление пахнет пулями и, возможно, даже снарядами, но мы думаем, что пуля — средство не менее возбуждающее недовольство, чем нагайка. Мы не думаем, чтобы правительство даже этими «крайними мерами» сумело задержать надолго политическую агитацию и этим воспрепятствовало её развитию. Мы надеемся, что революционная социал-демократия сумеет приспособить свою агитацию и к новым условиям, которые создаст правительство введением этих «крайних мер». Во всяком случае, социал-демократия бдительно должна следить за событиями, должна быстро использовать уроки этих событий и умело приспособлять свои действия к изменяющимся условиям.

Но для этого социал-демократии необходима сильная и тесно сплочённая организация, а именно — **организация партии,** которая будет сплочена не только по названию, но и по своим основным принципам и тактическим взглядам. Наша задача — работать над созданием такой сильной партии, которая будет вооружена твёрдыми принципами и несокрушимой конспирацией.

Социал-демократическая партия должна использовать новое начавшееся уличное движение, она **должна взять в свои руки знамя российской демократии и повести её к желанной для всех победе!**

Таким образом, перед нами открывается период **преимущественно политической борьбы.** Такая борьба неизбежна для нас, ибо в существующих политических условиях экономическая борьба (стачки) не может дать чего-либо существенного. Стачки и в свободных государствах — обоюдоострое оружие: даже там, несмотря на то что рабочие имеют средства борьбы — политическую свободу, крепкие организации рабочих союзов, богатые кассы, — стачки часто кончаются поражением рабочих. А у нас, где стачка является преступлением, которое карается арестом, подавляется вооружённой силой, где запрещены всякие рабочие союзы,— у нас стачки приобретают значение лишь **протеста.** Но для протеста демонстрации являются более сильным оружием. В стачках сила рабочих распылена, в них участвуют рабочие лишь одного завода или нескольких заводов, в лучшем случае, одной профессии, организация всеобщей стачки очень затруднительна даже в Западной Европе, а у нас и вовсе невозможна, — в уличных же демонстрациях рабочие сразу объединяют свои силы.

Из этого видно, насколько узко смотрят на дело те «социал-демократы», которые хотят замкнуть рабочее движение в рамки экономической борьбы и экономических организаций, уступая политическую борьбу «интеллигенции», студентам, обществу и предоставляя рабочим лишь роль **вспомогательной** силы. История учит, что при таких условиях рабочие будут вынуждены таскать каштаны из огня лишь для буржуазии.

буржуазия обычно с удовольствием пользуется мускулистыми руками рабочих в борьбе против самодержавной власти, и, когда победа уже завоёвана, она присваивает её результаты, а рабочих оставляет с пустыми руками. Если и у нас так пойдёт дело, рабочие ничего из этой борьбы не получат. Что касается студентов и других протестантов из общества, ведь они — та же буржуазия. Достаточно им дать совершенно безобидную «общипанную конституцию», предоставляющую народу ничтожные права, чтобы все эти протестанты запели иным голосом: они станут восхвалять «новый» режим. Буржуазия находится в постоянном страхе перед «красным призраком» коммунизма и во всех революциях старается кончить дело там, где оно лишь только начинается. Получив незначительную выгодную ей уступку, она, запуганная рабочими, протягивает власти руку примирения и бесстыдно продаёт дело свободы *.

Только рабочий класс является надёжной опорой подлинной демократии. Только он не может пойти на соглашение с самодержавием из-за какой-нибудь уступки и не даст усыпить себя, когда ему начнут сладко петь под звуки конституционной лютни.

Поэтому для демократического дела в России чрезвычайно большое значение имеет то, сумеет ли рабочий класс стать во главе общего демократического движения или же он будет плестись в хвосте движения как вспомогательная сила «интеллигенции», т. е. буржуазии. В первом случае результатом свержения самодержавия будет широкая **демократическая конституция**, которая предоставит равные права и рабочему, и забитому крестьянину, и капиталисту. Во втором случае мы будем иметь результатом ту «общипанную конституцию», которая не меньше, чем абсолютизм, сумеет растоптать требования рабочих и предоставит народу лишь призрак свободы.

* Здесь, конечно, мы не имеем в виду ту интеллигенцию, которая уже отрекается от своего класса и борется в рядах социал-демократов. Но такие интеллигенты — лишь исключение, они «белые вороны».

Но для этой руководящей роли рабочий класс должен организоваться в **самостоятельную политическую партию.** Тогда ему не страшны будут в борьбе с абсолютизмом никакие измены и предательства со стороны его временного союзника — «общества». С того момента, как это «общество» изменит делу демократии, рабочий класс сам, своими собственными силами поведёт это дело вперёд, — самостоятельная политическая партия даст ему необходимую для этого силу.

Газета «Брдзола» («Борьба») № 2—3, ноябрь — декабрь 1901 г.

Статья без подписи

Перевод с грузинского

КАК ПОНИМАЕТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС?

I

Всё изменяется... Изменяется общественная жизнь и вместе с нею изменяется и «национальный вопрос». В разные времена различные классы выступают на арену борьбы, — и каждый класс по-своему понимает «национальный вопрос». Следовательно, «национальный вопрос» в разные времена **служит различным интересам**, принимает различные оттенки в зависимости от того, **какой** класс и **когда** выдвигает его.

Существовал, например, у нас так называемый **дворянский «национальный вопрос»**, когда — после «присоединения Грузии к России» — грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях, и, считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало **«освобождения Грузии». Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им**, таким образом, **судьбу грузинского народа**! Это был **феодально-монархический «национализм»**. Это «движение» не оставило никакого заметного следа в жизни грузин, не стяжало себе славы ни одним фактом, если

не иметь в виду отдельные заговоры грузинских дворян против русских правителей на Кавказе. Достаточно было событиям общественной жизни слегка коснуться этого и без того слабого «движения», чтобы разрушить его до основания. И, действительно, развитие товарного производства, отмена крепостничества, основание дворянского банка, усиление классового антагонизма в городе и в деревне, усилившееся движение деревенской бедноты и т. п. — всё это нанесло смертельный удар грузинскому дворянству и, вместе с ним, **«феодально-монархическому национализму»**. Грузинское дворянство раскололось на две группы. Одна из них отказалась от всякого «национализма» и протянула руку русскому самодержавию с тем, чтобы взамен этого получить от него тёплые местечки, дешёвый кредит и сельскохозяйственные орудия, чтобы правительство обеспечило её от сельских «бунтовщиков» и т. п. Другая же, более слабая, группа грузинского дворянства подружилась с грузинскими епископами и архимандритами и, таким образом, укрыла гонимый жизнью «национализм» под крылышко клерикализма. Эта группа с большим увлечением занимается восстановлением разрушенных грузинских церквей (это является главной статьёй её «программы»!) — «памятников былого величия» — и благоговейно ждёт чуда, призванного осуществить её **крепостническо-монархические «желания»**.

Таким образом, феодально-монархический национализм в последние минуты своей жизни принял клерикальную форму.

Вместе с тем современная общественная жизнь выдвинула у нас **национальный вопрос буржуазии**. Когда молодая грузинская буржуазия почувствовала,

насколько трудна для неё свободная конкуренция с «иностранными» капиталистами, она устами грузинских национал-демократов начала лепетать о **независимой Грузии.** Грузинская буржуазия хотела оградить грузинский рынок таможенным кордоном, силой изгнать с этого рынка «иностранную» буржуазию, искусственно поднять цены на товары и такими «патриотическими» проделками добиться успеха на арене обогащения.

Такой была и остаётся цель национализма грузинской буржуазии. Нечего и говорить, что для осуществления этой цели нужна была сила, а сила — в пролетариате. Только пролетариат мог вдохнуть жизнь в выхолощенный «патриотизм» буржуазии. Необходимо было привлечь на свою сторону пролетариат, — и вот, на сцену выходят «национал-демократы». Много пороха потратили они для опровержения научного социализма, много хулили они социал-демократов и советовали грузинским пролетариям отойти от них, восхваляли грузинский пролетариат и уговаривали его «в интересах самих же рабочих» усилить как-нибудь грузинскую буржуазию. Они неотступно умоляли грузинских пролетариев: не губите «Грузию» (или грузинскую буржуазию?), забудьте «внутренние разногласия», подружитесь с грузинской буржуазией и т. п. Но тщетно! Слащавые сказки буржуазных публицистов не могли усыпить грузинский пролетариат! Беспощадные атаки грузинских марксистов, в особенности же мощные классовые выступления, превратившие в один социалистический отряд русских, армянских, грузинских и других пролетариев, — нанесли нашим **буржуазным националистам** сокрушительный удар и изгнали их с поля борьбы.

«Для восстановления посрамлённого имени» нашим сбежавшим патриотам необходимо было «изменить хотя бы окраску», хотя бы облечься в социалистический наряд, если они не могли усвоить социалистических взглядов. И, действительно, на сцену вынырнул нелегальный... буржуазно-националистический — с позволения сказать — «социалистический» орган **«Сакартвело»**[5]**!** Так хотели соблазнить грузинских рабочих! Но было уже поздно! Грузинские рабочие научились отличать чёрное от белого, они легко догадались, что буржуазные националисты «изменили только окраску», а не существо своих взглядов, что у **«Сакартвело» одно лишь название социалистическое.** Они поняли это и подняли на-смех «спасителей» Грузии! Не оправдались надежды дон-кихотов из «Сакартвело»!

С другой стороны, наше экономическое развитие постепенно прокладывает мост между передовыми кругами грузинской буржуазии и «Россией», экономически и политически связывает эти круги с «Россией» и тем самым расшатывает почву и без того расшатанного буржуазного национализма. И это — второй удар по буржуазному национализму!

На арену борьбы выступил новый класс, **пролетариат,** — и вместе с ним возник новый «национальный вопрос», **«национальный вопрос» пролетариата.** Насколько отличается пролетариат от дворянства и буржуазии, настолько же отличается выдвинутый пролетариатом «национальный вопрос» от «национального вопроса» дворянства и буржуазии.

Теперь поговорим об этом «национализме».

Как понимает социал-демократия **«национальный вопрос»?**

Российский пролетариат давно заговорил о борьбе. Как известно, целью всякой борьбы является победа. Но для победы пролетариата необходимо объединение **всех** рабочих **без различия национальности.** Ясно, что разрушение национальных перегородок и тесное сплочение русских, грузинских, армянских, польских, еврейских и проч. пролетариев является необходимым условием победы российского пролетариата.

Таковы интересы российского пролетариата.

Но российское самодержавие, как злейший враг российского пролетариата, постоянно оказывает противодействие делу объединения пролетариев. Оно разбойнически преследует национальную культуру, язык, обычаи и учреждения «чужих» национальностей России. Самодержавие лишает их необходимых гражданских прав, притесняет со всех сторон, фарисейски сеет между ними недоверие и вражду, подстрекает их к кровопролитным столкновениям, показывая этим, что единственная цель русского самодержавия заключается в том, чтобы рассорить нации, населяющие Россию, обострить между ними национальную рознь, укрепить национальные перегородки и тем самым с бо̀льшим успехом разъединить пролетариев, с бо̀льшим успехом распылить весь российский пролетариат на мелкие национальные группы и таким путём вырыть могилу классовому самосознанию рабочих, их классовому объединению.

Таковы интересы русской реакции, такова политика русского самодержавия.

Ясно, что интересы российского пролетариата, рано или поздно, неизбежно должны были столкнуться с реакционной политикой царского самодержавия. Так оно

и произошло, и именно на этой почве возник в социал-демократии «национальный вопрос».

Как разрушить национальные перегородки, воздвигнутые между нациями, как уничтожить национальную замкнутость, чтобы лучше сблизить друг с другом российских пролетариев, чтобы теснее сплотить их?

Таково содержание «национального вопроса» в социал-демократии.

Разделиться на отдельные национальные партии и создать из них «свободный союз»,— отвечают **федералисты**-социалдемократы.

То же самое твердит «Армянская социал-демократическая рабочая организация»[6].

Как видите, нам советуют не объединиться в одну российскую партию с единым центром во главе, а разделиться на несколько партий с несколькими руководящими центрами, и всё это для усиления классового единства! Мы хотим **сблизить** друг с другом пролетариев разных наций. Что же мы должны предпринять?— Отдалите друг от друга пролетариев и достигнете цели! — отвечают федералисты-социалдемократы. Мы хотим пролетариев объединить в одну партию. Что же мы должны предпринять? — Распылите российский пролетариат на отдельные партии и вы достигнете цели!— отвечают федералисты-социалдемократы. Мы хотим уничтожить национальные перегородки. Какие меры предпринять? — Укрепите национальные перегородки организационными перегородками и достигнете цели!— отвечают они. И всё это советуют нам, российским пролетариям, ведущим борьбу в одинаковых политических условиях, имеющим одного и того же общего врага! Одним словом, нам говорят: действуйте

на радость врагам и похороните вашу общую цель вашими же руками!

Но согласимся на минуту с федералистами-социал-демократами и последуем за ними,— посмотрим, куда они нас приведут! Сказано: преследуй лжеца до порога лжи.

Допустим, что мы послушались наших федералистов и основали отдельные национальные партии. Какие последуют за этим результаты?

Это нетрудно понять. Если до настоящего времени, пока мы были **централистами**, главное внимание обращали на **общие** условия положения пролетариев, на **единство** их интересов, а об их «национальных различиях» говорили лишь постольку, поскольку это не противоречило их **общим** интересам, — если до настоящего времени первейшим вопросом для нас был вопрос о том, — в чём сходятся между собой пролетарии национальностей России, что общего между ними, — чтобы на почве этих общих интересов построить одну централизованную партию рабочих всей России,— в настоящее время, когда «мы» стали федералистами, наше внимание привлекает новый главнейший вопрос: чем отличаются друг от друга пролетарии национальностей России, каково различие между ними, чтобы на почве «национального различия» построить отдельные национальные партии. Таким образом, второстепенные для централиста «национальные различия» становятся для федералиста фундаментом национальных партий.

Если мы будем следовать дальше по этому пути, то рано или поздно вынуждены будем заключить, что «национальные» и ещё какие-либо иные «различия»,

например, армянского пролетария, таковы же, как и армянской буржуазии, что у армянского пролетария и армянского буржуа одинаковые обычаи и характер, что они составляют один народ, одну неделимую «нацию»*. Отсюда недалеко до «единой почвы совместного действия», на которую должны стать и буржуа и пролетарии и протянуть дружески друг другу руки, как

* «Армянская социал-демократическая рабочая организация» только что сделала этот похвальный шаг. Она в своём «Манифесте» решительно заявляет, что «пролетариат (армянский) нельзя отделить от общества (армянского): объединённый (армянский) пролетариат должен быть самым разумным и сильным органом армянского народа», что «армянский пролетариат, объединённый в социалистическую партию, должен стремиться к определению армянской общественной мысли, что армянский пролетариат будет родным сыном своего племени» и пр. (см. ст. 3 «Манифеста» «Армянской социал-демократической рабочей организации»).

Во-первых, непонятно, почему «нельзя отделить армянский пролетариат от армянского общества», если это «отделение» происходит на каждом шагу? Разве объединённый армянский пролетариат не «отделился» от армянского общества, когда он в 1900 г. (в Тифлисе) объявил борьбу армянской буржуазии и буржуазно мыслящим армянам?! Что же представляет собой «Армянская социал-демократическая рабочая организация», если не классовую организацию пролетариев армян, которые «отделились» от других классов армянского общества? Или, быть может, «Армянская социал-демократическая рабочая организация» является организацией всех классов!? Ну, а может ли борющийся армянский пролетариат ограничиться «определением армянской общественной мысли», не обязан ли он итти вперёд, объявить борьбу этой — до мозга костей буржуазной «общественной мысли» и вдохнуть в неё революционный дух? Факты говорят, что он обязан. Но если это так, то само собой ясно, что «Манифест» должен был обратить внимание читателя не на «определение

члены одной и той же «нации». При этом фарисейская политика самодержавного царя может показаться «новым» доказательством такой дружбы, а разговоры о классовом антагонизме покажутся «неуместным доктринёрством». А там ещё чья-либо поэтическая рука «смелее» коснётся узко национальных струн, пока ещё существующих среди пролетариев национальностей России, и заставит их зазвучать на соответствующий лад.

общественной мысли», а на борьбу с этой мыслью, на необходимость её революционизирования: этим он лучше охарактеризовал бы обязанности «социалистического пролетариата». И, наконец, разве армянский пролетариат может быть «родным сыном своего племени», когда одна часть этого племени — армянская буржуазия — как паук, сосёт его кровь, а другая часть — армянское духовенство — помимо того, что сосёт кровь рабочих, систематически развращает его сознание? Все эти вопросы просты и неизбежны, если смотреть на дело с точки зрения классовой борьбы. Но авторы «Манифеста» не замечают этих вопросов, потому что они смотрят на дело с федералистически-националистической точки зрения, перенятой ими у Бунда (еврейский рабочий союз) [7]. И вообще авторы «Манифеста» как бы поставили себе целью — во всём подражать Бунду. В свой «Манифест» они внесли также вторую статью резолюции V съезда Бунда «О положении Бунда в партии». Они называют «Армянскую социал-демократическую рабочую организацию» единственной защитницей интересов армянского пролетариата (см. ст. 3 указанного «Манифеста»). Авторы «Манифеста» забыли, что кавказские комитеты нашей партии [8] вот уже несколько лет считаются представителями армянских (и других) пролетариев на Кавказе, что они развивают в них классовое самосознание путём устной и печатной пропаганды и агитации на армянском языке, руководят ими во время борьбы и пр., тогда как «Армянская социал-демократическая рабочая организация» родилась лишь позавчера. Всё это они забыли и, надо надеяться, многое ещё позабудут, лишь бы в точности перенять организационные и политические взгляды Бунда.

Шовинистическому шарлатанству откроется кредит (доверие), друзья покажутся врагами, враги — друзьями, произойдёт замешательство, измельчает классовое самосознание российского пролетариата.

Таким образом, вместо того, чтобы **разрушить национальные перегородки,** мы, по милости федералистов, **ещё больше укрепим** их организационными перегородками; вместо того, чтобы **двинуть вперёд** классовое самосознание пролетариата, мы **отбросим его назад** и подвергнем опасным испытаниям. И «возрадуется сердце» самодержавного царя, ибо ему никогда не удалось бы заполучить подобных нам даровых помощников.

Разве мы этого добивались?

И, наконец, в то время, когда нам необходима единая, гибкая, централизованная партия, Центральный Комитет которой сможет вмиг поставить на ноги рабочих всей России и повести их на решительный штурм самодержавия и буржуазии, — нам суют в руки уродливый, распылённый на отдельные партии «федералистический союз»! Вместо острого оружия нам дают заржавленное и уверяют: этим вы, дескать, скорее покончите с вашими кровными врагами!

Вот куда ведут нас федералисты-социалдемократы!

Но так как мы добиваемся не «укрепления национальных перегородок», а их разрушения, так как нам необходимо не заржавленное, а острое оружие, чтобы с корнем вырвать нынешнюю несправедливость, так как мы хотим доставить врагу не радость, а горечь и хотим сравнять его с землёю, ясно, что наша обязанность — отвернуться от федералистов и найти лучший ответ для решения «национального вопроса».

II

До сих пор мы говорили о том, как не следует решать «национальный вопрос». Теперь поговорим о том, как надо решать этот вопрос, т. е. как разрешила его социал-демократическая рабочая партия*.

Прежде всего необходимо помнить, что действующая в России социал-демократическая партия назвала себя **Российской** (а не **русской**). Очевидно, этим она хотела нам показать, что она под своим знаменем будет собирать не только русских пролетариев, но и пролетариев **всех национальностей** России, и, следовательно, она примет все меры для уничтожения воздвигнутых между ними **национальных перегородок.**

Далее, наша партия очистила «национальный вопрос» от окутывающего его тумана, придававшего ему таинственный вид, расчленила этот вопрос на отдельные элементы, придала каждому из них характер классового требования и изложила их в программе в виде отдельных статей. Этим она ясно нам показала, что **взятые сами по себе** так называемые «национальные интересы» и «национальные требования» не имеют особой цены, что эти «интересы» и «требования» достойны внимания лишь настолько, насколько они двигают вперёд или могут двинуть вперёд классовое самосознание пролетариата, его классовое развитие.

Всем этим Российская социал-демократическая рабочая партия ясно наметила тот путь, на который она стала, и ту позицию, которую она заняла при решении «национального вопроса».

* Не лишним будет заметить, что нижеследующее является комментарием к статьям нашей партийной программы, относящимся к национальному вопросу.

Из каких частей состоит «национальный вопрос»?

Чего требуют гг. федералисты-социалдемократы?

1) **«Гражданского равенства для национальностей России»?**

Вас волнует господствующее в России гражданское неравенство? Вы хотите вернуть национальностям России отнятые правительством гражданские права и поэтому требуете для этих национальностей гражданского равенства? А мы разве против **этого** требования? Мы прекрасно понимаем, какое большое значение имеют гражданские права для пролетариев. Гражданские права — это оружие борьбы; отнять эти права — значит отнять оружие; а кто не знает, что безоружные пролетарии не могут хорошо бороться? Для российского же пролетариата необходимо, чтобы пролетарии всех национальностей России боролись хорошо, ибо чем лучше будут бороться эти пролетарии, тем больше у них будет классового самосознания, а чем больше будет у них классового самосознания, тем теснее будет классовое единство российского пролетариата. Да, всё это нам известно, и потому всеми нашими силами мы боремся и будем бороться за гражданское равенство национальностей России! Прочтите 7-ю статью нашей партийной программы, где партия говорит о «полном равноправии всех граждан независимо от пола, религии, расы и **национальности»**,— и вы увидите, что Российская социал-демократическая рабочая партия принимает на себя осуществление этих требований.

Чего ещё требуют федералисты-социалдемократы?

2) **«Свободы языка для национальностей России»?** Вас волнует тот факт, что пролетариям «чужих» национальностей России почти воспрещено учиться на родном языке, говорить на родном языке в общественных, государственных и других учреждениях? Действительно, есть отчего волноваться! Язык — орудие развития и борьбы. У разных наций — разные языки. Интересы российского пролетариата требуют, чтобы пролетарии национальностей России имели полное право пользоваться **тем языком**, на котором они могут более свободно получить образование, на котором лучше могут бороться с врагами на собраниях, в общественных, государственных и др. учреждениях. **Таким** языком признан **родной язык.** Пролетариев «чужих» национальностей лишают родного языка, и разве мы можем молчать,— говорят они. Ну, а как отвечает на это российскому пролетариату наша партийная программа? Прочтите 8-ю статью нашей партийной программы, в силу которой наша партия требует: «Права населения получать образование на родном языке, обеспечиваемого созданием на счёт государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; права каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введения родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях»,— прочтите всё это и убедитесь, что Российская социал-демократическая рабочая партия принимает на себя осуществление и этого требования.

Ещё чего требуют федералисты-социалдемократы?

3) **«Самоуправления для национальностей России»?** Вы хотите этим сказать, что одни и те же законы нельзя одинаково применять к различным местностям

российского государства, отличающимся друг от друга своеобразными бытовыми условиями и составом населения? Вы хотите, чтобы указанным местностям было предоставлено право приспособить **общие** государственные законы к их своеобразным условиям? Если это так, если таково содержание вашего требования,— то необходимо придать ему и соответствующую форму, нужно отбросить националистическую туманность, путаницу и назвать вещи своими именами. И если вы последуете этому совету, то вы убедитесь, что мы ничего не имеем против такого требования. У нас нет никаких сомнений, что различные местности российского государства, отличающиеся друг от друга своеобразными бытовыми условиями и составом населения, не могут одинаково применять государственную конституцию, что необходимо таким местностям предоставить право осуществлять общую государственную конституцию в той форме, в которой они извлекут бо́льшую пользу, в которой они полнее разовьют имеющиеся в народе политические силы. Этого требуют классовые интересы российского пролетариата. И если вы перечитаете 3-ю статью нашей партийной программы, где наша партия требует «широкого местного самоуправления; областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения»,— то вы увидите, что Российская социал-демократическая рабочая партия сначала очистила это требование от националистического тумана и затем — взяла на себя его осуществление.

4) Вы указываете нам на царское самодержавие, которое зверски преследует «национальную культуру» «чужих» национальностей России, которое разбойнически

вмешивается в их внутреннюю жизнь и притесняет их со всех сторон, которое варварски разрушило (и продолжает разрушать) культурные учреждения финляндцев, разбойнически захватило армянское национальное имущество и т. д.? Вы требуете гарантии от разбойничьих насилий самодержавия? Но разве мы не видим насилий царского самодержавия, и разве мы не боролись постоянно против этих насилий?! В настоящее время для всякого очевидно, как притесняет и душит нынешнее российское правительство «чужие» национальности России. Не подлежит также сомнению, что подобная политика правительства изо дня в день развращает и подвергает опасным испытаниям классовое самосознание российского пролетариата. Следовательно, мы всегда и везде будем бороться против развращающей политики царского правительства. Следовательно, мы всегда и везде будем защищать от полицейских насилий самодержавия не только полезные, но даже бесполезные учреждения этих национальностей, так как интересы российского пролетариата подсказывают нам, что только сами национальности имеют право уничтожать или развивать те или другие стороны своей национальной культуры. Но читайте 9-ю статью нашей программы. Разве не об этом идёт речь в 9-й статье нашей партийной программы, которая, кстати сказать, вызвала много пересудов как среди наших врагов, так и среди друзей.

Но здесь прерывают нас и советуют прекратить разговоры о 9-й статье. Почему? спрашиваем мы. «Потому», отвечают они, что эта статья нашей программы «коренным образом противоречит» 3-й, 7-й и 8-й статьям той же программы, что, если национальностям предоставляются права по своей воле устраивать все свои национальные дела (см. ст. 9), то тогда в упомянутой программе не должно быть места статьям 3-й, 7-й и 8-й,— и, наоборот, если эти статьи остаются в программе, то тогда, несомненно, должна быть исключена из программы статья 9-я. Несомненно, нечто подобное говорит «Сакартвело» *, когда со свойственным ему легкомыслием спрашивает: «что за логика — сказать нации: я предоставляю тебе областное самоуправление,— и в то же самое время напомнить ей, что она имеет право по своему усмотрению устраивать все свои национальные дела?» (см. «Сакартвело» № 9). «Видно», в программу вкралось логическое противоречие, «видно», для устранения этого противоречия необходимо исключить из программы какую-либо одну или несколько статей! Да, «безусловно» нужно исключить, а то как же, смотрите, сама логика протестует устами нелогичного «Сакартвело».

Вспоминается одно древнее сказание. Жил когда-то «мудрец-анатом». В его распоряжении было «всё необходимое» для «настоящего» анатома: диплом, помещение, инструменты, непомерные претензии. Нехватало ему лишь малого — знания анатомии. Однажды к нему обратились с просьбой объяснить, какая существует связь между частями скелета, которые были разбросаны им на анатомическом столе. Таким образом, нашему «прославленному мудрецу» представился случай отличиться. «Мудрец» с большой помпой и

* Мы здесь касаемся «Сакартвело» лишь для того, чтобы лучше выяснить содержание 9-й статьи. Целью настоящей статьи является критика федералистов-социалдемократов, а не «сакартвелоистов», коренным образом отличающихся от первых (см. главу I).

торжественностью приступил к «делу»! Но вот беда! «Мудрец» ни аза не понимал в анатомии, он не знал, какую часть к чему приставить, чтобы в результате получить целый скелет! Долго возился бедняга, много потел, но тщетно! Наконец, когда у него всё перепуталось и ничего не вышло, он схватил несколько частей скелета, отшвырнул их далеко от себя и при этом философски обругал «злонамеренных» лиц, якобы положивших на его стол ненастоящие части скелета. Зрители, конечно, подняли на-смех «мудреца-анатома».

Подобное «приключение» произошло и с «Сакартвело». Ему вздумалось разобрать нашу партийную программу, но оно, оказывается, не знало, что же представляет собой наша программа и как её следует разбирать, не поняло, какая существует связь между отдельными статьями этой программы и что представляет собой каждая статья в отдельности,— и вот «философски» советует нам: так как я не мог понять таких-то и таких-то статей вашей программы, то поэтому (?!) необходимо выбросить их вон из программы.

Но я не хочу поднимать на-смех и без того смешного «Сакартвело»,— говорят: лежачего не бьют! Наоборот, я готов даже оказать ему помощь в деле разъяснения нашей программы, но при условии, чтобы оно 1) собственными устами признало своё невежество; 2) внимательно слушало меня и 3) было бы в ладу с логикой *.

* Считаю необходимым сообщить читателю, что «Сакартвело» с первых же номеров объявило войну логике, как оковам, с которыми необходимо бороться. Не следует обращать внимания на то обстоятельство, что «Сакартвело» часто говорит от имени логики, оно поступает так по свойственным ему легкомыслию и забывчивости.

Дело вот в чём. 3-я, 7-я и 8-я статьи нашей программы возникли на почве **политического централизма.** Когда Российская социал-демократическая рабочая партия вносила эти статьи в свою программу, она руководствовалась тем соображением, что так называемое «окончательное» решение «национального вопроса», т. е. «освобождение» «чужих» национальностей России, вообще говоря, невозможно до тех пор, пока политическое господство находится в руках буржуазии. Это имеет двоякую причину: во-первых, нынешнее экономическое развитие постепенно прокладывает мост между «чужими национальностями» и «Россией», устанавливает всё большую и большую связь их друг с другом и тем самым порождает дружеские чувства в руководящих кругах буржуазии этих национальностей, что лишает почвы их «национально-освободительные» устремления; и *во-вторых*, **вообще говоря**, пролетариат не будет поддерживать так называемое «национально-освободительное» движение, так как до настоящего времени всякое **такое** движение совершалось в пользу буржуазии, развращало и калечило классовое самосознание пролетариата. Эти соображения породили идею **политического централизма** и обусловленные ею 3-ю, 7-ю и 8-ю статьи нашей партийной программы.

Но это, как сказано выше, является **общим** взглядом.

Это, однако, не исключает того, что могут создаться такие экономические и политические условия, при которых передовые круги буржуазии «чужих» национальностей захотят «национального освобождения».

Может случиться также, что такое движение окажется выгодным для развития классового самосознания пролетариата.

Как должна поступить тогда наша партия?

Вот именно для таких возможных случаев и включена в нашу программу 9-я статья, именно в предвидении таких возможных обстоятельств предоставляется национальностям право, в силу которого они будут стараться устроить свои национальные дела согласно своим желаниям (например, вовсе «освободиться», отделиться).

Наша партия, партия, ставящая своей целью быть руководителем борющегося пролетариата всей России, должна встретить подготовленной такие возможные случаи в жизни пролетариата, и именно потому она должна была внести подобную статью в свою программу.

Так обязана поступать всякая предусмотрительная, дальновидная партия.

Однако, оказывается, «мудрецов» из «Сакартвело», а также некоторых федералистов-социалдемократов, не удовлетворяет подобный смысл 9-й статьи. Они требуют «решительного», «прямого» ответа на вопрос: выгодна или невыгодна пролетариату «национальная независимость»? *

Я вспоминаю русских метафизиков 50-х годов прошлого столетия, которые назойливо спрашивали тогдашних диалектиков, полезен или вреден дождь для урожая, и требовали от них «решительного» ответа. Диалектикам нетрудно было доказать, что такая постановка вопроса совершенно не научна, что в разное время различно следует отвечать на такие вопросы, что во время засухи дождь — полезен, а в дождливое время — бесполезен и даже вреден, что, следовательно,

* См. статью «Старого (т. е. устаревшего!) революционера» в № 9 «Сакартвело».

требование «решительного» ответа на такой вопрос является явной глупостью.

Но подобные примеры газете «Сакартвело» не пошли впрок.

Такого же «решительного» ответа требовали от марксистов последователи Бернштейна на вопрос: полезны или вредны для пролетариата кооперативы (т. е. потребительско-производственные товарищества)? Марксистам нетрудно было доказать бессодержательность подобной постановки вопроса. Они очень просто разъяснили, что всё зависит от времени и места, что там, где классовое самосознание пролетариата достигло должного уровня развития, где пролетарии объединены в одну крепкую политическую партию,— там кооперативы могут принести большую пользу пролетариату, если за их создание и руководство возьмётся сама партия, там же, где этих условий нет, кооперативы являются вредными для пролетариата, так как они порождают у рабочих мелко-торгашеские тенденции и цеховую замкнутость и таким образом искажают их классовое самосознание.

Но и этот пример не пошёл впрок «сакартвелоистам». Они ещё настойчивее спрашивают: полезна или вредна для пролетариата национальная независимость? Дайте решительный ответ!

Но мы видим, что тех обстоятельств, которые могут породить и развить «национально-освободительное» движение среди буржуазии «чужих» национальностей,— этих обстоятельств пока не существует, и они не так-то уж неизбежны в будущем,— они допущены нами лишь как возможные обстоятельства. Кроме того, ведь пока и невозможно знать, на какой ступени

развития будет тогда классовое самосознание пролетариата, насколько полезно или вредно будет это движение для пролетариата! Спрашивается, на какой же почве строить * «решительный» ответ на этот вопрос, откуда вывести его? И разве не глупо требовать «решительного» ответа при таком положении вещей?

Ясно, что разрешение этого вопроса нужно предоставить самим «чужим» национальностям, а мы должны завоевать им право решения этого вопроса. Пусть сами национальности решают, когда это потребуется от них: полезна или вредна для них «национальная независимость» и если полезна, то в какой форме следует осуществить её? Лишь они могут решить этот вопрос!

Таким образом, в силу 9-й статьи «чужим» национальностям предоставлено право устраивать свои национальные дела соответственно своим желаниям. А мы в силу той же статьи обязаны добиваться того, чтобы желания этих национальностей были подлинно социал-демократическими, чтобы эти желания исходили из классовых интересов пролетариата, для чего необходимо в социал-демократическом духе просвещать пролетариев этих национальностей, подвергнуть суровой социал-демократической критике некоторые реакционные «национальные» нравы, обычаи и учреждения, что вовсе не помешает нам защищать эти же нравы, обычаи и учреждения от полицейского насилия.

Такова основная мысль 9-й статьи.

Легко заметить, какую глубокую логическую связь имеет эта статья нашей программы с принципами про-

* Гг. «сакартвелоисты» всегда строят свои требования на песке и не представляют себе существование людей, которые могут найти более прочную почву своим требованиям!

летарской классовой борьбы. И так как вся наша программа построена на этом принципе, сама собой ясна логическая связь статьи 9-й со всеми остальными статьями нашей партийной программы.

Тупоумное «Сакартвело» потому и называется «мудрым» органом печати, что оно не переваривает таких простых мыслей.

Что же ещё осталось от «национального вопроса»?

5) **«Защита национального духа и его свойств»?**

Но что такое этот «национальный дух и его свойства»? Наука устами диалектического материализма давно доказала, что никакого «национального духа» не существует и существовать не может. Опроверг ли кто-нибудь этот взгляд диалектического материализма? История говорит нам, что никто не опроверг. Следовательно, мы обязаны согласиться с указанным взглядом науки, обязаны вместе с наукой повторить, что никакого «национального духа» не существует и существовать не может. И если это так, если никакого «национального духа» не существует,— то само собой ясно, что всякая защита того, что не существует, является логической глупостью, которая неизбежно повлечёт за собой соответствующие исторические (нежелательные) последствия. Говорить о таких «философских» глупостях к лицу разве только «Сакартвело» — «органу революционной партии грузинских социал-федералистов» (см. «Сакартвело» № 9) *.

* Что же представляет собой так странно именующая себя «партия»? «Сакартвело» повествует (см. приложение первое к № 10 «Сакартвело»), что «весной текущего года за границей собрались грузинские революционеры: грузинские анархисты, сторонники «Сакартвело», грузинские социал-революционеры и...

* * *

Так обстоит дело с национальным вопросом.

Как видно, наша партия расчленила его на отдельные части, извлекла из него жизненные соки, разлила

объединились... в «партию» грузинских социал-федералистов»... Да, именно анархисты, которые всем сердцем и душой презирают всякую политику, социал-революционеры, которые обожают политику, «сакартвелоисты», которые отрицают всякие террористические и анархические мероприятия,— вот этакая пёстрая и взаимно отрицающая друг друга публика, оказывается, объединилась... в «партию»! Идеальная разношёрстность, какую только когда-либо может себе представить человек! Вот где человеку не будет скучно! Ошибаются те организаторы, которые утверждают, что для объединения людей в партию необходима общность принципов! Не общность принципов, говорит нам эта пёстрая публика, а отсутствие принципов является той почвой, на которой должна быть построена «партия»! Прочь от нас «теория», принципы — эти рабские оковы! Чем скорее мы освободимся от них, тем лучше,— философствует эта пёстрая публика. И, действительно, как только эти люди освободились от принципов, они тотчас же, одним взмахом построили... карточный домик — виноват — «партию грузинских социал-федералистов». Оказывается, «семь с половиной человек» в любое время могут создать «партию», когда они соберутся вместе! И как тут не посмеяться, когда эти невежды, «офицеры» без армии предаются философствованию: Российская социал-демократическая рабочая партия «является антисоциалистической, реакционной» и пр.; русские социал-демократы — «шовинисты»; Кавказский союз нашей партии «рабски» подчиняется Центральному Комитету партии * и т. д. (см. резолюции первой конференции грузинских революционеров). Лучшего и не следовало ожидать от археологических остатков времён Бакунина. Каковы деревья — таковы и плоды, каковы фабрики — таковы и товары.

* Должен отметить, что согласованные действия отдельных частей нашей партии некоторым ненормальным «индивидам» показались «рабским подчинением». Это всё от слабости нервов — уверяют врачи.

их по венам своей программы и всем этим показала, как следует решать «национальный вопрос» в социал-демократии, чтобы до основания разрушить национальные перегородки, ни на минуту не отдаляясь от наших принципов.

Для чего нужны — спрашивается — отдельные национальные партии? Или: где же тот социал-демократический «базис», на котором должны быть построены организационные и политические воззрения федералистов-социалдемократов? Такого «базиса» не видно, его не существует. Федералисты-социалдемократы висят в воздухе.

Из такого неудобного положения они могут выйти двояким путём. Либо они должны окончательно отойти от точки зрения революционного пролетариата и принять принцип укрепления национальных перегородок (оппортунизм в федералистической форме); либо они должны отказаться от всякого федерализма в партийной организации, смело поднять знамя уничтожения национальных перегородок и сплотиться в едином лагере Российской социал-демократической рабочей партии.

Газета «Пролетариатис Брдзола»
(«Борьба Пролетариата») № 7,
1 сентября 1904 г.

Статья без подписи

Перевод с грузинского

ПИСЬМО ИЗ КУТАИСА[9]

Здесь теперь нужна «Искра» [10] (хотя она без искры, но всё-таки нужна: по крайней мере в ней есть хроника, чорт её возьми, надо хорошо знать и врага), начиная с 63 №. Очень нужны издания Бонч-Бруевича [11]: «Борьба за съезд», «К партии» (не декларация ли 22-х? [12]), «Наши недоразумения», «о сущности социализма» и «о стачках» Рядового (если вышли), брошюра Ленина против Розы и Каутского [13], Протоколы съезда Лиги [14], «Шаг вперёд» [15] (можешь отложить, если теперь невозможно успеть). Нужна всякая новинка от простых деклараций до больших брошюр, что хоть сколько-нибудь касается существующей внутрипартийной борьбы.

Прочёл брошюру Галёрки «Долой бонапартизм». Ничего себе. Если бы он бил своим молотом сильнее и глубже, было бы лучше. Шутливый тон и просьба о пощаде лишают его удары силы и увесистости и портят впечатление у читателя. Тем более бросается в глаза этот недостаток, что автор, повидимому, хорошо понимает нашу позицию и прекрасно уясняет и развивает некоторые вопросы. Человек, стоящий на нашей позиции, должен говорить голосом твёрдым и непреклонным. В этом отношении Ленин — настоящий горный орёл.

Прочёл также статьи Плеханова, в которых он разбирает «Что делать?» [16]. Этот человек или совершенно рехнулся, или в нём говорят ненависть и вражда. Думаю, что обе причины имеют здесь место. Я думаю, что Плеханов отстал от **новых вопросов**. Ему мерещатся старые оппоненты, и он по-старому твердит: «общественное сознание определяется общественным бытием», «идеи с неба не падают». Как будто Ленин говорит, что социализм Маркса был бы возможен во время рабства и крепостничества. Теперь гимназисты и те знают, что «идеи с неба не падают». Но дело в том, что теперь речь идёт совсем о другом. Эту общую формулу мы давно переварили, настало время детализировать этот общий вопрос. Теперь нас интересует то, как из отдельных идей вырабатывается система идей (теория социализма), как отдельные идеи и идейки связываются в одну стройную систему — теорию социализма, и кем вырабатываются и связываются. Масса даёт своим руководителям программу и обоснование программы или руководители массе? Если сама масса и её стихийное движение дают нам теорию социализма, то нечего ограждать массу от вредного влияния ревизионизма, терроризма, зубатовщины, анархизма: «стихийное движение само **из себя** рождает социализм». Если же из себя **не** рождает стихийное движение теорию социализма (не забудь, что у Ленина речь идёт о теории социализма), значит, последняя рождается **вне** стихийного движения, из наблюдения и изучения стихийного движения людьми, вооружёнными знаниями нашего времени. Значит, теория социализма вырабатывается «совершенно независимо от роста стихийного движения», даже вопреки этому движению, и затем уж **вносится извне** в это движение, **исправляя**

его сообразно своему содержанию, т. е. сообразно объективным требованиям классовой борьбы пролетариата.

Заключение (практический вывод) отсюда таково: возвысим пролетариат до сознания истинных классовых интересов, до сознания социалистического идеала, а не то чтобы разменять этот идеал на мелочи или приспособить к стихийному движению. Ленин установил теоретический базис, на котором и строится этот практический вывод. Стоит только принять эту теоретическую предпосылку, и никакой оппортунизм не подступит к тебе близко. В этом значение ленинской идеи. Называю её ленинской, потому что никто в русской литературе не высказывал её с такой ясностью, как Ленин. Плеханов думает, что он всё ещё пребывает в 90-х годах и жуёт пережёванное 18 раз — дважды два-де 4. И ему не стыдно, что договаривается до повторения мартыновских идей...

Наверно знаком с декларацией 22-х... Здесь был один товарищ, приехавший из ваших краёв, взял с собой резолюции кавказских комитетов за экстренный съезд партии.

Напрасно смотришь на дело безнадёжно, — колебался только Кутаисский комитет, но мне удалось убедить их, и после этого они стали клясться большевизмом. Убедить было их нетрудно: двуличная политика ЦК стала очевидной благодаря декларации, и после получения новых сведений об этом нельзя было сомневаться в этом. Он (ЦК) сломит себе шею, об этом постараются здешние и русские товарищи. Все точат зубы против него.

Написано в сентябре — октябре 1904 г.
Печатается впервые

Перевод с грузинского

ПИСЬМО ИЗ КУТАИСА

(Того же товарища)

С письмом опоздал, не сердись. Всё время был занят. Всё, посланное тобой, получил (Протоколы Лиги; «Наши недоразумения» Галёрки и Рядового; «Социал-Демократ» № 1; «Искру» последние №№). Мысль Рядового («Один из выводов») мне понравилась. Хороша также статья против Розы Люксембург. Эти господа — Роза, Каутский, Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич и другие, — повидимому, выработали какие-то семейные традиции, как старые знакомые. Они не могут «изменить» друг другу, защищают друг друга так, как члены клана патриархальных племён защищали друг друга, не входя в рассмотрение виновности или невиновности родственника. Именно это семейное «родственное» чувство помешало Розе объективно взглянуть на партийный кризис (конечно, есть и другие причины, например, плохое знакомство с фактами, заграничные очки и т. д.). Этим же, между прочим, объясняются некоторые недостойные поступки Плеханова, Каутского и других.

Здесь всем нравятся издания Бонча, как мастерское выражение позиции большевиков. Хорошо бы сделал Галёрка, если бы **по существу** коснулся статей Плеханова (№№ 70, 71 «Искры»). Основная мысль статей

Галёрки та, что Плеханов раньше говорил одно, теперь говорит другое, он-де противоречит самому себе. Экая важность! Как будто это — новость! Он не первый раз противоречит себе самому. И этим он, быть может, даже гордится, считая себя за живое воплощение «диалектического процесса». Само собой, что непоследовательность — пятно на политической физиономии «руководителя», и оно (пятно), несомненно, должно быть отмечено. Но у нас (т. е. в №№ 70, 71) речь идёт не об этом, а о важном вопросе теории (вопрос об отношении бытия к сознанию) и тактики (об отношении руководимых к руководителям). Галёрко следовало бы, по-моему, показать, что теоретическая война Плеханова против Ленина — чистейшее донкихотство, война с ветряными мельницами, так как Ленин в своей книжке последовательнейшим образом придерживается положения К. Маркса **о происхождении** сознания. Война же Плеханова по вопросу о тактике — сплошная путаница, характерная для «индивида», переходящего в лагерь оппортунистов. Если бы Плеханов поставил вопрос ясно, хоть бы в таком виде: «кто формулирует программу, руководители или руководимые?» И затем: «кто кого возвышает до понимания программы, руководители руководимых или последние первых?» Или: «может быть нежелательно, чтобы руководители возвышали массу до понимания программы, тактики и принципов организации?» Если бы Плеханов так ясно поставил себе эти вопросы, в силу своей простоты и тавтологичности в себе самих заключающие своё разрешение, то он, быть может, испугался бы своего намерения и не выступил бы с таким треском против Ленина. И поскольку Плеханов этого не сделал, т. е. поскольку он запутал вопрос фразами о «героях и толпе», постольку он

уклонился в сторону **тактического оппортунизма.** Путать вопросы — характерная черта оппортунистов.

Если бы Галёрка поставил эти и подобные вопросы по существу, по-моему, было бы лучше. Скажешь, это дело Ленина, но я с этим не могу согласиться, так как критикуемые взгляды Ленина — не собственность Ленина, и их искажение касается других партийцев не меньше, чем Ленина. Конечно, Ленин лучше других мог бы выполнить эту задачу...

Есть уже резолюции в пользу изданий Бонча. Может быть, и деньги будут. Читал, вероятно, в № 74 «Искры» резолюции в «пользу мира». Резолюции **Имеретино-Мингрельского** и **Бакинского комитетов** не были упомянуты, потому что там ничего не было о «доверии» к ЦК. Сентябрьские резолюции, как я писал, настойчиво требовали съезда. Посмотрим, что будет, т. е. посмотрим, что покажут результаты заседаний партийного Совета[17]. Получил ли 6 руб., или нет? На этих днях получишь ещё. Не забудь прислать с тем субъектом брошюру **«Письмо к товарищу»** [18], — здесь многие не читали её. Пришли также «Социал-Демократ», следующий номер.

Костров [19] прислал нам ещё одно письмо, где говорит о духе и материи (кажется, речь идёт о ситцевой материи). Этот ишак не понимает, что пред ним не аудитория газеты «Квали»[20]. Какое ему дело до организационных вопросов?

Вышел новый номер (7-й) «Борьбы Пролетариата» («Пролетариатис Брдзола») [21]. Между прочим, там есть одна моя статья против организационного и политического федерализма [22]. Если сумею, пришлю этот №.

Написано в октябре 1904 г.
Печатается впервые

Перевод с грузинского

КЛАСС ПРОЛЕТАРИЕВ И ПАРТИЯ ПРОЛЕТАРИЕВ

(По поводу первого пункта устава партии)

Прошло то время, когда смело провозглашали: «единая и неделимая Россия». Теперь и ребёнок знает, что «единой и неделимой» России не существует, что она давно разделилась на два противоположных класса: на буржуазию и пролетариат. Теперь ни для кого не является тайной, что борьба между этими двумя классами превратилась в ту ось, вокруг которой вращается наша современная жизнь.

Тем не менее до настоящего времени всё это трудно было заметить,— и это потому, что до сих пор мы видели на арене борьбы лишь отдельные группы, ибо боролись лишь отдельные группы в отдельных городах и уголках, а пролетариата и буржуазии, как классов, не было видно,— их трудно было заметить. Но вот, объединились города и районы, различные группы пролетариата протянули друг другу руку, вспыхнули общие забастовки и демонстрации,— и перед нами открылась величественная картина борьбы между двумя Россиями, Россией буржуазной и Россией пролетарской. На арену борьбы выступили две большие армии: армия пролетариев и армия буржуа, и борьба между этими

двумя армиями охватила всю нашу общественную жизнь.

Так как армия не может действовать без руководителей и так как каждая армия имеет свой передовой отряд, который идёт впереди неё и освещает ей путь,— то ясно, что вместе с этими армиями должны были выступить и соответствующие группы руководителей, соответствующие партии, как говорят обычно.

Итак, картина приняла следующий вид: на одной стороне армия буржуа во главе с либеральной партией, а на другой — армия пролетариев во главе с социал-демократической партией,— каждой армией в её классовой борьбе руководит собственная партия *.

Мы коснулись всего этого для того, чтобы сравнить партию пролетариев с классом пролетариев и тем самым выяснить вкратце её общую физиономию.

Сказанное в достаточной мере выяснило, что партия пролетариев, как боевая группа руководителей, во-первых, должна быть гораздо меньше класса пролетариев по количеству своих членов; во-вторых, должна стоять выше класса пролетариев по своей сознательности и своему опыту; и, в-третьих, должна представлять из себя сплочённую организацию.

Сказанное, по нашему мнению, не нуждается в доказательствах, так как само собой понятно, что пока существует капиталистический порядок, который неизменно сопровождается нищетой и отсталостью народных масс,— весь пролетариат не сможет подняться до желательной сознательности, что, стало

* Мы ничего не говорим о других партиях в России, так как для выяснения разбираемых нами вопросов нет никакой необходимости говорить о них.

быть, необходима группа сознательных руководителей, которая социалистически просвещает армию пролетариев, объединяет её и руководит ею во время борьбы. Ясно также и то, что партия, которая поставила своей целью руководить **борющимся** пролетариатом, должна представлять не случайное скопление одиночек, а сплочённую централизованную **организацию**, чтобы можно было направлять её работу по единому плану.

Такова, вкратце, общая физиономия нашей партии.

Запомним всё это и перейдём к нашему главному вопросу: кого мы можем назвать членом партии? Первый пункт партийного устава, по поводу которого написана эта статья, касается именно этого вопроса.

Итак, рассмотрим этот вопрос.

Кого же, стало быть, мы можем назвать членом Российской соц.-дем. рабочей партии, т. е. каковы обязанности члена партии?

Партия наша — социал-демократическая. Это значит, что она имеет свою собственную программу (ближайшие и конечные цели движения), свою собственную тактику (способы борьбы) и свой собственный организационный принцип (форму объединения). **Единство** программных, тактических и организационных взглядов является той почвой, на которой строится наша партия. Лишь **единство** этих взглядов может объединить членов партии в **одну** централизованную партию. Рушится единство взглядов — рушится и партия. Следовательно, членом партии можно назвать лишь того, кто полностью принимает партийную программу, тактику и организационный принцип партии. Лишь тот, кто достаточно изучил и полностью принял программные, тактические и организационные взгляды нашей партии,

может быть в рядах нашей партии и вместе с тем в рядах руководителей армии пролетариев.

Но достаточно ли для члена партии только **принятия** партийной программы, тактики и организационных взглядов? Можно ли назвать такого человека подлинным руководителем армии пролетариев? Конечно, нет! Во-первых, всем известно, что на свете существует немало болтунов, которые с удовольствием «примут» партийную программу, тактику и организационные взгляды, но ни на что, кроме болтовни, не способны. Было бы осквернением святая святых партии назвать такого болтуна членом партии (т. е. руководителем армии пролетариев)! Да к тому же, наша партия ведь не философская школа или религиозная секта. Разве наша партия не есть партия **борьбы**? И если это так, разве не ясно само собой, что нашу партию не удовлетворит платоническое **принятие** её программы, тактики и организационных взглядов, что она несомненно потребует от своего члена **осуществления** принятых взглядов? Значит, кто хочет быть членом нашей партии, тот не может довольствоваться принятием программных, тактических и организационных взглядов нашей партии и должен взяться за осуществление этих взглядов, за проведение их в жизнь.

Но что значит для члена партии осуществление партийных взглядов? Когда он может осуществить эти взгляды? Лишь тогда, когда он борется, когда он вместе со всей партией идёт впереди армии пролетариата. Возможна ли борьба в одиночку, вразброд? Конечно, нет! Наоборот, люди сначала объединяются, сначала организуются и потом уже идут в бой. Без этого бесплодна всякая борьба. Ясно, что и члены партии только тогда

смогут бороться и, стало быть, осуществлять партийные взгляды, когда они объединятся в сплочённую **организацию.** Ясно также, что чем в более сплочённую организацию объединятся члены партии, тем лучше они будут бороться, стало быть, тем полнее осуществят программу, тактику и организационные взгляды партии. Недаром говорят, что наша партия есть **организация** руководителей, а не скопление одиночек. А если наша партия есть **организация** руководителей, то ясно, что членом этой партии, этой организации можно считать лишь того, кто работает в этой организации, кто, стало быть, считает своей обязанностью слить свои желания с желаниями партии и действовать вместе с партией.

Значит, для членства в партии необходимо осуществление программы, тактики и организационных взглядов партии; для осуществления взглядов партии необходима борьба за эти взгляды; для борьбы за эти взгляды необходима работа в партийной организации и работа вместе с партией. Ясно, что для членства в партии необходимо вступление в одну из партийных организаций *. Лишь тогда, когда мы вступим в одну из партийных организаций и, таким образом, наши личные интересы сольём с интересами партии,— лишь тогда

* Как всякий сложный организм состоит из бесчисленного количества простейших организмов, так и наша партия, как сложная и общая организация, состоит из множества районных, местных организаций, которые называются партийными организациями, если они утверждены партийным съездом или Центральным Комитетом. Как видите, партийной организацией называются не только комитеты. Для направления работы этих организаций по единому плану существует Центральный Комитет, при посредстве которого эти местные партийные организации составляют одну большую централизованную организацию.

мы сможем стать членами партии и вместе с тем настоящими руководителями армии пролетариев.

Если наша партия является не скоплением одиночек-болтунов, а **организацией** руководителей, которая при посредстве Центрального Комитета достойно ведёт вперёд армию пролетариев, то тогда всё сказанное выше ясно само собой.

Необходимо заметить ещё вот что.

До сегодняшнего дня наша партия была похожа на гостеприимную патриархальную семью, которая готова принять всех сочувствующих. Но после того, как наша партия превратилась в централизованную **организацию,** она сбросила с себя патриархальный облик и полностью уподобилась **крепости,** двери которой открываются лишь для достойных. А это имеет для нас большое значение. В то время как самодержавие старается развратить классовое самосознание пролетариата «тред-юнионизмом», национализмом, клерикализмом и т. п., когда, с другой стороны, либеральная интеллигенция упорно старается убить политическую самостоятельность пролетариата и добиться опеки над ним,— в это время мы должны быть крайне бдительными и не должны забывать, что наша партия есть **крепость,** двери которой открываются лишь для проверенных.

Мы выяснили два необходимых условия (принятие программы и работа в партийной организации) членства в партии. Если к этому прибавим и третье условие, которое обязывает члена партии оказывать ей материальную помощь,— тогда у нас будут налицо все те условия, которые дают право носить звание члена партии.

Значит, членом Российской социал-демократической рабочей партии может быть назван тот, кто принимает

программу этой партии, оказывает партии материальную помощь и **принимает участие в одной из партийных организаций.**

Такова формулировка первого пункта партийного устава, данная тов. Лениным *.

Эта формулировка, как видите, всецело вытекает из того взгляда, по которому наша партия есть централизованная **организация**, а не **скопление** одиночек.

В этом величайшее достоинство этой формулировки.

Но вот нашлись некоторые товарищи, которые бракуют ленинскую формулировку как «узкую» и «неудобную» и предлагают свою формулировку, которая, надо думать, не будет ни «узкой», ни «неудобной». Мы говорим о формулировке Мартова **, к разбору которой мы сейчас приступим.

По формулировке Мартова — «членом РСДРП считается всякий, принимающий её программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из её организаций». Как видите, в этой формулировке выпущено третье необходимое условие членства в партии, по которому члены партии обязаны **участвовать** в одной из партийных **организаций.** Это определённое и необходимое условие Мартов, оказывается, нашёл излишним и взамен его внёс в свою формулировку туманное и сомнительное «личное содействие под руководством одной из партийных организаций». Выходит, что можно быть членом партии, не входя в какую-либо партийную организацию (вот так «партия»!)

* Ленин — выдающийся теоретик и практик революционной социал-демократии.

** Мартов — один из редакторов «Искры».

и не считая себя обязанным подчиняться воле партии (вот так «партийная дисциплина»!)! Ну, а как же партия может «регулярно» руководить теми лицами, которые не входят ни в одну партийную организацию и которые, следовательно, не считают себя безусловно обязанными подчиняться партийной дисциплине?

Вот вопрос, о который разбивается формулировка первого пункта партийного устава, данная Мартовым, и который получает мастерское разрешение в формулировке Ленина, поскольку она определённо признаёт **участие в одной из партийных организаций**, как третье и необходимое условие для членства в партии.

Нам остаётся лишь выбросить из формулировки Мартова его туманное и лишённое смысла «личное содействие под руководством одной из партийных организаций». Без этого же условия в формулировке Мартова остаются лишь два условия (принятие программы и материальная помощь), которые сами по себе не имеют никакой цены, так как всякий болтун может «принять» партийную программу и оказать партии материальную помощь, что вовсе не даёт ему права быть членом партии.

Вот вам и «удобная» формулировка!

Мы говорим, что настоящие члены партии ни в коем случае не должны довольствоваться лишь принятием партийной программы, что они обязательно должны стараться осуществить принятую программу. Мартов отвечает: крайне строго поступаете, так как для члена партии не так-то уж необходимо осуществление принятой программы, если он не отказывается от материальной помощи партии и тому подобное. Мартов как бы жалеет некоторых болтунов — «социал-демократов» и не хочет закрыть им двери в партию.

Мы говорим, далее, что так как для осуществления программы необходима борьба, а для борьбы — объединение, то поэтому обязанность будущего члена партии — войти в одну из организаций, слить свои желания с желаниями партии и вместе с партией руководить боевой армией пролетариев, т. е. организоваться в стройные отряды централизованной партии. Мартов отвечает: не так-то уж необходимо для членов партии организовываться в стройные отряды, объединяться в организации, можно обойтись и борьбой в одиночку.

Так что же такое наша партия? — спрашиваем мы. Случайное скопление одиночек или сплочённая организация руководителей? И если она — организация руководителей, можно ли членом этой организации считать того, кто в неё не входит, кто, стало быть, не считает своей необходимой обязанностью подчиниться её дисциплине? Мартов отвечает, что партия не есть организация, или вернее, партия есть **неорганизованная** организация (вот вам и «централизм»!)!

Как видно, по мнению Мартова, наша партия есть не централизованная организация, а скопление местных организаций и «социал-демократических» одиночек, которые приняли нашу партийную программу и т. д. Но если наша партия не есть централизованная организация, то она не будет представлять крепости, двери которой могут открываться лишь для проверенных. И в самом деле, для Мартова, как это видно из его формулировки, партия — не крепость, а банкет, куда свободен доступ для всякого сочувствующего. Немножко знаний, столько же сочувствия, немного материальной помощи и дело в шляпе, вы имеете полное право числиться членом партии. Не слушайте, — подбадривает

Мартов перепуганных «членов партии», — не слушайте некоторых людей, по мнению которых член партии обязан войти в одну из партийных организаций и, таким образом, подчинить свои желания желаниям партии. Во-первых, трудно человеку согласиться на эти условия, ведь не шутка подчинить свои желания желаниям партии! А во-вторых, я уже отметил в своём разъяснении, что мнение этих некоторых людей ошибочно. Так милости просим, господа, пожалуйте... на банкет!

Мартов как бы жалеет некоторых профессоров и гимназистов, которые не решаются подчинить свои желания желаниям партии, и таким образом пробивает брешь в крепости нашей партии, через которую могут пролезть контрабандой в нашу партию эти уважаемые господа. Он открывает двери оппортунизму, и это в то время, когда на классовое самосознание пролетариата напирают тысячи врагов!

Но это не всё. Дело в том, что благодаря сомнительной формулировке Мартова возможность оппортунизма в нашей партии возникает и с другой стороны.

В формулировке Мартова, как мы знаем, речь идёт лишь о принятии программы, о тактике же и организации — ни звука, в то время как для единства партии единство организационных и тактических взглядов необходимо в такой же мере, как и единство их программных взглядов. Нам скажут, что об этом не говорится и в формулировке тов. Ленина. Правильно! Но ведь в формулировке тов. Ленина и нет надобности говорить об этом! Разве не ясно само собой, что тот, кто работает в одной из партийных организаций и, стало быть, борется вместе с партией и подчиняется партийной

дисциплине, не может следовать какой-либо другой тактике и другим организационным принципам, кроме тактики партии и организационных принципов партии. Но что вы скажете о том «члене партии», который принял партийную программу, но не состоит ни в одной партийной организации? Какая гарантия, что у этого «члена» тактика и организационные взгляды будут партийные, а не иные! Вот чего не может объяснить нам формулировка Мартова! И как результат формулировки Мартова, у нас в руках должна остаться страшная «партия», «члены» которой имеют одинаковую программу (это ещё вопрос!), а тактические и организационные взгляды — различные! Идеальное разнообразие! Чем же наша партия не будет походить на банкет?

Об одном лишь надо спросить: куда выбросить тот идейный и практический централизм, который завещал нам второй партийный съезд и которому в корне противоречит формулировка Мартова? Без сомнения, если дело дойдёт до выбора, то правильнее было бы выбросить вон формулировку Мартова.

Вот какую нелепую формулировку преподносит нам Мартов в противовес формулировке тов. Ленина!

Мы считаем результатом недомыслия решение второго партийного съезда, который (съезд) принял формулировку Мартова, и выражаем надежду, что третий партийный съезд несомненно исправит ошибку второго и примет формулировку тов. Ленина.

Повторим вкратце сказанное. На арену борьбы выступила армия пролетариев. Если всякая армия нуждается в своём передовом отряде, то и этой армии должен был понадобиться такой отряд. Отсюда появление группы пролетарских руководителей — Российской

социал-демократической рабочей партии. Как передовой отряд определённой армии, эта партия, во-первых, должна быть вооружена своей собственной программой, тактикой и организационным принципом и, во-вторых, должна представлять сплочённую организацию. Если спросим: кого мы должны назвать членом Российской социал-демократической рабочей партии, то эта партия может дать лишь один ответ: того, кто принимает программу партии, материально помогает партии и работает в одной из партийных организаций.

Эту именно очевидную истину и выразил тов. Ленин в своей замечательной формулировке.

Газета «Пролетариатис Брдзола»
(«Борьба Пролетариата») № 8,
1 января 1905 г.

Статья без подписи

Перевод с грузинского

РАБОЧИЕ КАВКАЗА, ПОРА ОТОМСТИТЬ!

Редеют царские батальоны, гибнет царский флот, сдался, наконец, позорно Порт-Артур,— и тем ещё раз обнаруживается старческая дряблость царского самодержавия...

Плохое питание и отсутствие каких бы то ни было санитарных мер развивают среди солдат заразные болезни. Такие невыносимые условия ещё более ухудшаются из-за неимения сколько-нибудь сносных жилищ и обмундирования. Ослабевшие, измученные солдаты мрут, как мухи. И это после десятков тысяч погибших от пуль!.. А всё это вызывает среди солдат брожение, недовольство. Солдаты просыпаются от спячки, они начинают чувствовать себя людьми, они уже не подчиняются слепо приказаниям своих начальников и часто свистом и угрозами встречают выскочек-офицеров.

Вот что нам пишет один офицер с Дальнего Востока:

«Сглупил! По настоянию своего начальника выступил недавно перед солдатами с речью. Едва начал я говорить о необходимости постоять за царя и отечество, как посыпались свист, ругань, угрозы... Я принуждён был уйти куда-нибудь подальше от разъярённой толпы...»

Так обстоит дело на Дальнем Востоке!

Прибавьте к этому волнения запасных в России, их революционные демонстрации в Одессе, Екатеринославе, Курске, Пензе и других городах, протесты новобранцев в Гурии, Имеретии, Карталинии, южной и северной России, обратите внимание, что протестующих не останавливают ни тюрьма, ни пули (недавно в Пензе расстреляно за демонстрацию несколько запасных), и вы легко поймёте, что думает русский солдат...

Царское самодержавие теряет главную опору — своё «надёжное воинство»!

С другой стороны, день за днём пустеет царская казна. Поражения следуют за поражениями. Царское правительство постепенно теряет доверие в глазах иностранных государств. Оно еле достаёт нужные ему деньги, и недалеко то время, когда оно лишится всякого кредита! «Кто нам уплатит, когда свергнут тебя, а твоё падение, без сомнения, не за горами», вот с каким ответом отпускают потерявшее всякое доверие царское правительство! А народ, обездоленный, голодный народ, что̀ может дать царскому правительству, когда ему самому нечем кормиться?!

Итак, царское самодержавие теряет и вторую главную свою опору — богатую казну с питающим её кредитом!

Вместе с тем, день за днём растёт промышленный кризис, закрываются фабрики и заводы, миллионы рабочих требуют хлеба и работы. С новой силой охватывает голодовка измучившую деревенскую бедноту. Выше и выше подымаются волны народного возмущения, сильнее они ударяются о царский трон,— и колеблется до основания одряхлевшее царское самодержавие...

Осаждённое царское самодержавие сбрасывает, подобно змее, старую кожу, и, в то время как недовольная Россия готовится к решительному штурму, оно оставляет (как будто оставляет!) свою **нагайку** и, переодевшись в овечью шкуру, провозглашает **политику примирения!**

Слышите, товарищи? Оно просит нас предать забвению свист нагаек и жужжание пуль, сотни убитых героев-товарищей, их славные тени, витающие вокруг нас и шепчущие нам: «Отомстите»!

Самодержавие бесстыдно протягивает нам окровавленные руки и советует примириться! Оно опубликовало какой-то «высочайший указ» [23], где сулит нам какую-то «свободу»... Старые разбойники! Они думают словами накормить миллионы голодающего российского пролетариата! Они надеются словами удовлетворить обнищавшее и измученное многомиллионное крестьянство! Они хотят обещаниями заглушить плач осиротелых семейств — жертв войны! Жалкие! Они тонут и хватаются за соломинку!..

Да, товарищи, до основания колеблется трон царского правительства! Правительство, которое награбленные с нас налоги раздаёт на жалованье нашим же палачам — министрам, губернаторам, уездным и тюремным начальникам, приставам, **жандармам и шпионам;** которое взятых у нас солдат — наших братьев и сыновей — заставляет проливать нашу же кровь; которое всячески поддерживает помещиков и хозяев в их повседневной борьбе с нами; которое сковало нас по рукам и ногам и довело до положения бесправных рабов; которое наше человеческое достоинство — нашу святая святых — зверски попрало и осмеяло,— именно это правительство шатается теперь и теряет почву под ногами!

Пора отомстить! Пора отомстить за славных товарищей, зверски убитых царскими башибузуками в Ярославле, Домброве, Риге, Петербурге, Москве, Батуме, Тифлисе, Златоусте, Тихорецкой, Михайлове, Кишинёве, Гомеле, Якутске, Гурии, Баку и других местах! Пора потребовать от него отчёта за тех ни в чём не повинных несчастных, которые десятками тысяч погибли на полях Дальнего Востока! Пора осушить слёзы их жён и детей! Пора потребовать от него ответа за те страдания и унижения, за те позорящие людей цепи, в которые оно с давних времён заковало нас! Пора покончить с царским правительством и расчистить себе путь к социалистическим порядкам! Пора **разрушить** царское правительство!

И мы **разрушим** его.

Тщетно стараются гг. либералы спасти обрушивающийся трон царя! Тщетно протягивают царю руку помощи! Они стараются вымолить у него милостыню и склонить его в пользу своего «проекта конституции» [24], чтобы мелкими **реформами** проложив себе путь к политическому господству, обратить царя в своё оружие, заменить самодержавие царя самодержавием буржуазии

и затем систематически душить пролетариат и крестьянство! Но напрасно! Поздно уж, гг. либералы! Осмотритесь кругом, что вам дало царское правительство, просмотрите его «высочайший указ»: маленькую «свободу» «земских и городских учреждений», маленькую «гарантию» от «стеснений прав частных лиц», маленькую «свободу» «печатного слова» и большое внушение о «непременном сохранении незыблемости основных законов империи», о «принятии действительных мер к охранению полной силы закона, важнейшей в самодержавном государстве опоры престола»!.. И что же? Не успели ещё переварить смешной «приказ» смешного царя, как градом посыпались «предостережения» газетам, пошли набеги жандармов и полицейских, запретили даже мирные банкеты! Царское правительство само постаралось доказать, что в своих ничтожных обещаниях оно не пойдёт дальше жалких слов.

С другой стороны, возмущённые народные массы готовятся к **революции**, а не к примирению с царём. Они упорно держатся пословицы: «горбатого одна только могила исправит». Да, господа, тщетны ваши старания! Русская революция неизбежна. Она так же неизбежна, как неизбежен восход солнца! Можете ли остановить восходящее солнце? **Главной силой этой революции является городской и сельский пролетариат, знаменосцем же её — социал-демократическая рабочая партия**, а не вы, гг. либералы! Почему вы забываете эту очевидную «мелочь»?

Уже подымается буря, предвестница зари. Ещё вчера-позавчера кавказский пролетариат от Баку до Батума единодушно выразил своё презрение царскому

самодержавию. Нет сомнения, что эта славная попытка кавказских пролетариев не пройдёт даром для пролетариев других уголков России. Просмотрите, далее, бесчисленные резолюции рабочих, выражающие глубокое презрение царскому правительству, прислушайтесь к глухому, но сильному ропоту в деревнях — и вы убедитесь, что Россия — заряжённое ружьё с приподнятым курком, могущее разрядиться от малейшего сотрясения. Да, товарищи, не далеко то время, когда русская революция поднимет паруса и «сотрёт с лица земли» гнусный трон презренного царя!

Наша кровная обязанность — быть готовыми к такому моменту. Так будем же готовиться, товарищи! Давайте сеять доброе семя в широких массах пролетариата. Протянем друг другу руки и **сплотимся вокруг партийных комитетов!** Мы не должны забывать ни на одну минуту, что **только партийные комитеты могут достойным образом руководить нами, только они** осветят нам путь в «обетованную землю», называемую социалистическим миром! Партия, которая открыла нам глаза и указала на врагов, которая организовала нас в грозную армию и повела на борьбу с врагами, которая в радости и горе не покидала нас и шла всегда впереди нас,— это Российская социал-демократическая рабочая партия! Она же будет руководить нами и впредь, **только она!**

Учредительное собрание, избранное на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования,— вот за что мы должны бороться теперь!

Только такое собрание даст нам **демократическую республику**, крайне нужную нам в нашей борьбе за социализм.

Так вперёд же, товарищи! Когда царское самодержавие колеблется, наша обязанность готовиться к решительному натиску! Пора отомстить!

Долой царское самодержавие!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Январь 1905 г.

Печатается по тексту прокламации, напечатанной 8 января 1905 г. в нелегальной (Авлабарской) типографии Кавказского союза РСДРП

Подпись: Союзный комитет

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕЖДУНАРОДНОЕ БРАТСТВО!

Граждане! Растёт движение революционного пролетариата,— и рушатся национальные перегородки! Пролетарии национальностей России объединяются в одну международную армию, отдельные ручейки пролетарского движения сливаются в один общий революционный поток. Всё выше и выше подымаются волны этого потока, всё сильнее и сильнее ударяются они о царский трон,— и шатается одряхлевшее царское правительство. Ни тюрьма, ни каторга, ни виселица — ничто не останавливает пролетарского движения: оно всё растёт!

И вот, царское правительство для укрепления своего трона придумывает «новое» средство. Оно сеет вражду между национальностями России, оно натравливает их друг на друга, оно старается разбить общее движение пролетариата на мелкие движения и направить их друг против друга, оно устраивает погромы евреев, армян и т. д. И всё это для того, чтобы братоубийственной войной отделить друг от друга национальности России и, обессилив их, без труда победить каждую в отдельности!

Разделяй и властвуй — такова политика царского правительства. Так оно действует в городах России (вспомните погромы в Гомеле, Кишинёве и других городах), то же самое повторяет и на Кавказе. Подлое! Кровью и трупами граждан старается оно укрепить свой презренный трон! Стоны умирающих в Баку армян и татар; слёзы жён, матерей, детей; кровь, невинная кровь честных, но несознательных граждан; напуганные лица бегущих, спасающихся от смерти беззащитных людей; разрушенные дома, разграбленные магазины и страшный, несмолкающий свист пуль,— вот чем укрепляет свой трон царь — убийца честных граждан.

Да, граждане! Это они, агенты царского правительства, натравили несознательных из татар на мирных армян! Это они, лакеи царского правительства, раздали им оружие и патроны, одели в татарскую форму полицейских и казаков и пустили на армян! Два месяца они — слуги царя — готовили эту братоубийственную войну,— и вот, наконец, достигли своей варварской цели. Проклятие и смерть на голову царского правительства!

Теперь эти жалкие рабы жалкого царя стараются поднять и у нас, в Тифлисе, братоубийственную войну! Они требуют вашей крови, они хотят разделить вас и властвовать над вами! Но будьте бдительны! Вы, армяне, татары, грузины, русские! Протяните друг другу руки, смыкайтесь теснее и на попытки правительства разделить вас единодушно отвечайте: Долой царское правительство! Да здравствует братство народов!

Протяните друг другу руки и, объединившись, сплачивайтесь вокруг пролетариата, действительного

могильщика царского правительства — этого единственного виновника бакинских убийств.

Пусть будет вашим возгласом:

Долой национальную рознь!

Долой царское правительство!

Да здравствует братство народов!

Да здравствует демократическая республика!

13 февраля 1905 г.

Печатается по тексту прокламации, напечатанной в типографии Тифлисского комитета РСДРП

Подпись: Тифлисский комитет

К ГРАЖДАНАМ.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНОЕ ЗНАМЯ!

Большие надежды и большое разочарование! Вместо национальной вражды — взаимная любовь и доверие! Вместо братоубийственного погрома — грандиозная демонстрация против царизма, виновника погромов! Рухнули надежды царского правительства: так и не удалось натравить друг на друга национальности Тифлиса!..

Давно старается царское правительство натравить друг на друга пролетариев, давно старается оно раздробить на части общее движение пролетариата. Потому оно и устроило погромы в Гомеле, Кишинёве и других местах. С этой же целью вызвало оно в Баку братоубийственную войну. И вот, наконец, взоры царского правительства остановились на Тифлисе. Здесь, в центре Кавказа, вознамерилось оно разыграть кровавую трагедию и перенести её затем в провинции! Шутка ли: натравить друг на друга национальности Кавказа и потопить в собственной же крови кавказ-

ский пролетариат! Царское правительство потирало руки от радости. Оно даже распространило прокламации с призывом — бить армян! И оно надеялось на успех. И вдруг 13 февраля многотысячная толпа из армян, грузин, татар и русских, как бы назло царскому правительству, собирается в ограде Ванкского собора и клянётся поддерживать друг друга «в борьбе с дьяволом, сеющим рознь между нами». Единодушие полное. Произносятся речи с призывом «объединиться». Масса аплодирует ораторам. Распространяются наши прокламации (3 000 штук). Масса принимает их нарасхват. Настроение массы подымается. Назло правительству она решает собраться на другой день в ограде того же собора, чтобы ещё раз «поклясться любить друг друга».

14 февраля. Вся ограда собора и прилегающие к ней улицы полны народа. Наши прокламации распространяются и читаются совершенно открыто. Масса разбивается на группы и обсуждает содержание прокламаций. Произносятся речи. Настроение массы подымается. Она решает демонстративно пройти около Сионского собора и мечети, «поклясться любить друг друга», остановиться на персидском кладбище, ещё раз поклясться и разойтись. Масса приводит в исполнение своё решение. По пути, около мечети и на персидском кладбище произносятся речи, распространяются наши прокламации (в этот день распространено 12 000 прокламаций). Настроение массы подымается всё выше и выше. Накопившаяся революционная энергия рвётся наружу. Масса решает демонстративно пройти Дворцовую, Головинский проспект и лишь потом разойтись. Наш комитет пользуется моментом и немедленно же

организует маленькое руководящее ядро. Ядро это с передовым рабочим во главе занимает центральное место,— и взвивается перед самым дворцом импровизированное красное знамя. Знаменосец, поднятый на руки демонстрантами, произносит ярко политическую речь, где он прежде всего просит товарищей не смущаться отсутствием социал-демократического призыва на знамени. «Нет, нет,— отвечают демонстранты,— он у нас в сердцах!» Далее, он разъясняет значение красного знамени, критикует предыдущих ораторов с точки зрения социал-демократии, разоблачает половинчатость их речей, указывает на необходимость уничтожения царизма и капитализма и призывает демонстрантов к борьбе под красным знаменем социал-демократии. «Да здравствует красное знамя!» — отвечает масса. Демонстранты двигаются вперёд к Ванкскому собору. На пути три раза останавливаются, чтобы выслушать знаменосца. Последний опять призывает демонстрантов к борьбе с царизмом и просит поклясться, что они так же единодушно пойдут на восстание, как теперь на демонстрацию. «Клянёмся!» — отвечает масса. Далее, демонстранты доходят до Ванкского собора и, после маленького столкновения с казаками, расходятся.

Такова была «демонстрация 8 000 тифлисских граждан».

Так ответили тифлисские граждане на фарисейскую политику царского правительства. Так они отомстили подлому правительству за кровь бакинских граждан. Слава и честь тифлисским гражданам!

Перед многотысячной толпой тифлисских граждан, собравшихся под красным знаменем и несколько раз

произнёсших смертный приговор царскому правительству, подлые лакеи подлого правительства должны были отступить. Они отказались от погрома.

Но значит ли это, граждане, что царское правительство впредь не постарается устраивать погромы? Далеко нет! Пока оно живо, и чем более оно теряет почву, тем чаще оно будет прибегать к погромам. Единственное средство искоренить **погромы** — это уничтожение царского самодержавия.

Вы дорожите вашей жизнью и жизнью близких вам людей? Вы любите ваших друзей, родственников, и вы не хотите погромов? Так знайте же, граждане, что только с уничтожением царизма уничтожатся погромы и связанные с ними кровопролития!

Низвержение царского самодержавия — вот прежде всего чего должны вы добиваться!

Вы хотите уничтожения **всякой** национальной вражды? Вы добиваетесь полной солидарности народов? Так знайте же, граждане, что только с уничтожением неравенства, только с устранением капитализма уничтожится всякая национальная рознь!

Торжество социализма — вот в конце концов к чему должны вы стремиться!

Но кто сметёт с лица земли гнусные порядки царизма, кто избавит вас от погромов? — Пролетариат, руководимый социал-демократией.

А кто разрушит капиталистические порядки, кто водворит на земле международную солидарность? — Тот же пролетариат, руководимый той же социал-демократией.

Пролетариат и только пролетариат — вот кто завоюет вам свободу и мир.

Так сплачивайтесь же вокруг пролетариата и становитесь под знамя социал-демократии!

Под красное знамя, граждане!

Долой царское самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

Долой капитализм!

Да здравствует социализм!

Да здравствует красное знамя!

15 февраля 1905 г.

Печатается по тексту прокламации, напечатанной в типографии Тифлисского комитета РСДРП

Подпись: Тифлисский комитет

КОРОТКО О ПАРТИЙНЫХ РАЗНОГЛАСИЯХ[25]

«Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом».

Карл Каутский

Слишком уж назойливы наши «меньшевики»! Я говорю о тифлисских «меньшевиках». Прослышали они, что в партии имеются разногласия, и заладили: хочешь — не хочешь, мы всегда и везде будем говорить о разногласиях, хочешь — не хочешь, мы направо и налево будем ругать «большевиков»! Вот и ругаются вовсю, словно одержимые. На всех перекрёстках, среди ли своих или чужих, словом, где попало, вопят одно и то же: остерегайтесь «большинства», они — чужие, неверные! Не довольствуясь «обычным» поприщем, они перенесли «дело» в легальную литературу и тем лишний раз показали миру свою... назойливость.

В чём же провинилось «большинство»? Почему так «серчает» наше «меньшинство»?

Обратимся к истории.

Впервые «большинство» и «меньшинство» возникло на втором съезде партии (1903 г.). Это был съезд, на котором наши разрозненные силы должны были объединиться в единую, мощную партию. Большие надежды

возлагали мы, партийные работники, на этот съезд. Наконец-то! — восклицали мы радостно,— и мы дождёмся объединения в единую партию, и мы получим возможность действовать по единому плану!.. Разумеется, мы действовали и до этого, но наши действия были разрознены и неорганизованны. Разумеется, мы и до этого пытались объединиться, именно для этого и созвали мы первый съезд партии (1898 г.), даже, как будто, и «объединились», однако это единство существовало лишь на словах: партия всё ещё оставалась раздроблённой на отдельные группы, силы всё ещё были распылены и нуждались в объединении. И вот, второй съезд партии должен был собрать разрозненные силы и сплотить их воедино. Мы должны были создать единую партию.

Но на деле оказалось, что наши надежды были, до известной степени, преждевременны. Съезд не смог дать нам единой и нераздельной партии, он только заложил фундамент такой партии. Зато съезд ясно показал нам, что в партии существует два направления: направление «Искры» (речь идёт о старой «Искре»)[26] и направление её противников. В соответствии с этим съезд разделился на две части: на «большинство» и «меньшинство». Первые примкнули к направлению «Искры» и сплотились вокруг неё; вторые же, как противники «Искры», заняли противоположную позицию.

Таким образом, «Искра» превратилась в знамя партийного «большинства», а позиция «Искры» стала позицией «большинства».

По какому пути шла «Искра», что защищала она? Чтобы понять это, необходимо знать, в каких условиях выступила она на историческое поприще.

«Искра» начала выходить в декабре 1900 г. Это было время, когда в русской промышленности начинался кризис. Промышленный расцвет, сопровождавшийся рядом профессиональных стачек (1896—98 гг.), постепенно сменялся кризисом. Кризис обострялся со дня на день и стал препятствием для профессиональных стачек. Несмотря на это, рабочее движение прокладывало себе путь и шло вперёд: отдельные ручейки сливались в один поток, движение приобретало классовый оттенок и постепенно становилось на путь политической борьбы. Рабочее движение росло с поразительной быстротой... Только не видно было передового отряда, социал-демократии *, которая внесла бы в это движение социалистическое сознание, соединила бы его с социализмом и, таким образом, придала бы борьбе пролетариата социал-демократический характер.

Что же делали тогдашние «социал-демократы» (их называли «экономистами»)? Они курили фимиам стихийному движению и беззаботно твердили: социалистическое сознание не так уж необходимо для рабочего движения, оно и без того хорошо достигнет своей цели, суть дела в самом движении. Движение — всё, а сознание — мелочь. **Движение без социализма** — вот к чему стремились они.

В чём же в таком случае состоит назначение российской социал-демократии? Она должна быть послушным орудием стихийного движения,— утверждали они. Не наше дело вносить социалистическое сознание в рабочее движение, не наше дело возглавлять это

* Социал-демократия есть передовой отряд пролетариата. В этот отряд входит всякий борец социал-демократ, будь он рабочий или интеллигент.

движение,— это было бы бесплодным насилием, наш долг — лишь прислушиваться к движению и точно отмечать то, что происходит в общественной жизни,— мы должны плестись в хвосте стихийного движения *. Одним словом, **социал-демократия** изображалась, как **лишний груз** в движении.

Кто не признаёт социал-демократии, тот не должен признавать и социал-демократическую партию. Именно поэтому «экономисты» так настойчиво твердили, что существование политической партии пролетариата в России невозможно. Пусть либералы занимаются политической борьбой, им это больше к лицу,— говорили они. Что же делать нам, социал-демократам? Мы должны попрежнему существовать в виде отдельных кружков и действовать обособленно, каждый в своём углу.

Не партия, а кружок! — говорили они.

---

* У нашего «Социал-Демократа» [27] разгорелась страсть к «критике» (см. № 1, «Большинство или меньшинство?»), но я должен отметить, что он неправильно характеризует «экономистов» и «рабочедельцев» (они немногим отличаются друг от друга). Дело не в том, что они «пренебрегали политическими вопросами», а в том, что они плелись в хвосте движения и повторяли то, что движение им подсказывало. Было время, когда имели место одни только стачки. Тогда они проповедывали экономическую борьбу. Настало время демонстраций (1901 г.), пролилась кровь, повеяло разочарованием, и рабочие обратились к террору, полагая, что это спасёт их от тиранов. Тогда и «экономисты-рабочедельцы» присоединились к общему хору и с большой важностью заявили: пора прибегнуть к террору, напасть на тюрьмы, освободить товарищей и пр. (см. «Исторический поворот», «Рабочее Дело» [28]). Как видите, это вовсе не значит, что они «пренебрегали политическими вопросами». Автор свою «критику» позаимствовал у Мартынова, но было бы полезнее, если бы он познакомился с историей.

Таким образом, с одной стороны, рабочее движение росло, и оно нуждалось в передовом руководящем отряде, с другой стороны, «социал-демократия» в лице «экономистов», вместо того чтобы возглавить движение, отрицала самоё себя и плелась в хвосте движения.

Надо было во всеуслышание высказать ту мысль, что стихийное рабочее движение без социализма — это блуждание в потёмках, которое если и приведёт когда-нибудь к цели, то, кто знает, когда и ценою каких мучений, что социалистическое сознание, стало быть, имеет очень большое значение для рабочего движения.

Надо было также сказать, что носительница этого сознания, социал-демократия, обязана внедрять социалистическое сознание в рабочее движение, быть всегда во главе движения, а не смотреть на стихийное рабочее движение со стороны, не плестись в хвосте.

Надо было также высказать ту мысль, что прямая обязанность российской социал-демократии — собрать отдельные передовые отряды пролетариата, сплотить их в единую партию и тем самым раз навсегда положить конец партийному разброду.

К разработке именно этих задач и приступила «Искра».

Вот что говорит она в своей программной статье (см. «Искра» № 1): «Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом» [29], т. е. движение без социализма или социализм, стоящий в стороне от движения,— явление нежелательное, с которым социал-демократия должна бороться. А так как «экономисты-рабочедельцы» преклонялись перед стихийным движением, так как они принижали значение социализма, то «Искра» указывала: «Оторванное от социал-

демократии, рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность». В соответствии с этим обязанностью социал-демократии является «указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности».

Какие обязанности лежат на российской социал-демократии? «Отсюда сама собою вытекает та задача,— продолжает «Искра»,— которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением»,— т. е. она должна стоять всегда во главе движения и её первейшая обязанность — сплотить в единую партию социал-демократические силы рабочего движения.

Так обосновывает свою программу редакция «Искры» *.

Осуществляла ли «Искра» эту замечательную программу?

Всем известно, как самоотверженно проводила она в жизнь эти важнейшие идеи. Это ясно доказал нам второй съезд партии, который большинством в 35 голосов признал «Искру» центральным органом партии.

После этого разве не смешно, когда иные горе-марксисты начинают «разносить» старую «Искру»?

Вот что пишет об «Искре» меньшевистский «Социал-Демократ»:

«Она («Искра») должна была разобрать идеи «экономизма», отвергнуть ложные взгляды, принять истинные и ввести его в новое русло... **Но произошло не так.** Борьба с «экономизмом» вызвала другую крайность — умаление экономической борьбы, пренебрежительное отношение к ней и признание господствующего значения за политической борьбой. **Политика без экономии** (должно быть: «без экономики») — вот новое направление» (см. «Социал-Демократ» № 1, «Большинство или меньшинство?»).

* Редакция «Искры» тогда состояла из 6 человек: Плеханова, Аксельрода, Засулич, Мартова, Старовера [30] и Ленина.

Но где же, когда, в какой стране произошло всё это, достопочтенный «критик»? Что делали Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов, Старовер, почему они не направили «Искру» на путь «истины», ведь они составляли большинство в редакции? И где вы сами-то были до сих пор, почтеннейший, почему вы не предостерегли второй съезд партии: он не признал бы тогда «Искру» центральным органом.

Но, оставим «критика».

Дело в том, что «Искра» правильно подметила «злободневные вопросы», стала именно на тот путь, о котором я говорил выше, и самоотверженно проводила в жизнь свою программу.

Ещё более отчётливо и убедительно выразил позицию «Искры» Ленин в своей замечательной книге «Что делать?».

Остановимся на этой книге.

«Экономисты» преклонялись перед стихийным рабочим движением, но кто не знает, что **стихийное** движение — это движение без социализма, это «сеть тред-юнионизм» *, который ничего не хочет видеть за пределами капитализма. Кто не знает, что рабочее движение

* Ленин. «Что делать?», стр. 28.

без социализма — это топтание на месте, в рамках капитализма, блуждание вокруг частной собственности, которое если и приведёт когда-нибудь к социальной революции, то, кто знает, когда и ценой каких мучений. Разве для рабочих безразлично, вступят ли они в «обетованную землю» в ближайшее время или через длинный промежуток времени, лёгким или трудным путём? Ясно, что всякий, кто превозносит **стихийное** движение и преклоняется перед ним, тот независимо от своей воли роет пропасть между социализмом и рабочим движением, тот умаляет значение социалистической идеологии, тот изгоняет её из жизни и независимо от своей воли подчиняет рабочих буржуазной идеологии, ибо он не понимает, что «социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом» *, что **«всякое** преклонение пред стихийностью рабочего движения, **всякое** умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии **означает тем самым, — совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, — усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих»** **.

Разъясним подробнее. В наше время могут существовать только две идеологии: буржуазная и социалистическая. Различие между ними состоит, между прочим, и в том, что первая, т. е. буржуазная идеология, гораздо старше, более распространена и глубже укоренилась в жизни, чем вторая, что с буржуазными взглядами сталкиваешься везде и всюду, в своей и чужой

* Каутский. «Эрфуртская программа», изд. Центрального Комитета, стр. 94.

** Ленин. «Что делать?», стр. 26.

среде, тогда как социалистическая идеология делает только первые шаги, она только пробивает себе дорогу. Нечего и говорить, что, если речь идёт о распространении идей, то буржуазная идеология, т. е. тред-юнионистское сознание, гораздо легче распространяется и гораздо шире охватывает **стихийное** рабочее движение, чем социалистическая идеология, делающая только первые шаги. Это тем более верно, что **стихийное** движение — движение без социализма — и без того «идёт *именно к подчинению* его буржуазной идеологии» *. А подчинение буржуазной идеологии означает вытеснение социалистической идеологии, поскольку они взаимно отрицают друг друга.

Как? — спросят нас, — разве рабочий класс не влечётся к социализму? Да, он влечётся к социализму. **Не будь этого — деятельность социал-демократии была бы бесплодна.** Но верно и то, что этому влечению противостоит и препятствует другое влечение — влечение к буржуазной идеологии.

Я только что говорил, что наша общественная жизнь пропитана буржуазными идеями, поэтому буржуазную идеологию распространить гораздо легче, чем социалистическую. Не надо забывать, что в то же время буржуазные идеологи не дремлют, они по-своему подделываются под социалистов и неустанно пытаются подчинить рабочий класс буржуазной идеологии. Если при этом и социал-демократы, подобно «экономистам», будут ротозейстовать и поплетутся в хвосте стихийного движения (а рабочее движение тогда и стихийно, когда социал-демократия так ведёт себя), то само собой

* Ленин. «Что делать?», стр. 28.

очевидно, что стихийное рабочее движение пойдёт по этому проторённому пути и подчинится буржуазной идеологии, разумеется, до той поры, пока долгие блуждания и мучения не заставят его порвать связь с буржуазной идеологией и устремиться к социальной революции.

Это и называется влечением к буржуазной идеологии.

Вот что говорит Ленин:

«Рабочий класс стихийно влечётся к социализму, но наиболее распространённая (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему» *. Именно поэтому **стихийное** рабочее движение, пока оно **стихийно**, пока оно не соединилось с социалистическим сознанием,— подчиняется буржуазной идеологии и влечётся к этому подчинению **. **Если бы это не было так, тогда была бы излишня социал-демократическая критика, социал-демократическая пропаганда, тогда было бы излишне и «соединение рабочего движения с социализмом».**

Социал-демократия обязана **бороться** с этим влечением к буржуазной идеологии и способствовать другому влечению — влечению к социализму. Конечно, когда-нибудь, после долгих блужданий и мучений, стихийное движение и без помощи социал-демократии возьмёт своё, придёт к вратам социальной революции, так как «рабочий класс **стихийно** влечётся к социализму» ***. Ну, а как быть до той поры, что делать нам

* Ленин. «Что делать?», стр. 29.
** Там же, стр. 28.
*** Там же, стр. 29.

до той поры? Скрестить на груди руки, подобно «экономистам», и уступить место Струве и Зубатовым? Отвергнуть социал-демократию и тем способствовать господству буржуазной, тред-юнионистской идеологии? Забыть марксизм и не «соединять социализм с рабочим движением»?

Нет! Социал-демократия есть передовой отряд пролетариата *, и её обязанность — идти всегда во главе пролетариата, её обязанность — **«совлечь»** рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии» **. Обязанность социал-демократии — внедрить социалистическое сознание в стихийное рабочее движение, соединить рабочее движение с социализмом и таким образом придать борьбе пролетариата социал-демократический характер.

Говорят, что в некоторых странах рабочий **класс** сам выработал социалистическую идеологию (научный социализм) и сам же выработает её и в остальных странах, поэтому-де совершенно излишне вносить социалистическое сознание в рабочее движение извне. Но это глубокая ошибка. Чтобы выработать научный социализм, надо стоять во главе науки, надо быть вооружённым научными знаниями и уметь глубоко исследовать законы исторического развития. А рабочий **класс**, пока он остаётся рабочим классом, не в силах стать во главе науки, двигать её вперёд и научно исследовать исторические законы: для этого у него нет

* К. Маркс. «Манифест», стр. 15 [31].
** Ленин. «Что делать?», стр. 28.

ни времени, ни средств. Научный социализм «может возникнуть только на основании глубокого научного знания...» — говорит К. Каутский. «...Носителем же науки является не пролетариат, а **буржуазная интеллигенция** *(подчёркнуто К. Каутским)*. В головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщён выдающимся по своему умственному развитию пролетариям ...»*

В соответствии с этим Ленин говорит: все, кто преклоняется перед стихийным рабочим движением и, сложив руки, смотрит на него со стороны, кто постоянно умаляет значение социал-демократии и уступает место Струве — Зубатовым, — все они воображают, что это движение само выработает научный социализм. «Но это глубокая ошибка»**. Некоторые думают, что бастовавшие в 90-х годах петербургские рабочие обладали социал-демократическим сознанием, но и это является ошибкой. У них не было такого сознания «и не могло быть. Оно (социал-демократическое сознание) могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции»*. Это, разумеется, не значит, продолжает Ленин, «что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов (оба они были рабочими), участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удаётся овладевать знанием своего века и двигать вперёд это знание»**.

* Ленин. «Что делать?», стр. 27, где перепечатаны эти строки Каутского из известной его статьи в «Neue Zeit» [32], 1901—1902 гг., № 3, стр. 79.

** Там же, стр. 26.

Всё это можно себе представить, приблизительно, таким образом. Существуют капиталистические порядки. Есть рабочие и есть хозяева. Между ними идёт борьба. Научного социализма пока нигде не видно. Научного социализма не было нигде и в помине, когда рабочие уже вели борьбу... Да, рабочие борются. Но борются порознь против своих хозяев, сталкиваются со своими местными властями: там устраивают стачки, здесь выходят на митинги и демонстрации, там требуют от властей прав, здесь объявляют бойкот, одни толкуют о политической борьбе, другие об экономической и пр. Но это ещё не означает, что рабочие имеют социал-демократическое сознание, это ещё не означает, что целью их движения является сокрушение капиталистического строя, что они так же уверены в ниспровержении капитализма и установлении социалистического строя, как уверены в неизбежности восхода солнца, что они считают завоевание своего политического господства

* Ленин. «Что делать?», стр. 20—21.

** Там же, стр. 27.

(диктатуры пролетариата) необходимым орудием для победы социализма и т. д.

Тем временем развивается наука. Рабочее движение постепенно привлекает её внимание. Бо̀льшая часть учёных приходит к той мысли, что рабочее движение — это бунт беспокойных, которых не мешало бы вразумить нагайкой. Иные же полагают, что обязанность богатых — уделять бедным кое-какие крохи, т. е. рабочее движение — это движение нищих, цель которого — получить подаяние. И среди тысячи этих учёных, возможно, только один может оказаться таким, кто научно подходит к рабочему движению, научно исследует всю общественную жизнь, следит за столкновением классов, прислушивается к ропоту рабочего класса и, наконец, научно доказывает, что капиталистический строй отнюдь не является чем-то вечным, что он так же преходящ, как и феодализм, что за ним с неизбежностью должен последовать отрицающий его социалистический строй, который может быть установлен только пролетариатом посредством социальной революции. Словом, вырабатывается научный социализм.

Разумеется, если бы не было капитализма и классовой борьбы, не было бы и научного социализма. Но верно и то, что те немногие, скажем, Маркс и Энгельс, не выработали бы научного социализма, если бы они не обладали научными знаниями.

Что такое научный социализм **без рабочего движения?** — Компас, который, будучи оставлен без применения, может лишь заржаветь, и тогда пришлось бы его выбросить за борт.

Что такое рабочее движение **без социализма?** — Корабль без компаса, который и так пристанет к другому берегу, но, будь у него компас, он достиг бы берега гораздо скорее и встретил бы меньше опасностей.

Соедините то и другое вместе, и вы получите прекрасный корабль, который прямо понесётся к другому берегу и невредимым достигнет пристани.

Соедините рабочее движение с социализмом, и вы получите социал-демократическое движение, которое прямым путём устремится к «обетованной земле».

И вот, обязанность социал-демократии (а не только интеллигентов-социалдемократов) — соединить социализм с рабочим движением, внести в движение социалистическое сознание и, таким образом, придать стихийному рабочему движению социал-демократический характер.

Так говорит Ленин.

Некоторые утверждают, будто по мнению Ленина и «большинства» рабочее движение, если оно не связано с социалистической идеологией, пойдёт к гибели, не достигнет социальной революции. Но это выдумка, выдумка досужих людей, которая могла притти в голову разве только таким горе-марксистам, как Ан (см. «Что такое партия?», «Могзаури» [33] № 6).

Ленин определённо утверждает, что «рабочий класс стихийно влечётся к социализму»*, и если он долго не останавливается на этом, то только потому, что он считает излишним доказывать то, что и без того доказано. Кроме того, Ленин отнюдь не ставил себе целью исследовать **стихийное** движение, он только хотел показать практикам, что̀ они должны делать **сознательно.**

---

* Ленин. «Что делать?», стр. 29.

Вот что говорит Ленин ещё в одном месте, где он полемизирует с Мартовым:

««Наша партия есть сознательная выразительница бессознательного процесса». Именно так. И именно поэтому неправильно тянуться за тем, чтобы «каждый стачечник» мог называть себя членом партии, ибо если бы «каждая стачка» была не только стихийным выражением могучего **классового инстинкта и классовой борьбы, неизбежно ведущей к социальной революции, а сознательным выражением** этого процесса... тогда наша партия... сразу покончила бы и со всем буржуазным обществом» *.

Как видите, по мнению Ленина, и та классовая борьба и те классовые схватки, которые не могут быть названы социал-демократическими, всё же неизбежно ведут рабочий класс к социальной революции.

Если вас интересует мнение и других представителей «большинства», то послушайте. Вот что говорит на втором съезде партии один из них — т. Горин:

«Как же обстояло бы дело, если бы пролетариат был предоставлен самому себе? Дело было бы аналогично тому, что имело место накануне буржуазной революции. Никакой научной идеологии не было у буржуазных революционеров. И тем не менее буржуазный строй возник. Пролетариат без идеологов, конечно, в конце концов работал бы в сторону социальной революции, но инстинктивно... Пролетариат и инстинктивно практиковал бы социализм, но у него не было бы социалистической теории. Процесс был бы лишь медленный и более мучительный» **.

* Ленин. «Шаг вперёд, два шага назад», стр. 53.

** Протоколы второго съезда партии, стр. 129.

Пояснения излишни.

Итак, **стихийное** рабочее движение, рабочее движение **без социализма**, неизбежно мельчает и принимает тред-юнионистский характер — оно подчиняется буржуазной идеологии. Можно ли отсюда сделать тот вывод, что социализм — всё, а рабочее движение — ничто? Конечно, нет! Так говорят только идеалисты. Когда-нибудь, через очень долгое время, экономическое развитие неизбежно приведёт рабочий класс к социальной революции и, следовательно, заставит его порвать всякую связь с буржуазной идеологией. Дело только в том, что этот путь будет очень долгий и болезненный.

С другой стороны, социализм **без рабочего движения**, на какой бы научной почве он ни возник, всё же останется пустой фразой и потеряет своё значение. Можно ли отсюда сделать тот вывод, что движение — всё, а социализм — ничто? Конечно, нет! Так рассуждают только горе-марксисты, для которых сознание не имеет никакого значения, поскольку оно рождается самой общественной жизнью. Социализм можно соединить с рабочим движением и тем самым превратить его из пустой фразы в острое оружие.

Вывод?

Вывод таков: рабочее движение должно быть соединено с социализмом, практическая деятельность и теоретическая мысль должны слиться воедино и тем самым придать стихийному рабочему движению социал-демократический характер, ибо «социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом» *.

* «Эрфуртская программа», изд. ЦК, стр. 94.

Тогда социализм, соединённый с рабочим движением, из пустой фразы превратится в руках рабочих в величайшую силу. Тогда стихийное движение, превратившееся в социал-демократическое, быстрыми шагами и верным путём пойдёт к социалистическому строю.

Итак, в чём состоит назначение российской социал-демократии? Что мы должны делать?

Наша обязанность, обязанность социал-демократии, — совлечь стихийное движение рабочих с тред-юнионистского пути и поставить его на путь социал-демократический. Наша обязанность — внести в это движение социалистическое сознание * и объединить передовые силы рабочего класса в одну централизованную партию. Наша задача — итти всегда во главе движения и неутомимо бороться со всеми — будь то враг или «друг»,— кто будет мешать осуществлению этих задач.

Такова в общем позиция «большинства».

Нашему «меньшинству» не нравится позиция «большинства»: она-де «немарксистская», она-де «в корне противоречит» марксизму! В самом деле, почтеннейшие? Где же, когда, на какой это планете? Прочтите наши статьи, говорят они, и вы убедитесь, что мы правы. Что же, давайте прочтём.

Перед нами статья: «Что такое партия?» (см. «Могзаури» № 6). В чём обвиняет «критик» Ан партийное «большинство»? «Оно («большинство»)... объявляет себя главою партии... и требует подчинения от других... и, чтобы оправдать своё поведение, зачастую выдумывает даже новые теории, как, например: рабочий народ

* которое **выработали** Маркс и Энгельс.

не может собственными **силами усвоить** *(подчёркнуто мной)* «высокие идеалы» и пр.» *

Спрашивается теперь, выдвигает ли и выдвигало ли когда-нибудь «большинство» подобные «теории»? Нигде, никогда! Напротив, идейный представитель «большинства», тов. Ленин, совершенно определённо говорит, что рабочий класс очень легко **усваивает** «высокие идеалы», очень легко **усваивает** социализм. Послушайте:

«Часто говорят: рабочий класс **стихийно** влечётся к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому **рабочие и усваивают её так легко»** **.

Как видите, по мнению «большинства», рабочие легко усваивают те «высокие идеалы», которые называются социализмом.

Так чего же мудрит Ан, где он откопал своё странное «открытие»? Дело в том, читатель, что «критик» Ан имел в виду совсем другое. Он имел в виду то место в книге «Что делать?», где Ленин говорит о **выработке** социализма, где он утверждает, что рабочий класс собственными силами **не может выработать** научного социализма ***. Но как же так? — скажете вы. Одно дело — **выработка** социализма и другое — **усвоение** его. Почему Ан забыл те слова Ленина, в которых он так ясно говорит об **усвоении** «высоких идеалов»? Вы правы, читатель, но что делать Ану, если ему очень уж хочется быть «критиком»? Подумайте только, какое героическое

* «Могзаури» № 6, стр. 71.
** Ленин. «Что делать?», стр. 29.
*** Там же, стр. 20—21.

делю: сочинить свою собственную «теорию», приписать её противнику и затем самому же бомбардировать плод своей фантазии. Вот вам и критика! Во всяком случае несомненно, что Ан «своими собственными силами не смог усвоить» книгу Ленина «Что делать?».

Теперь раскроем так называемый «Социал-Демократ». Что говорит автор статьи «Большинство или меньшинство?» (см. «Социал-Демократ» № 1)?

Расхрабрившись, он с большим шумом ополчается на Ленина за то, что по его мнению «естественное (должно быть: «стихийное») развитие рабочего движения идёт не к социализму, а к буржуазной идеологии» *. Автор, как видно, не понимает, что **стихийное** рабочее движение — это движение без социализма (пусть автор докажет, что это не так), а **такое** движение непременно подчиняется буржуазно-тредъюнионистской идеологии, влечётся к ней, ибо в наше время могут существовать только две идеологии — социалистическая и буржуазная, и где нет первой, там непременно появляется вторая и занимает её место (докажите обратное!). Да, так именно говорит Ленин. Но в то же время он не забывает о другом влечении, присущем рабочему движению,— влечении к социализму, которое только до поры до времени затемняется влечением к буржуазной идеологии. Ленин прямо говорит, что «рабочий класс стихийно влечётся к социализму» **, и справедливо замечает, что обязанность социал-демократии — ускорить победу **этого** влечения, между прочим также и путём борьбы с «экономистами». Почему же вы, уважаемый

* «Социал-Демократ» № 1, стр. 14.
** Ленин. «Что делать?», стр. 29.

«критик», в вашей статье не привели эти слова Ленина? Разве они не принадлежат тому же Ленину? Вам это не выгодно было, не правда ли?

«По мнению Ленина... рабочий по своему **положению** *(подчёркнуто мной)* скорее буржуа, чем социалист...» * — продолжает автор. Ну и глупость, какой я не ожидал даже от такого автора! Разве у Ленина речь идёт о **положении** рабочего, разве он утверждает, что рабочий по своему **положению** буржуа? Какой глупец может сказать, что рабочий по своему **положению** буржуа, — рабочий, который лишён орудий производства и живёт продажей своей рабочей силы? Нет! Ленин говорит нечто совсем другое. Дело в том, что я могу быть пролетарием, а не буржуа по **положению**, но при этом не сознавать своего **положения** и потому подчиняться буржуазной идеологии. Именно так и обстоит дело в данном случае с рабочим классом. А это означает нечто совсем другое.

Вообще автор любит бросаться пустыми словами, — возьмёт да и выпалит, не подумав! Вот, например, автор упрямо твердит, будто «ленинизм в корне противоречит марксизму» **, он твердит, не понимая, куда приведёт его эта «идея». Поверим ему на минуту, что ленинизм в самом деле «в корне противоречит марксизму». А дальше? Что из этого получится? Вот что. «Ленинизм увлёк за собой» «Искру» (старую «Искру») — этого не отрицает и автор, — следовательно, и «Искра» «в корне противоречит марксизму». Второй съезд партии большинством 35 голосов признал «Искру» центральным

* «Социал-Демократ» № 1, стр. 14.
** Там же, стр. 15.

органом партии и с большой похвалой отозвался об её заслугах*, следовательно, и этот съезд, и его программа, и его тактика «в корне противоречат марксизму»... Смешно, не правда ли, читатель?

Автор всё же продолжает: «По мнению Ленина стихийное рабочее движение идёт к соединению с буржуазией...» Да, да, автор несомненно идёт к соединению с глупостью, и было бы хорошо, если бы он совлёкся с этого пути.

Но, оставим «критика». Обратимся к марксизму.

Уважаемый «критик» упрямо твердит, будто позиция «большинства» и его представителя — Ленина в корне противоречит марксизму, ибо и Каутский, и Маркс, и Энгельс говорят, дескать, обратное тому, что отстаивает Ленин! Так ли это? Давайте посмотрим!

«К. Каутский, — сообщает нам автор, — в своей «Эрфуртской программе» пишет: «Интересы пролетариата и буржуазии настолько противоположны, что стремления этих двух классов не могут быть объединены на более или менее продолжительное время. В каждой стране с капиталистическим способом производства участие рабочего класса в политике **рано или поздно** приводит к тому, что он отделяется от буржуазных партий и образует самостоятельную **рабочую партию**»».

Но что из этого вытекает? Только то, что интересы буржуазии и пролетариата противоречат друг другу, что «рано или поздно» пролетариат отделится от буржуазии в самостоятельную **рабочую партию** (запомните: **рабочую партию**, а не **социал-демократическую** рабочую партию). Автор полагает, что Каутский здесь расходится с Лениным! Между тем Ленин говорит, что пролетариат **рано или поздно** не только отделится от буржуазии, но и совершит социальную революцию, т. е. свергнет буржуазию*. Задача *социал-демократии*, — добавляет он, — стараться, чтобы это совершилось как можно **скорее** и совершилось **сознательно**. Да, **сознательно**, а не стихийно, так как Ленин именно об этой сознательности и пишет.

«...Там, где дело дошло до образования самостоятельной рабочей партии, — продолжает «критик» цитировать книгу Каутского, — последняя рано или поздно должна с естественной необходимостью **усвоить** социалистические тенденции, если не одушевлена ими с самого начала, должна в конце концов стать **социалистической** рабочей партией, т. е. **социал-демократией**» **.

Что это значит? Только то, что рабочая партия **усвоит** социалистические тенденции. А разве Ленин отрицает это? Ни в коем случае! Ленин прямо говорит, что не только рабочая партия, но и весь рабочий класс усваивает социализм***. Так что за околесицу несёт этот «Социал-Демократ» и его завравшийся герой? К чему они мелют всякий вздор? Как говорится, слышал звон, да не знает, откуда он. Именно так и случилось с нашим запутавшимся автором.

* См. Протоколы второго съезда партии, стр. 147. Там же резолюция, где «Искра» именуется действительной защитницей принципов социал-демократизма.

* См. Ленин. «Шаг вперёд, два шага назад», стр. 53.

** «Социал-Демократ» № 1, стр. 15.

*** Ленин. «Что делать?», стр. 29.

Как видите, Каутский здесь ни на йоту не расходится с Лениным. Зато всё это с исключительной ясностью доказывает недомыслие автора.

Говорит ли Каутский что-нибудь в пользу позиции «большинства»? Вот что он пишет в одной из своих замечательных статей, в которой он разбирает проект программы австрийской социал-демократии:

«Многие из наших ревизионистских критиков (последователей Бернштейна) полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают **сознание** *(подчёркнуто К. Каутским)* его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании проекта (австрийского) можно было бы думать, что этот... взгляд... разделяет и комиссия, вырабатывавшая австрийскую программу. В проекте значится: «Чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат **приходит к сознанию»** возможности и необходимости социализма. В такой связи, социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно **неверно...** Современное социалистическое сознание может возникнуть **только на основании глубокого научного знания...** Носителем же науки является не пролетариат, а **буржуазная интеллигенция** *(подчёркнуто К. Каутским)*. В головах

отдельных членов этого слоя **возник** ведь и современный социализм, и ими уже был сообщён (научный социализм) выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата...Таким образом социалистическое сознание есть нечто **извне внесённое** в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно **из неё возникшее.** Соответственно этому старая гайнфельдская программа [34] и говорила **совершенно справедливо,** что задачей социал-демократии является **внесение в пролетариат сознания** его положения и сознания его задачи...» *

Не припоминаете ли, читатель, аналогичные мысли Ленина по данному вопросу, не припоминаете ли известную позицию «большинства»? Почему «Тифлисский комитет» и его «Социал-Демократ» утаили истину, почему уважаемый «критик», говоря о Каутском, не привёл в своей статье эти слова Каутского? Кого обманывают почтеннейшие, почему они так «пренебрежительно относятся» к читателю? Не потому ли, что... боятся правды, прячутся от правды и думают, что и правду можно спрятать? Они уподобляются той птице, которая прячет голову под крыло и воображает, что её никто не видит! Но они так же заблуждаются, как и та птица.

Если социалистическое сознание выработалось на научной почве, если это сознание усилиями социал-демократии ** вносится в рабочее движение извне, —

* «Neue Zeit», 1901—1902, XX, № 3, стр. 79. Эта замечательная статья Каутского перепечатана у Ленина в «Что делать?», см. стр. 27.

** А не только интеллигентов-социалдемократов.

ясно, что всё это происходит потому, что рабочий класс, пока он остаётся рабочим классом, не может стать во главе науки и собственными силами выработать научный социализм: у него для этого нет ни времени, ни средств.

Вот что говорит К. Каутский в своей «Эрфуртской программе»:

«...Пролетарий может, в лучшем случае, усвоить часть знаний, выработанных буржуазной учёностью, и приспособить их к своим целям и нуждам, но пока он остаётся пролетарием, у него нет досуга и средств самостоятельно разрабатывать науку дальше предела, достигнутого буржуазными мыслителями. Поэтому и самобытный рабочий социализм должен был носить все существенные признаки утопизма» * (утопизм — ложная, не научная теория).

Подобного рода утопический социализм часто принимает анархический характер, продолжает Каутский, но «...Как известно, всюду, где анархическое движение (понимая под ним пролетарский утопизм. *К. Каутский)* действительно проникало в массы и становилось классовым, оно всегда, рано или поздно, несмотря на свой кажущийся радикализм, кончало тем, что обращалось в самое узкое **чисто профессиональное движение»** **.

Иными словами, если рабочее движение не соединено с научным социализмом, оно неизбежно мельчает, принимает «узко профессиональный» характер и, следовательно, подчиняется тред-юнионистской идеологии.

* «Эрфуртская программа», изд. ЦК, стр. 93.

** Там же, стр. 94.

«Это унижение рабочих, это возвеличение интеллигенции!» — вопит наш «критик» и его «Социал-Демократ»... Бедный «критик», жалкий «Социал-Демократ»! Они считают пролетариат капризной барышней, которой нельзя сказать правды, которой вечно надо говорить комплименты, чтобы она не сбежала! Нет, почтеннейшие! Мы верим, что пролетариат проявит больше стойкости, чем вы думаете. Мы верим, что он не побоится правды! А вы... Да что вам сказать: вот и сейчас вы побоялись правды и в своей статье не сообщили читателю подлинные взгляды Каутского...

Таким образом, научный социализм **без рабочего движения** — пустые слова, которые всегда легко пустить по ветру.

С другой стороны, рабочее движение **без социализма** — тред-юнионистское блуждание, которое когда-нибудь, разумеется, приведёт к социальной революции, но ценой долгих страданий и мучений.

Вывод?

«Рабочее движение должно соединиться с социализмом»: «социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом» *.

Так говорит Каутский, теоретик марксизма.

Мы видели, что то же самое говорят «Искра» (старая) и «большинство».

Мы видели, что на этой же позиции стоит тов. Ленин.

Итак, «большинство» твёрдо стоит на марксистских позициях.

Ясно, что «пренебрежительное отношение к рабочим», «возвеличение интеллигенции», «немарксистская

* «Эрфуртская программа», стр. 94.

позиция большинства» и тому подобные перлы, которыми так и сыплют меньшевистские «критики», являются не более, как трескучими словами, фантазией тифлисских «меньшевиков».

Напротив, мы увидим, что и в самом деле «марксизму в корне противоречит» само тифлисское «меньшинство», «Тифлисский комитет» и его «Социал-Демократ». Но об этом после. А пока обратим внимание на следующее.

В подтверждение своих высказываний, автор статьи «Большинство или меньшинство?» приводит слова Маркса (?): «теоретик того или иного класса теоретически приходит к тому выводу, **к которому сам класс уже дошёл практически»** *.

Одно из двух. Либо автор не знает грузинского языка, либо это ошибка наборщика. Ни один грамотный человек не скажет **«к которому уже дошёл».** Правильно было бы: **«к которому** уже **пришёл»** или **«к которому** уже **идёт».** Если автор имеет в виду последнее (**к которому** уже **идёт**), то должен заметить, что он неправильно передаёт слова Маркса, Маркс ничего подобного не говорил. А если автор имеет в виду первую формулировку, то приведённая им фраза примет такой вид: «теоретик того или иного класса теоретически приходит к тому выводу, **к которому** сам класс **уже пришёл практически».** Иначе говоря, если Маркс и Энгельс теоретически пришли к выводу, что неизбежно крушение капитализма и построение социализма, — это означает, что пролетариат **уже** отверг капитализм **практически,** уже сокрушил капитализм и построил на его месте социалистическую жизнь!

* «Социал-Демократ» № 1, стр. 15.

Бедный Маркс! Кто знает, сколько ещё нелепостей припишут ему наши горе-марксисты!

Действительно ли так говорит Маркс? Вот что он говорит на самом деле: теоретические представители мелкой буржуазии **«теоретически приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически,** благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями класса и представляемым классом» *.

Как видите, Маркс вовсе не говорит **«уже дошёл».** Эти «философские» слова присочинил уважаемый «критик».

В этом случае слова Маркса приобретают совершенно другой смысл.

Какую мысль развивает Маркс в приведённом положении? Только ту, что теоретик того или иного класса **не может создать** идеала, элементов которого не существует в жизни, что он может **лишь подметить** элементы будущего и на этой почве теоретически **создать** идеал, к которому тот или иной класс приходит практически. Разница в том, что теоретик опережает класс и раньше него подмечает зародыш будущего. Это и называется «приходить к чему-нибудь теоретически».

Вот что говорят Маркс и Энгельс в своём «Манифесте»:

«Коммунисты (т. е. социал-демократы), следовательно, на практике являются самой решительной, всегда

* Если не имеете «18 Брюмера» [35], см. Протоколы второго съезда партии, стр. 111, где приведены эти слова Маркса.

побуждающей к движению вперёд частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество **в понимании** условий, хода и **общих** результатов пролетарского движения».

Да, идеологи **«побуждают к движению вперёд»**, они видят гораздо дальше, чем «остальная масса пролетариата», и в этом вся суть. Идеологи побуждают к движению вперёд, и именно поэтому идея, социалистическое сознание, имеет великое значение для движения.

За это вы и нападаете на «большинство», достопочтенный «критик»? Тогда распрощайтесь с марксизмом и знайте, что «большинство» гордится своей марксистской позицией.

Положение «большинства» в данном случае во многом напоминает положение Энгельса в девяностых годах.

Идея есть источник общественной жизни, утверждали идеалисты. По их мнению, общественное сознание есть то основание, на котором строится жизнь общества. Поэтому их и называли идеалистами.

Надо было доказать, что идеи не падают с неба, что они порождаются самой жизнью.

Выступили на историческую арену Маркс и Энгельс и прекрасно выполнили эту роль. Они доказали, что общественная жизнь есть источник идей, поэтому жизнь общества есть то основание, на котором строится общественное сознание. Тем самым они вырыли могилу идеализму и расчистили путь материализму.

Некоторые полумарксисты поняли это так, будто сознание, идеи имеют в жизни весьма малое значение.

Надо было доказать великое значение идей.

И вот выступил Энгельс и в своих письмах (1891—94 гг.) подчеркнул, что идеи, правда, не падают с неба, а порождаются самой жизнью, но, родившись однажды, они приобретают большое значение, они объединяют людей, организуют их и накладывают свой отпечаток на породившую их общественную жизнь,— идеи имеют большое значение в историческом движении.

«Это не марксизм, это измена марксизму»,— подняли крик Бернштейн и ему подобные. Марксисты только посмеивались...

Были в России полумарксисты — «экономисты». Они утверждали, что поскольку идеи порождаются общественной жизнью, постольку и социалистическое сознание имеет ничтожное значение для рабочего движения.

Надо было доказать, что социалистическое сознание имеет большое значение для рабочего движения, что без него движение есть тред-юнионистское блуждание, от которого пролетариат неизвестно когда освободится и дойдёт до социальной революции.

И вот появилась «Искра», которая прекрасно выполнила эту роль. Вышла книга «Что делать?», в которой Ленин подчёркивает великое значение социалистического сознания. Образовалось партийное «большинство», которое твёрдо стало на этот путь.

Но тут выступают маленькие бернштейны и начинают кричать: это «в корне противоречит марксизму»!

Да знаете ли вы, маленькие «экономисты», что такое марксизм?

Удивительно! — скажет читатель. В чём же дело?— спросит он. Почему же Плеханов написал свою

критическую статью против Ленина (см. новую «Искру» №№ 70, 71)? За что он порицает «большинство»? Разве тифлисские горе-марксисты и их «Социал-Демократ» не повторяют мысли, высказанные Плехановым? Да, повторяют, но так неуклюже, что становится противно. Да, Плеханов выступил с критикой. Но знаете ли, в чём дело? Плеханов не расходится с «большинством» и Лениным. И не один только Плеханов, но и Мартов, и Засулич, и Аксельрод. Действительно, по тому вопросу, о котором у нас шла речь выше, вожди «меньшинства» не расходятся со старой «Искрой». А старая «Искра» — знамя «большинства». Не удивляйтесь! Вот факты.

Мы знакомы с программной статьёй старой «Искры» (смотри выше). Мы знаем, что в этой статье полностью выражена позиция «большинства». Кому принадлежит эта статья? Тогдашней редакции «Искры». Кто входил в эту редакцию? Ленин, Плеханов, Аксельрод, Мартов, Засулич и Старовер. Из них ныне только один Ленин входит в «большинство», остальные пять руководят «меньшинством», но факт всё же остаётся фактом — программная статья «Искры» вышла под их редакцией, следовательно, они не должны были бы отрекаться от своих слов, они, очевидно, верили в то, что писали.

Но, если угодно, оставим «Искру».

Вот что пишет Мартов:

«Таким образом, идея социализма возникла впервые не среди рабочих масс, а в кабинетах учёных, вышедших из среды буржуазии» *.

А вот что пишет Вера Засулич:

* Мартов. «Красное Знамя», стр. 3.

«Даже идея классовой солидарности всего пролетариата... не так уже проста, чтобы самостоятельно зарождаться в голове каждого рабочего... Социализм... и вовсе не вырастает в головах рабочих «сам собою»... Социалистическая теория была подготовлена всем развитием и жизни, и знания... и создана вооружённым этим знанием гениальным умом. Также и начало распространения идей социализма среди рабочих положили, почти на всём континенте Европы, социалисты, получившие образование в учебных заведениях для высших классов» *.

Послушаем теперь Плеханова, так важно и торжественно выступившего против Ленина в новой «Искре» (№№ 70, 71). Дело происходит на втором съезде партии. Плеханов полемизирует с Мартыновым и защищает Ленина. Он упрекает Мартынова, который, уцепившись за одну фразу Ленина, проглядел книгу «Что делать?» в целом, и продолжает:

«Приём тов. Мартынова напоминает мне одного цензора, который говорил: «дайте мне «отче наш» и позвольте мне вырвать оттуда одну фразу — и я докажу вам, что его автора следовало бы повесить». Но все упрёки, направленные против этой злополучной фразы (Ленина), и не одним товарищем Мартыновым, а многими и многими другими, основаны на недоразумении. Тов. Мартынов приводит слова Энгельса: «Современный социализм есть теоретическое выражение современного рабочего движения». Тов. Ленин также согласен с Энгельсом... Но ведь слова Энгельса — общее положение. Вопрос в том, кто же формулирует впервые

* «Заря» [36] № 4, стр. 79—80.

это теоретическое выражение. Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против «экономистов», которые говорили: мы должны ждать, к чему придёт рабочий класс сам, без помощи «революционной бациллы» (т. е. без социал-демократии). Последней запрещено было говорить что-либо рабочим, именно потому, что она — «революционная бацилла», т. е. что у неё есть теоретическое сознание. Но если вы устраните «бациллу», то остаётся одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне. Если бы вы хотели быть справедливы к Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то вы увидели бы, что он именно это и говорит» *.

Так говорил Плеханов на втором съезде партии.

И вот, тот же Плеханов, подстрекаемый теми же Мартовым, Аксельродом, Засулич, Старовером и другими, спустя несколько месяцев вновь выступает и, уцепившись за ту же самую фразу Ленина, которую защищал на съезде, заявляет: Ленин и «большинство» — не марксисты. Он знает, что если даже из «отче наш» вырвать одну фразу и толковать её оторванно, то автор её, пожалуй, может угодить на виселицу за богоотступничество. Он знает, что это было бы несправедливо, что беспристрастный критик так не поступит, но он всё же вырывает эту фразу из книги Ленина, он всё же поступает несправедливо и публично оплёвывает самого себя. А Мартов, Засулич, Аксельрод и Старовер поддакивают ему, печатают под своей редакцией в новой «Искре» статью Плеханова (№№ 70, 71) и тем лишний раз позорят себя.

* Протоколы второго съезда партии, стр. 123.

Почему они проявили такую бесхарактерность, почему эти вожди «меньшинства» оплевали самих себя, почему они отреклись от программной статьи в «Искре», под которой они подписались, почему отреклись от своих же слов? Слыхано ли когда-либо о подобной фальши в социал-демократической партии?

Что же случилось за те несколько месяцев, которые прошли между вторым съездом и появлением статьи Плеханова?

Дело вот в чём. Из шести редакторов второй съезд избрал редакторами «Искры» только трёх: Плеханова, Ленина и Мартова. Что касается Аксельрода, Старовера и Засулич — съезд поставил их на другие посты. Съезд, разумеется, имел на это право, и каждый обязан был подчиниться ему: съезд — это выразитель воли партии, высший орган партии, и кто идёт против его решений, тот попирает волю партии.

Но эти упрямые редакторы не подчинились воле партии, партийной дисциплине (партийная дисциплина это та же воля партии). Оказывается, партийная дисциплина выдумана для таких, как мы, простых работников! Они разгневались на съезд за то, что их не выбрали редакторами, отошли в сторону, увлекли за собой Мартова и составили оппозицию. Они объявили партии бойкот, отказались от партийной работы и стали грозить партии: выберите нас в редакцию, в Центральный Комитет, в Совет партии, а то мы произведём раскол. И начался раскол. Этим они ещё раз попрали волю партии.

Вот требования забастовавших редакторов:

«Восстанавливается старая редакция «Искры» (т. е. дайте нам в редакции **три места**).

В состав Центрального Комитета вводится определённое количество членов оппозиции (т. е. «меньшинства»).

В Совете партии **два места** предоставляются членам оппозиции и т. д. ...

Мы ставим эти **условия**, как единственно **обеспечивающие** партии возможность избежать конфликта, грозящего самому существованию **партии»** (т. е. удовлетворите нас, а не то мы произведём в партии крупный раскол) *.

Что им ответила партия?

Представитель партии, Центральный Комитет, и другие товарищи заявили им: мы не можем пойти против партийного съезда, выборы — дело съезда, но мы всё же попытаемся восстановить мир и согласие, хотя, по правде говоря, стыдно бороться **из-за мест, вы из-за мест** хотите расколоть партию и т. д.

Забастовавшие редакторы обиделись, им стало неловко, — в самом деле получалось, что затеяли борьбу из-за мест, — перетянули на свою сторону Плеханова **

* Комментарий к протоколам Лиги, стр. 26.

** Читатель, возможно, спросит, как могло случиться, что Плеханов перешёл к «меньшинству», тот самый Плеханов, который был рьяным сторонником «большинства». Дело в том, что между ним и Лениным возникло разногласие. Когда «меньшинство» впало в ярость и объявило бойкот, Плеханов стал на ту точку зрения, что необходима полная уступка. Ленин не согласился с ним. Плеханов постепенно начал склоняться к «меньшинству». Разногласия между ними ещё больше разрослись, и, наконец, дело дошло до того, что в один прекрасный день Плеханов превратился в противника Ленина и «большинства». Вот что пишет Ленин об этом:

«...Несколько дней спустя я действительно зашёл к Плеханову, вместе с одним членом Совета, а разговор наш с Плехановым принял такой ход:

— Знаете, бывают иногда такие скандальные жёны (т. е. «меньшинство»), — сказал Плеханов, — что им необходимо уступить во избежание истерики и громкого скандала перед публикой.

— Может быть, — ответил я, — но надо уступить так, чтобы сохранить за собой силу не допустить ещё большего «скандала»» (см. Комментарий к протоколам Лиги, стр. 37, где приводится письмо Ленина) [37].

Ленин и Плеханов не пришли к соглашению. С этого момента начался переход Плеханова к «меньшинству».

Мы узнали из достоверных источников, что Плеханов покидает и «меньшинство» и уже основал свой собственный орган «Дневник Социал-Демократа» [38].

и начали своё героическое дело. Им необходимо было **выискать** какое-нибудь более **«крепкое» «разногласие»** между «большинством» и «меньшинством» и тем доказать, что они борются не из-за мест. Искали, искали и нашли такое место в книге Ленина, к которому, если его выхватить из текста и толковать оторванно, действительно можно придраться. Удачная идея,— подумали вожди «меньшинства», — Ленин — руководитель «большинства», очерним Ленина и тем склоним партию на свою сторону. И вот начались разглагольствования Плеханова, будто «Ленин и его последователи не марксисты». Правда, ещё вчера они защищали ту самую мысль из книги Ленина, на которую ополчились сегодня, но что поделаешь: оппортунист потому и называется оппортунистом, что принципиальность у него не в почёте.

Вот почему они оплёвывают самих себя, вот где кроется источник фальши.

Но это не всё.

Прошло некоторое время. Они увидели, что на их агитацию против «большинства» и Ленина никто

не обращает внимания, кроме некоторых наивных людей, увидели, что «дела» идут плохо, и решили ещё раз перекраситься. Тот же Плеханов, те же Мартов и Аксельрод 10 марта 1905 г. вынесли от имени Совета партии резолюцию, в которой, между прочим, говорится:

«Товарищи! (обращаются они к «большинству»)... Обе стороны (т. е. «большинство» и «меньшинство») неоднократно выражали своё убеждение в том, что существующие тактические и организационные разногласия не такого характера, чтобы делать невозможной работу в пределах единой партийной организации» *, поэтому созовём, дескать, товарищеский суд (в составе Бебеля и других) и уладим наш небольшой спор.

Словом, партийные разногласия — лишь склока, в которой разберётся товарищеский суд, а мы, дескать, единое целое.

Но как же так? Нас, «немарксистов», зовут в партийные организации, мы-де единое целое и тому подобное... Что это значит? Это ведь измена партии с вашей стороны, вожди «меньшинства»! Разве можно «немарксистов» ставить во главе партии? Разве «немарксистам» место в социал-демократической партии? Или, быть может, и вы изменили марксизму и потому переменили фронт?

Но было бы наивно ждать ответа. Дело в том, что у этих замечательных вождей имеется по несколько «принципов» в кармане, и когда какой понадобится, тот они и извлекают. У них, как говорится, семь пятниц на неделе!..

* «Искра» № 91, стр. 3.

Таковы вожди так называемого «меньшинства».

Легко себе представить, каким должно быть охвостье таких вождей — тифлисское, так сказать, «меньшинство»... Беда ещё в том, что хвост порою не слушается головы и перестаёт повиноваться. Вот, например, в то время, как вожди «меньшинства» считают возможным примирение и призывают партийных работников к согласию, тифлисское «меньшинство» и его «Социал-Демократ» продолжают неистовствовать: между «большинством» и «меньшинством», заявляют они, «борьба *не на жизнь*, а на смерть» *, и мы должны истребить друг друга! Кто в лес, кто по дрова.

«Меньшинство» жалуется на то, что мы их называем оппортунистами (беспринципными). Но как иначе назвать это, как не оппортунизмом, если они отрекаются от своих же слов, если они мечутся из стороны в сторону, если они вечно шатаются и колеблются? Возможно ли, чтобы настоящий социал-демократ то и дело менял свои убеждения? Ведь так часто не меняют и носовых платков.

Наши горе-марксисты упрямо твердят, что «меньшинство» имеет истинно пролетарский характер. Так ли это? А ну, посмотрим.

Каутский говорит, что «пролетарию легче проникнуться партийными принципами, он склонен к принципиальной политике, независимой от настроений минуты, от личных или местных интересов» **.

А «меньшинство»? Склонно ли и оно к такой политике, которая не зависит от минутных настроений и

* См. «Социал-Демократ» № 1.
** «Эрфуртская программа», изд. ЦК, стр. 88.

прочего? Напротив: оно постоянно колеблется, оно вечно шатается, оно ненавидит твёрдую принципиальную политику, оно предпочитает беспринципность, оно следует настроениям минуты. Факты нам уже известны.

Каутский говорит, что пролетарий любит партийную дисциплину: «Пролетарий — ничто, пока он остаётся изолированным индивидуумом. Всю свою силу, всю свою способность к прогрессу, все свои надежды и чаяния черпает он из **организации...»** Именно поэтому его не увлекают ни личная выгода, ни личная слава, он «исполняет свой долг на всяком посту, куда его поставят, добровольно подчиняясь дисциплине, проникающей всё его чувство, всё его мышление» *.

А «меньшинство»? Так же ли проникнуто оно дисциплиною? Напротив, оно презирает партийную дисциплину и высмеивает её **. Первый пример нарушения партийной дисциплины подали вожди «меньшинства». Вспомните Аксельрода, Засулич, Староверa, Мартова и других, которые не подчинились решению второго съезда.

«Совсем иначе обстоит дело с интеллигентом»,— продолжает Каутский. Он с большим трудом подчиняется партийной дисциплине, да и то по принуждению, а не по доброй воле. «Необходимость дисциплины признаёт он лишь для массы, а не для избранных душ. Себя же самого он, разумеется, причисляет к избранным душам... Идеальным образчиком интеллигента, который всецело проникся пролетарским

* См. Ленин. «Шаг вперёд, два шага назад», стр. 93, где приведены эти слова Каутского.

** См. Протоколы Лиги.

настроением, который... работал на всяком посту, на который его назначали, подчинял себя всецело нашему великому делу и презирал то дряблое хныканье... какое мы слышим часто от интеллигентов... когда им случается остаться в меньшинстве,— идеальным образчиком такого интеллигента... был Либкнехт. Можно назвать здесь также и Маркса, который никогда не протискивался на первое место и образцовым образом подчинялся партийной дисциплине в Интернационале, где он не раз оставался в меньшинстве» *.

А «меньшинство»? Сказалось ли у него в чём-либо «пролетарское настроение»? Похоже ли его поведение на поведение Либкнехта и Маркса? Напротив: мы видели, что вожди «меньшинства» не подчинили своего «я» нашему святому делу, мы видели, что именно эти вожди предались «дряблому хныканью, когда остались в меньшинстве» на втором съезде, мы видели, что после съезда именно они плакались из-за «первых мест», и именно из-за этих мест затеяли партийный раскол...

Это ли ваш «пролетарский характер», почтенные меньшевики?

Тогда почему же в некоторых городах рабочие на нашей стороне? — спрашивают нас меньшевики.

Да, верно, в некоторых городах рабочие на стороне «меньшинства», но это ничего не доказывает. Рабочие идут и за ревизионистами (оппортунисты в Германии) в некоторых городах, но это ещё не значит, что их позиция пролетарская, это ещё не значит, что они

* См. Ленин. «Шаг вперёд, два шага назад», стр. 93, где приведены эти строки Каутского.

не оппортунисты. Однажды и ворона обрела розу, но это ещё не значит, что ворона — соловей. Недаром говорится:

Коль найдёт ворона розу,
Мнит себя уж соловьём.

* * *

Теперь ясно, **на какой почве** возникли партийные разногласия. Как видно, в нашей партии выявились две тенденции: тенденция **пролетарской стойкости** и тенденция **интеллигентской шаткости.** И вот выразителем этой интеллигентской шаткости и является нынешнее «меньшинство». Тифлисский «комитет» и его «Социал-Демократ» — покорные рабы этого «меньшинства»!

В этом всё дело.

Правда, наши горе-марксисты часто кричат о том, что они против «интеллигентской психологии», при этом они пытаются обвинять «большинство» в «интеллигентской шаткости», но это напоминает случай с вором, укравшим деньги, а потом поднявшим крик: «Держите вора!».

Кроме того известно: у кого что болит, тот о том и говорит.

Печатается по тексту брошюры, изданной Кавказским союзным комитетом РСДРП в мае 1905 г.

Перевод с грузинского

ВООРУЖЁННОЕ ВОССТАНИЕ И НАША ТАКТИКА

Революционное движение «в настоящий момент уже привело к необходимости вооружённого восстания»,— эта мысль, высказанная третьим съездом нашей партии, с каждым днём всё более и более подтверждается. Пламя революции разгорается всё сильнее и сильнее, то здесь, то там вызывая местные восстания. Три дня баррикад и уличных боёв в Лодзи, стачка многих десятков тысяч рабочих в Иваново-Вознесенске с неизбежными кровавыми стычками с войсками, восстание в Одессе, «бунт» в Черноморском флоте и либавском флотском экипаже, тифлисская «неделя» — всё это предвестники приближающейся грозы. Она надвигается, надвигается неудержимо и не сегодня-завтра разразится над Россией и могучим очистительным потоком снесёт всё обветшалое, прогнившее, смоет с русского народа его многовековый позор, именуемый самодержавием. Последние судорожные усилия царизма — усиление разных видов репрессий, объявление половины государства на военном положении, умножение виселиц и наряду с этим соблазнительные речи, обращённые к либералам, и лживые обещания реформ — не спасут его от

исторической судьбы. Дни самодержавия сочтены, гроза неизбежна. Уже зарождается новый строй, приветствуемый всем народом, который ждёт от него обновления и возрождения.

Какие же новые вопросы ставит перед нашей партией эта надвигающаяся гроза? Как мы должны приспособить свою организацию и тактику к новым запросам жизни для более активного и организованного участия в восстании, которое является единственно необходимым началом революции? Чтобы руководить восстанием, должны ли мы — передовой отряд того класса, который является не только авангардом, но и главной действующей силой революции,— создать специальные аппараты, или для этого достаточно уже существующего партийного механизма?

Вот уже несколько месяцев, как эти вопросы стоят перед партией и требуют неотложного разрешения. Для людей, преклоняющихся перед «стихией», принижающих цели партии до простого следования за ходом жизни, плетущихся в хвосте, а не идущих во главе, как это подобает передовому сознательному отряду, таких вопросов не существует. Восстание стихийно, говорят они, организовать и подготовить его невозможно, всякий заранее разработанный план действий является утопией (они против всякого «плана» — это ведь «сознательность», а не «стихийное явление»!), напрасной тратой сил, — у общественной жизни имеются свои неведомые пути, и она разобьёт все наши проекты. Поэтому мы, дескать, должны ограничиться лишь пропагандой и агитацией идеи восстания, идеи «самовооружения» масс, мы должны осуществлять только «политическое руководство», а восставшим народом «технически» пусть руководит кто хочет.

Да ведь мы и до сих пор всегда осуществляли такое руководство! — возражают противники «хвостистской политики». Понятно, что широкая агитация и пропаганда, политическое руководство пролетариатом совершенно необходимы. Но ограничиться такими общими задачами означает, что мы либо уклоняемся от ответа на вопрос, прямо поставленный жизнью, либо обнаруживаем полное неумение приспособить нашу тактику к потребностям бурно растущей революционной борьбы. Разумеется, мы должны теперь удесятерить политическую агитацию, должны стараться подчинить своему влиянию не только пролетариат, но и те многочисленные слои «народа», которые постепенно примыкают к революции, мы должны стараться популяризировать во всех классах населения идею необходимости восстания. Но мы не можем ограничиться только этим! Для того чтобы пролетариат мог использовать грядущую революцию в целях своей классовой борьбы, чтобы он мог установить такой демократический строй, который наиболее обеспечил бы последующую борьбу за социализм,— для этого необходимо, чтобы пролетариат, вокруг которого сплачивается оппозиция, оказался не только в центре борьбы, но и стал бы вождём и руководителем восстания. Именно **техническое руководство и организационная подготовка всероссийского восстания** составляют ту новую задачу, которую жизнь поставила перед пролетариатом. И если наша партия хочет быть действительным политическим руководителем рабочего класса, она не может и не должна отрекаться от выполнения этих новых задач.

Итак, что мы должны предпринять для достижения этой цели? Каковы должны быть наши первые шаги?

Многие наши организации практически уже разрешили этот вопрос, направив часть своих сил и средств на вооружение пролетариата. Наша борьба с самодержавием вступила теперь в такой период, когда необходимость вооружения признаётся всеми. Но ведь одного сознания необходимости вооружения недостаточно,— **надо прямо и ясно поставить перед партией практическую задачу.** Поэтому наши комитеты должны сейчас же, немедленно приступить к вооружению народа на местах, к созданию специальных групп для налаживания этого дела, к организации районных групп для добывания оружия, к организации мастерских по изготовлению различных взрывчатых веществ, к выработке плана захвата государственных и частных оружейных складов и арсеналов. Мы не только должны вооружить народ «жгучей потребностью самовооружения», как советует нам новая «Искра», но и должны «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата» на деле, как обязал нас третий съезд партии. В разрешении этого вопроса легче, чем в каком-либо другом, притти нам к соглашению как с отколовшейся частью партии (если она действительно всерьёз думает о вооружении, а не только болтает «о жгучей потребности самовооружения»), так и с национальными социал-демократическими организациями, как, например, с армянскими федералистами и другими, ставящими перед собой те же самые цели. Такая попытка уже была в Баку, где после февральской резни наш комитет, «Балахано-Биби-Эйбатская» группа и комитет гнчакистов [39] выделили из своей среды организационную комиссию по вооружению. Безусловно необходимо, чтобы это трудное и ответственное дело было организовано общими усилиями, и мы полагаем, что фракционные счёты меньше всего должны помешать объединению на этой почве всех социал-демократических сил.

Наряду с увеличением запасов оружия и организацией его добывания и изготовления фабричным способом необходимо обратить самое серьёзное внимание на создание всевозможных боевых дружин для использования добытого оружия. Ни в коем случае нельзя допустить таких действий, как раздача оружия прямо массам. Ввиду того, что у нас мало средств и весьма трудно прятать оружие от бдительного глаза полиции, нам не удастся вооружить сколько-нибудь значительные слои населения, и наши труды пропадут даром. Совсем иное дело, когда мы создадим специальную боевую организацию. Наши боевые дружины обучатся хорошо владеть оружием, во время восстания — начнётся ли оно стихийно или будет заранее подготовлено — они выступят в качестве главных и передовых отрядов, вокруг них сплотится восставший народ и под их руководством пойдёт в бой. Благодаря их опытности и организованности, а также благодаря хорошему вооружению станет возможным использовать все силы восставшего народа и достигнуть тем самым ближайшей цели — вооружения всего народа и приведения в исполнение заранее выработанного плана действий. Они быстро захватят разные склады оружия, правительственные и общественные учреждения, почту, телефон и т. п., что будет необходимо для дальнейшего развития революции.

Но эти боевые дружины нужны не только тогда, когда революционное восстание уже охватило весь город, их роль не менее важна и накануне восстания. За последние полгода мы ясно убедились в том, что самодержавие, дискредитировавшее себя в глазах всех классов населения, направило всю свою энергию на мобилизацию тёмных сил страны — будь то профессиональные хулиганы или малосознательные и фанатизированные элементы из среды татар — для борьбы с революционерами. Вооружённые полицией и находящиеся под её покровительством, они терроризируют население и создают тяжёлую атмосферу для освободительного движения. Наши боевые организации должны быть всегда готовы дать должный отпор всем попыткам этих тёмных сил и стараться превратить вызванное их действиями возмущение и отпор в антиправительственное движение. Вооружённые боевые дружины, готовые каждую минуту выйти на улицу и стать во главе народных масс, легко могут достигнуть цели, поставленной третьим съездом, — «организовывать вооружённый отпор выступлению чёрных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством» («Резолюция об отношении к тактике правительства накануне переворота» — см. «Извещение»)[40].

Одной из главных задач наших боевых дружин и вообще военно-технической организации должна быть разработка плана восстания для своего района и согласование его с планом, разработанным партийным центром для всей России. Найти наиболее слабые места у противника, наметить пункты, откуда нужно напасть на него, распределить все силы по району, хорошо изучить топографию города — всё это должно быть сделано предварительно, чтобы мы ни при каких обстоятельствах не оказались застигнутыми врасплох. Здесь совершенно неуместно подробно разбирать эту сторону деятельности наших организаций. Строгая конспирация в выработке плана действий должна сопровождаться возможно более широким распространением среди пролетариата военно-технических знаний, безусловно необходимых для ведения уличной борьбы. Для этой цели мы должны привлечь военных лиц, имеющихся в организации. Для этого же мы можем привлечь целый ряд и других наших товарищей, которые по своим природным способностям и склонностям будут весьма полезны в этом деле.

Только такая всесторонняя подготовка к восстанию может обеспечить руководящую роль социал-демократии в грядущих боях между народом и самодержавием.

Лишь полная боевая готовность даст возможность пролетариату превратить отдельные стычки с полицией и войсками во всенародное восстание, чтобы взамен царского правительства создать временное революционное правительство.

Организованный пролетариат, вопреки приверженцам «хвостистской политики», приложит все свои усилия к тому, чтобы сосредоточить в своих руках и техническое и политическое руководство восстанием. Это руководство является тем необходимым условием, благодаря которому мы сможем использовать грядущую революцию в интересах нашей классовой борьбы.

Газета «Пролетариатис Брдзола»
(«Борьба Пролетариата») № 10,
15 июля 1905 г.

Статья без подписи

Перевод с грузинского

ВРЕМЕННОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ[41]

I

Народная революция нарастает. Пролетариат вооружается и поднимает знамя восстания. Крестьянство расправляет спину и объединяется вокруг пролетариата. Уже недалеко то время, когда грянет и всеобщее восстание и будет «сметён с лица земли» ненавистный трон ненавистного царя. Царское правительство будет низвергнуто. На его развалинах будет создано правительство революции — временное революционное правительство, которое обезоружит тёмные силы, вооружит народ и немедленно приступит к созыву Учредительного собрания. Таким образом, господство царя сменится господством народа. По такому пути идёт в настоящее время народная революция.

Что должно сделать временное правительство?

Оно должно разоружить тёмные силы, обуздать врагов революции, чтобы они не могли вновь восстановить царское самодержавие. Оно должно вооружить народ и способствовать доведению революции до конца. Оно должно осуществить свободу слова, печати, собраний и т. п. Оно должно уничтожить косвенные налоги и ввести прогрессивный налог на прибыли и наслед-

ство. Оно должно организовать крестьянские комитеты, которые урегулируют земельные дела в деревне. Оно же должно отделить церковь от государства и школу от церкви...

Кроме этих общих требований, временное правительство должно осуществить и классовые требования рабочих: свободу стачек и союзов, 8-часовой рабочий день, государственное страхование рабочих, гигиенические условия труда, учреждение «бирж труда» и т. д.

Одним словом, временное правительство должно полностью осуществить нашу программу-минимум * и немедленно приступить к созыву всенародного Учредительного собрания, которое «навсегда» узаконит изменения, происшедшие в общественной жизни.

Кто должен войти во временное правительство?

Революцию совершит народ, а народ — это пролетариат и крестьянство. Ясно, что они должны взять на себя и доведение революции до конца, обуздание реакции, вооружение народа и т. п. А для всего этого необходимо, чтобы пролетариат и крестьянство имели защитников своих интересов во временном правительстве. Пролетариат и крестьянство будут господствовать на улице, они будут проливать свою кровь, — ясно, что они должны господствовать и во временном правительстве.

Всё это так, говорят нам, но что общего между пролетариатом и крестьянством?

Общее то, что оба они ненавидят остатки крепостничества, оба они борются не на жизнь, а на смерть

* О программе-минимум смотри «Извещение о втором съезде РСДРП».

с царским правительством, оба они хотят демократической республики.

Это, однако, не может заставить нас забыть ту истину, что различие между ними гораздо значительнее.

В чём состоит это различие?

В том, что пролетариат — враг частной собственности, он ненавидит буржуазные порядки, и демократическая республика нужна ему лишь для того, чтобы собраться с силами и затем свергнуть буржуазный строй, тогда как крестьянство привязано к частной собственности, привержено буржуазным порядкам, и демократическая республика ему нужна для того, чтобы укрепить основы буржуазного строя.

Нечего и говорить, что крестьянство * пойдёт против пролетариата лишь постольку, поскольку пролетариат захочет уничтожить частную собственность. С другой стороны, ясно также и то, что крестьянство поддержит пролетариат лишь постольку, поскольку пролетариат захочет свергнуть самодержавие. Нынешняя революция — буржуазная, т. е. она не затрагивает частной собственности, следовательно, крестьянство в настоящее время не имеет никаких оснований к тому, чтобы обращать своё оружие против пролетариата. Зато нынешняя революция в корне отвергает царскую власть, следовательно, крестьянство заинтересовано в том, чтобы решительно примкнуть к пролетариату, как передовой силе революции. Ясно, что и пролетариат также заинтересован в том, чтобы поддержать крестьянство и вместе с ним выступить против общего врага — царского правительства. Недаром великий Энгельс

* То есть мелкая буржуазия.

говорит, что до победы демократической революции пролетариат должен выступать против существующих порядков рядом с мелкой буржуазией *. И если до полного обуздания врагов революции наша победа не может быть названа победой, если обуздание врагов и вооружение народа являются обязанностью временного правительства, если завершение победы должно взять на себя временное правительство, — то само собой ясно, что во временное правительство, кроме защитников интересов мелкой буржуазии, должны войти и представители пролетариата, как защитники его интересов. Было бы безрассудством, если бы пролетариат, выступая руководителем революции, предоставил доведение её до конца одной только мелкой буржуазии: это было бы изменой самому себе. Не следует только забывать, что пролетариат, как враг частной собственности, должен иметь свою собственную партию и ни на минуту не должен сворачивать со своего пути.

Иначе говоря, пролетариат и крестьянство должны совместными усилиями покончить с царским правительством, они совместными усилиями должны обуздать врагов революции, и именно поэтому наряду с крестьянством пролетариат также должен иметь во временном правительстве защитников своих интересов — социал-демократов.

Это так ясно, так очевидно, что говорить об этом как будто бы даже излишне.

Но вот выступает «меньшинство» и, сомневаясь

* См. «Искра» № 96. Это место перепечатано в пятом номере «Социал-Демократа». См. «Демократия и социал-демократия».

в этом, упрямо твердит: не к лицу социал-демократии участвовать во временном правительстве, это противоречит принципам.

Разберём этот вопрос. Каковы доводы «меньшинства»? Прежде всего оно ссылается на Амстердамский конгресс [42]. Этот конгресс, в противовес жоресизму, принял решение о том, что социалисты не должны стремиться к участию в буржуазном правительстве, а так как временное правительство является буржуазным правительством, то участие во временном правительстве для нас недопустимо. Так рассуждает «меньшинство» и не замечает, что при таком школьническом понимании решения конгресса мы и в революции не должны участвовать. В самом деле: мы — враги буржуазии, нынешняя же революция — буржуазная,— следовательно, мы не должны принимать никакого участия в этой революции! На этот путь толкает нас логика «меньшинства». Социал-демократия же говорит, что мы, пролетарии, не только должны принять участие в нынешней революции, но и должны возглавить её, руководить ею и довести её до конца. А доведение революции до конца невозможно без участия во временном правительстве. Бесспорно, что здесь логика «меньшинства» хромает на обе ноги. Одно из двух: либо мы, уподобляясь либералам, должны отказаться от мысли, что пролетариат является руководителем революции,— тогда сам собой отпадает вопрос о нашем участии во временном правительстве; либо мы должны открыто признать эту социал-демократическую идею, а вместе с тем признать необходимость участия во временном правительстве. «Меньшинство» же не хочет рвать ни с тем, ни с другим, оно хочет ходить и в либералах

и в социал-демократах! Так безжалостно насилует оно ни в чём не повинную логику...

Что касается Амстердамского конгресса, то он имел в виду постоянное правительство Франции, а не временное революционное правительство. Правительство Франции является реакционно-консервативным, оно отстаивает старое и борется против нового, — понятно, что в него и не войдёт подлинный социал-демократ, между тем временное правительство является революционно-прогрессивным, оно борется против старого, прокладывает путь новому, оно служит интересам революции, — понятно, что подлинный социал-демократ пойдёт в него и примет активное участие в увенчании дела революции. Как видите, это — вещи разные. Так что «меньшинство» зря цепляется за Амстердамский конгресс: он не спасёт его от провала.

Видимо, это почувствовало и само «меньшинство» и обращается к другому доводу: оно взывает теперь к теням Маркса и Энгельса. Так, например, «Социал-Демократ» упрямо повторяет, что Маркс и Энгельс «в корне отвергают» участие во временном правительстве. Но где, когда отвергали? Что же, например, говорит Маркс? Оказывается, Маркс говорит, что «...демократические мелкие буржуа... проповедуют пролетариату... стремиться к созданию одной большой оппозиционной партии, которая охватила бы все оттенки в демократической партии...», что «подобное объединение безусловно принесло бы вред пролетариату и было бы выгодно исключительно им (мелким буржуа)» * и т. д. [43] Словом, пролетариат должен иметь отдельную

* См. «Социал-Демократ» № 5.

классовую партию. Но кто же против этого, «учёный критик»? Почему вы сражаетесь с ветряными мельницами?

«Критик» тем не менее продолжает цитировать Маркса. «На случай борьбы против общего врага не нужно никакого особого объединения. Поскольку необходимо вести прямую борьбу против такого противника, интересы обеих партий на время совпадают, и... возникает такой союз, рассчитанный лишь на данный момент... Во время борьбы и после неё рабочие должны при каждом случае наряду с потребностями (должно быть: требованиями) буржуазных демократов выставлять свои собственные потребности (требования)... Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие... против своих прежних союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя» *. Иначе говоря, пролетариат должен итти своим путём и поддерживать мелкую буржуазию лишь постольку, поскольку это не противоречит его интересам. А кто же против этого, удивительный «критик», и для чего понадобилась вам ссылка на слова Маркса? Разве Маркс говорит что-либо о временном революционном правительстве? Ни единого слова! Разве Маркс говорит, что участие во временном правительстве во время демократической революции противоречит нашим принципам? Ни единого слова! Так чего же приходит в телячий восторг наш автор, откуда он выудил «принципиальное противоречие» между нами и Марксом? Бедный «критик»! Он из кожи лезет вон, чтобы найти

* См. «Социал-Демократ» № 5.

такое противоречие, но, к его огорчению, ничего из этого не получается.

Что же говорит Энгельс, по заявлению меньшевиков? В письме к Турати он, оказывается, говорит, что грядущая революция в Италии будет мелкобуржуазной, а не социалистической, до её победы пролетариат должен выступать против существующего строя вместе с мелкой буржуазией, но обязательно имея свою собственную партию, но было бы чрезвычайно опасно после победы революции вступать социалистам в новое правительство. Этим они повторили бы ошибку Луи Блана и других французских социалистов в 1848 г. и т. д. * Иначе говоря, поскольку итальянская революция будет демократической, а не социалистической, постольку было бы большой ошибкой мечтать о господстве пролетариата и оставаться в правительстве и **после победы**, только **до победы** пролетариат мог бы выступать вместе с мелкими буржуа против общего врага. Но кто же спорит против этого, кто говорит, что мы должны смешивать демократическую революцию с социалистической? Зачем было ссылаться на последователя Бернштейна — Турати? Или для чего понадобилось вспоминать Луи Блана? Луи Блан был мелкобуржуазным «социалистом», а у нас речь идёт о социал-демократах. Во времена Луи Блана социал-демократической партии не существовало, а здесь речь идёт именно о такой партии. Французские социалисты имели в виду завоевание политической власти, нас же интересует вопрос об

* См. «Социал-Демократ» № 5. Эти слова «Социал-Демократ» приводит в кавычках. Можно подумать, что слова Энгельса приведены в точности. На самом деле это не так. Здесь только излагается своими словами содержание письма Энгельса.

участии во временном правительстве... Разве Энгельс говорит, что участие во временном правительстве во время демократической революции противоречит нашим принципам? Ни единого слова! Так для чего было столько разглагольствовать, наш меньшевик, как вы не понимаете, что спутать вопросы не значит разрешить их? Для чего было понапрасну тревожить тени Маркса и Энгельса?

«Меньшинство», видать, само почувствовало, что его не спасут имена Маркса и Энгельса, и теперь оно ухватилось за третий «довод». Вы хотите наложить двойную узду на врагов революции, говорит нам «меньшинство», вы хотите, чтобы «давление пролетариата на революцию шло не «снизу» только, не только с улицы, но и сверху, из чертогов временного правительства» *. Но это противоречит принципу, укоряет нас «меньшинство».

Таким образом, «меньшинство» утверждает, что воздействовать на ход революции мы должны «только снизу». «Большинство», напротив, считает, что действие «снизу» мы должны дополнить действием «сверху», чтобы напор был более всесторонним.

Кто же в таком случае вступает в противоречие с принципом социал-демократии, «большинство» или «меньшинство»?

Обратимся к Энгельсу. В семидесятых годах в Испании произошло восстание. Встал вопрос о временном революционном правительстве. Тогда там подвизались бакунисты (анархисты). Они отрицали всякое действие сверху, и это вызвало полемику между ними

* См. «Искра» № 93.

и Энгельсом. Бакунисты проповедывали то же самое, что ныне говорит «меньшинство». «Бакунисты,— говорит Энгельс,— много лет проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз зловредно, что всё должно быть организуемо и проводимо снизу вверх» *. По их мнению, «всякая организация политической, так называемой временной или революционной власти может быть лишь новым обманом и оказалась бы столь же опасной для пролетариата, как все ныне существующие правительства» **. Энгельс высмеивает этот взгляд и говорит, что жизнь жестоко опровергла это учение бакунистов. Бакунисты вынуждены были уступить требованиям жизни, и им... «пришлось вопреки их анархическим принципам образовать революционное правительство» ***. Так они «попирали только что провозглашённый ими самими принцип: будто учреждение революционного правительства есть лишь новый обман и новая измена рабочему классу» ****.

Так говорит Энгельс.

Таким образом, выясняется, что принцип «меньшинства» — действие только «снизу» — является анархистским принципом, который и в самом деле в корне противоречит социал-демократической тактике. Взгляд «меньшинства», что всякое участие во временном правительстве якобы гибельно для рабочих, является анархистской фразой, которую высмеял ещё Энгельс. Выясняется также и то, что жизнь отбросит взгляды

* См. третий номер «Пролетария», в котором приведены эти слова Энгельса [44].

** См. там же.

*** См. там же.

**** См. там же.

«меньшинства» и шутя разобьёт их, как это случилось с бакунистами.

«Меньшинство» всё-таки продолжает упорствовать,— мы-де не пойдём против принципов. Странное представление у этих людей о социал-демократических принципах. Взять хотя бы их принципиальные взгляды в отношении временного революционного правительства и Государственной думы. «Меньшинство» против участия во временном правительстве, порождаемом интересами революции,— это-де противоречит принципам. Но оно за участие в Государственной думе, которая порождена интересами самодержавия, — это, оказывается, не противоречит принципам! «Меньшинство» против участия во временном правительстве, которое создаст революционный народ и народ же узаконит,— это-де противоречит принципам. Но оно за участие в Государственной думе, которую созывает самодержавный царь и царь же узаконяет,— это, оказывается, не противоречит принципам! «Меньшинство» против участия во временном правительстве, которое призвано похоронить самодержавие,— это-де противоречит принципам. Но оно за участие в Государственной думе, которая призвана укрепить самодержавие,— это, оказывается, не противоречит принципам... О каких это принципах говорите вы, почтеннейшие, о принципах либералов или социал-демократов? Очень хорошо поступите, если дадите на этот вопрос прямой ответ. Мы в этом что-то сомневаемся.

Однако оставим эти вопросы.

Дело в том, что в поисках принципов «меньшинство» скатилось на путь анархистов.

Вот что ныне выяснилось.

II

Нашим меньшевикам не понравились резолюции, принятые на III партийном съезде. Их истинно революционный смысл потревожил меньшевистское «болото» и возбудил в нём аппетит к «критике». Повидимому, на их оппортунистический склад ума оказала воздействие главным образом резолюция о временном революционном правительстве, и они приступили к её «уничтожению». Но, так как они там не нашли ничего, за что могли бы ухватиться и раскритиковать, то обратились к своему обычному и притом дешёвому средству — демагогии! Эта резолюция составлена для приманки рабочих, для обмана и ослепления их,— пишут эти «критики». И, как видно, этой своей вознёй они очень удовлетворены. Они вообразили противника поражённым на смерть, а себя критиками-победителями и восклицают: «И они (авторы резолюции) хотят руководить пролетариатом!» Смотришь на этих «критиков» и представляется твоему взору герой Гоголя, находившийся в состоянии невменяемости и воображавший себя королём Испании. Такова судьба страдающих манией величия!

Присмотримся к самой «критике», которую мы находим в № 5 «Социал-Демократа». Как вы уже знаете, наши меньшевики не могут без страха вспомнить о кровавом призраке временного революционного правительства и взывают к своим святым — Мартыновым — Акимовым, дабы они избавили их от этого чудовища и заменили его Земским собором — ныне уже Государственной думой. В этих целях они до небес возносят «Земский собор» и стараются сбыть за чистую монету это

гнилое порождение гнилого царизма: «Мы знаем, что великая французская революция учредила **республику**, не имея временного правительства»,— пишут они. И только? Больше ничего не знаете, «почтенные»? Маловато! Следовало бы побольше знать! Следовало бы знать, например, и то, что великая французская революция восторжествовала, как буржуазное революционное движение, российское же «революционное движение восторжествует, как движение рабочих, или совсем не восторжествует», как справедливо говорит Г. Плеханов. Во Франции во главе революции стояла буржуазия, в России же стоит пролетариат. **Там** первая управляла судьбой революции, **тут** — последний. И разве не ясно, что при такой перестановке руководящих революционных сил не могут получиться тождественные результаты для того и другого класса? Если во Франции буржуазия, стоя во главе революции, воспользовалась её плодами, то неужели и в России она также должна воспользоваться ими, несмотря на то, что во главе революции стоит пролетариат? Да, говорят наши меньшевики, что̀ произошло там, во Франции, то и здесь, в России, должно случиться. Эти господа, подобно гробовщику, берут мерку с давно усо̀пшего и этой меркой меряют живых. Кроме того, они допустили тут порядочную фальшь: с интересующего нас предмета сняли голову и центр полемики перенесли на хвост. Мы, как и всякий революционный социал-демократ, говорим об учреждении демократической республики. Они же слово «демократической» куда-то припрятали и начали разглагольствовать о «республике». «Мы знаем, что великая французская революция учредила республику»,— проповедуют они.

Да, она учредила республику, но какую,— подлинно демократическую? Такую, какую требует Российская соц.-дем. рабочая партия? Давала эта республика народу право всеобщих выборов? Вполне ли прямыми были тогдашние выборы? Был ли введён прогрессивный подоходный налог? Разве что-нибудь говорилось там об улучшении условий труда, об уменьшении рабочего дня, об увеличении заработной платы и прочее?.. Нет. Ничего этого там не было, да и быть не могло, ибо у рабочих не было тогда социал-демократического воспитания. Потому-то их интересы в тогдашней французской республике были забыты и обойдены буржуазией. И неужели, господа, перед такой республикой преклоняете вы свои «высокочтимые» головы? Таков ваш идеал? Доброго пути! Но помните, почтенные, что преклонение перед такой республикой ничего общего не имеет с социал-демократией и её программой — это демократизм худшего порядка. А вы всё это проводите контрабандой, прикрываясь именем социал-демократии.

Кроме того, меньшевики должны знать, что российская буржуазия со своим Земским собором даже такой республикой, как во Франции, не пожалует нас, — она совсем не намерена уничтожить монархию. Зная прекрасно «дерзость» рабочих там, где нет монархии, она старается сохранить эту крепость в целости и обратить её в своё собственное орудие против непримиримого врага — пролетариата. В этих-то целях и ведёт она переговоры именем «народа» с царём-палачом и советует ему в интересах «родины» и престола созвать Земский собор во избежание «анархии». Неужели вы, меньшевики, всего этого не знаете?

Нам нужна не такая республика, которую ввела французская буржуазия в XVIII веке, а такая, какую требует Российская с.-д. рабочая партия в XX веке. А такую республику могут создать только народное победоносное восстание во главе с пролетариатом и выдвинутое им временное революционное правительство. Только такое временное правительство может **временно** осуществлять нашу программу-минимум и представить подобные изменения на утверждение созванного им Учредительного собрания.

Наши «критики» не верят, чтобы Учредительное собрание, созванное согласно нашей программе, могло выразить волю народа (да и как они могут это себе представить, когда они не идут дальше великой французской революции, происшедшей 115—116 лет тому назад). «Имущие и влиятельные лица,— продолжают «критики»,— имеют столько средств для подтасовки выборов в свою пользу, что разговоры о действительной воле народа совершенно излишни. Для того, чтобы избиратели из неимущих не стали выразителями воли богатых, нужна великая борьба, длительная партийная дисциплина» (которая не признаётся меньшевиками?). «Даже в Европе (?), несмотря на долголетнее политическое воспитание, всё это не осуществлено. И вот нашим большевикам думается, что этот талисман держит в руках временное правительство!»

Вот истинный хвостизм! Вот «в бозе почившие» «тактика-процесс» и «организация-процесс» во всю свою натуральную величину! О требовании в России того, что ещё не осуществлено в Европе, не может быть и речи, поучают нас «критики»! Мы же знаем, что не только в «Европе», но и в Америке наша программа-

минимум не осуществлена полностью, и, следовательно, кто её принимает и борется за её осуществление в России, после падения самодержавия, тот, по мнению меньшевиков, неисправимый мечтатель, жалкий Дон-Кихот! Словом, наша программа-минимум фальшива, утопична и ничего общего не имеет с действительной «жизнью»! Не так ли, господа «критики»? Именно так и получается по-вашему. Тогда имейте больше мужества и объявите об этом прямо, без увёрток! Тогда мы будем знать, с кем имеем дело, и вы освободитесь от ненавистных вам программных формальностей! А то вы так робко, так трусливо говорите о маловажности программы, что многие, кроме большевиков, конечно, ещё думают, что вы признаёте российскую с.-д. программу, принятую на II партийном съезде. Но к чему это фарисейство?

И вот здесь мы подошли вплотную к основе наших разногласий. Вы не верите в нашу программу и оспариваете её правильность, мы же, наоборот, всегда исходим из неё, все свои действия согласовываем с ней!

Мы верим, что подкупить и обмануть весь народ не смогут «имущие и влиятельные лица» при свободе предвыборной агитации. Ибо мы их влиянию и золоту противопоставим социал-демократическое правдивое слово (и в этой правде мы, в отличие от вас, ничуть не сомневаемся) и тем ослабим мошеннические проделки буржуазии. Вы же не верите в это дело и потому тянете революцию в сторону реформизма.

«В 1848 году,— продолжают «критики»,— временное правительство во Франции (опять Франция!), в котором участвовали и рабочие, созвало такое Учредительное собрание, куда не прошёл ни один делегат

парижского пролетариата». Вот ещё полное непонимание социал-демократического учения и шаблонное представление об истории! К чему швыряться фразами? Во Франции, несмотря на то, что рабочие участвовали во временном правительстве, ничего не вышло, а потому и в России социал-демократия должна отказаться от участия в нём, ибо и тут ничего не выйдет, — заключают «критики». Но разве дело в участии рабочих? Разве мы говорим, что рабочий, кто бы и какого бы направления он ни был, должен участвовать во временном революционном правительстве? Нет, мы пока ещё не сделались вашими последователями и не снабжаем каждого рабочего аттестацией социал-демократа. Назвать же участвовавших во французском временном правительстве рабочих членами социал-демократической партии нам и в голову не приходило! К чему эта неуместная аналогия! Да и какое сравнение может быть между политическим сознанием французского пролетариата в 1848 г. и политическим сознанием российского пролетариата в данный момент? Разве французский пролетариат того времени выступал хоть раз на политическую демонстрацию против тогдашнего строя? Праздновал ли он когда-либо Первое мая под знаком борьбы с буржуазным строем? Был ли он организован в социал-демократическую рабочую партию? Имел ли он программу социал-демократии? Мы знаем, что нет. Обо всём этом французский пролетариат даже представления не имел. Спрашивается, мог ли французский пролетариат пользоваться тогда плодами революции в такой же мере, в какой может пользоваться ими российский пролетариат, тот пролетариат, который давно организован в социал-демократическую партию, имеет

вполне определённую социал-демократическую программу и сознательно прокладывает путь к своей цели? Всякий, кто хоть чуточку способен понимать реальные вещи, ответит на это отрицательно. И только люди, способные зазубрить исторические факты, но не умеющие объяснить их происхождение сообразно месту и времени, могут отождествлять эти две разные величины.

«Нужны, — ещё и ещё поучают «критики», — насилие со стороны народа, беспрерывная революция, а не то, чтобы удовлетвориться выборами и разойтись по домам». Опять клевета! Кто же сказал вам, почтенные, что мы удовлетворяемся выборами и расходимся по домам? Назовите-ка!

Наши «критики» взволнованы ещё тем, что мы от временного революционного правительства требуем осуществления нашей программы-минимум, и восклицают: «Это полное незнание дела; дело в том, что политические и экономические требования нашей программы могут быть осуществлены лишь при помощи законодательства, временное же правительство — не законодательное учреждение». При чтении этой прокурорской речи, направленной против «противозаконных деяний», закрадывается сомнение, не посвятил ли эту статью «Социал-Демократу» какой-нибудь либеральный буржуа, благоговеющий перед законностью? * Как иначе объяснить то буржуазное мудрствование,

* Эта мысль тем более напрашивается, что меньшевики в № 5 «Социал-Демократа» из всей тифлисской буржуазии изменниками «общему делу» объявили лишь около десяти купцов. Как видно, остальные — их сторонники и имеют с меньшевиками одно «общее дело». Что же удивительного, если какой-

что временное революционное правительство не вправе будто бы отменять старые и вводить новые законы! Разве это рассуждение не отдаёт пошлым либерализмом? И не страшно ли слышать его из уст революционера? Ведь это напоминает случай с обречённым, которому собирались снести голову, а он умолял не задевать прыщик на шее. Впрочем, всё можно простить «критикам», не отличающим временное революционное правительство от обычного кабинета министров (да они в том и не виноваты, учителя Мартыновы — Акимовы довели их до этого). Что такое кабинет министров?— Результат **существования** постоянного правительства. А что такое временное революционное правительство?— Результат **уничтожения** постоянного правительства. Первый приводит в исполнение **существующие** законы с помощью постоянной армии. Второе упраздняет существующие законы и взамен их с помощью восставшего народа узаконяет волю революции. Что между ними общего?

Допустим, что революция восторжествовала и победивший народ составил временное революционное правительство. Возникает вопрос: как быть этому правительству, если оно не вправе отменять и вводить законы? Ждать Учредительного собрания? Да ведь созыв этого собрания тоже требует введения новых законов, как-то: всеобщего, прямого и т. д. избирательного права, свободы слова, печати, собраний и т. п. А всё это входит в нашу программу-минимум. И если временное революционное правительство не может её осуществить,

---

нибудь из этих сторонников «общего дела» взял и послал в орган своих коллег «критическую» статью против непримиримого «большинства».

то чем же оно будет руководствоваться при созыве Учредительного собрания? Не программой ли, составленной Булыгиным [45] и одобренной Николаем II?

Предположим ещё, что победивший народ, понеся многочисленные жертвы из-за отсутствия оружия, требует от временного революционного правительства в целях борьбы с контрреволюцией уничтожения постоянной армии и вооружения народа. В это время выступают меньшевики с проповедью: уничтожение постоянной армии и вооружение народа — дело не этого ведомства (временного революционного правительства), а другого — Учредительного собрания — апеллируйте к нему, не требуйте противозаконных актов и т. д. Хороши советчики, нечего сказать!

Теперь посмотрим, на каком основании меньшевики лишают временное революционное правительство «правоспособности». Во-первых, на том основании, что оно незаконодательное учреждение, а во-вторых, Учредительному собранию, дескать, нечего будет делать. Вот до какого позора договорились эти политические младенцы! Оказывается, они даже не знают, что торжествующая революция и выразитель её воли — временное революционное правительство — до составления постоянного правительства являются господами положения и, следовательно, могут отменять и вводить законы! Если бы это было иначе, если бы временное революционное правительство не имело этих прав, то тогда его существование не имело бы никакого смысла и восставший народ не создал бы такого органа. Странно, что меньшевики забыли азбуку революции.

Меньшевики спрашивают: что же должно делать Учредительное собрание, если нашу программу-минимум

осуществит временное революционное правительство? Вы опасаетесь, почтенные, что оно будет страдать безработицей. Не бойтесь, у него работы будет вдоволь. Оно санкционирует те изменения, которые произведёт временное революционное правительство при помощи восставшего народа, оно выработает конституцию страны, в коей наша программа-минимум будет лишь составной частью. Вот чего мы потребуем от Учредительного собрания!

«Они (большевики) не могут себе представить раскола между самой мелкой буржуазией и рабочими, раскола, который отразится и на выборах, и, следовательно, временное правительство захочет угнетать в пользу своего класса избирателей-рабочих»,— пишут «критики». Пойми, кто может, эту мудрость! Что значит: «временное правительство захочет угнетать в пользу своего класса избирателей-рабочих»!!? О каком временном правительстве говорят они, с какими ветряными мельницами борются эти дон-кихоты? Разве кто-нибудь говорил, что если мелкая буржуазия одна овладеет временным революционным правительством, она всё же будет защищать интересы рабочих? К чему навязывать своё собственное недомыслие другим? Мы говорим, что вместе с представителями демократии при известных условиях допустимо участие во временном революционном правительстве и наших социал-демократических делегатов. Если это так, если речь идёт о таком временном революционном правительстве, куда входят и социал-демократы, то каким же образом оно будет мелкобуржуазным по составу? Свои же доводы об участии во временном революционном правительстве мы основываем на том, что интересам

демократии — крестьянства и городской мелкой буржуазии (которую вы, меньшевики, приглашаете в свою партию) — в основном не противоречит осуществление нашей программы-минимум, а потому считаем возможным провести её вместе с нею. Если же демократия воспрепятствует проведению некоторых её пунктов, тогда наши делегаты, поддерживаемые с улицы своими избирателями, пролетариатом, постараются провести эту программу силой, если таковая будет налицо (если этой силы не будет, мы не войдём, да и не выберут нас во временное правительство). Как видите, социал-демократия должна войти во временное революционное правительство именно для того, чтобы защищать там социал-демократические взгляды, т. е. не дать другим классам ущемить интересы пролетариата.

Представители Российской соц.-дем. рабочей партии во временном революционном правительстве объявят борьбу не пролетариату, как это мерещится меньшевикам по недомыслию, а вместе с пролетариатом — врагам пролетариата. Но что вам, меньшевикам, до всего этого, что вам до революции и её временного правительства! Ваше место там, в «Го[сударственной думе»]...*

Первый раздел статьи был напечатан в газете «Пролетариатис Брдзола» («Борьба Пролетариата») № 11, 15 августа 1905 г.
Второй раздел печатается впервые
Статья без подписи

Перевод с грузинского

* На этом рукопись обрывается. *Ред.*

ОТВЕТ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТУ» [46]

Прежде всего я должен извиниться перед читателем, что запоздал с ответом. Ничего не поделаешь: обстоятельства заставили работать в другой области, и я был вынужден на время отложить свой ответ; сами знаете — мы не располагаем собой.

Я должен ещё заметить вот что: автором брошюры «Коротко о партийных разногласиях» многие считают Союзный комитет, а не отдельное лицо. Я должен заявить, что автором этой брошюры являюсь я. Союзному комитету принадлежит только редакция её.

А теперь приступим к делу.

Противник обвиняет меня в том, что будто я «не вижу предмета спора», «замазываю вопросы» *, будто «спорными являются вопросы организационные, а не программные» (стр. 2).

Достаточно немного наблюдательности, чтобы обнаружить фальшь утверждения автора. Дело в том, что моя брошюра является ответом на *первый* номер «Социал-Демократа»,— брошюра была уже сдана в

* См. «Ответ Союзному комитету» [47], стр. 4.

печать, когда вышел второй номер «Социал-Демократа». Что говорит автор в первом номере? Только то, что «большинство» якобы стоит на пути идеализма и его позиция «в корне противоречит» марксизму. Здесь нет ни звука об организационных вопросах. Что я должен был ответить? Только то, что и ответил, а именно: «большинство» стоит на позициях подлинного марксизма, и если «меньшинство» этого не поняло, это означает, что оно само отступило от подлинного марксизма. Так поступил бы всякий, кто хоть что-нибудь смыслит в полемике. Но автор твердит своё: почему, мол, не касаешься организационных вопросов? Потому я не касаюсь их, почтенный философ, что вы тогда ни слова не проронили об этих вопросах. Нельзя же отвечать на те вопросы, о которых ещё не было и речи. Ясно, что «замазывание вопросов», «замалчивание предмета спора» и прочее суть измышления автора. Напротив, у меня есть основание заподозрить его самого в замалчивании некоторых вопросов. Он говорит, что «спорными являются вопросы организационные», тогда как между нами существуют и тактические разногласия, которые имеют гораздо большее значение, чем разногласия организационные. Однако наш «критик» ни одним словом не обмолвился об этих разногласиях в своей брошюре. Вот это и называется «замазыванием вопросов».

О чём говорится в моей брошюре?

Современная общественная жизнь устроена капиталистически. Здесь существуют два больших класса: буржуазия и пролетариат, и между ними идёт борьба не на жизнь, а на смерть. Жизненные условия буржуазии вынуждают её укреплять капиталистические

порядки. Жизненные же условия пролетариата вынуждают его подрывать капиталистические порядки, уничтожить их. Соответственно этим двум классам и сознание вырабатывается двоякое: буржуазное и социалистическое. Положению пролетариата соответствует сознание социалистическое. Поэтому пролетариат приемлет это сознание, усваивает его и с удвоенной силой борется с капиталистическим строем. Нечего и говорить, что не будь капитализма и классовой борьбы, не было бы и социалистического сознания. Но теперь вопрос в том, кто вырабатывает, кто имеет возможность выработать это социалистическое сознание (т. е. научный социализм). Каутский говорит, и я повторяю его мысль, что у массы пролетариев, пока они остаются пролетариями, нет ни времени, ни возможности выработать социалистическое сознание. «Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания» *,— говорит Каутский. Носителями же науки являются интеллигенты, в том числе, например, Маркс, Энгельс и другие, которые имеют и время и возможность стать во главе науки и выработать социалистическое сознание. Ясно, что выработка социалистического сознания — это дело немногих интеллигентов-социалдемократов, располагающих для этого и временем и возможностями.

Но какое значение имеет само по себе социалистическое сознание, если оно не имеет распространения в пролетариате? Оно останется пустой фразой, и только! Совершенно по-другому повернётся дело, если это

* См. статью К. Каутского, приведённую в «Что делать?», стр. 27.

сознание найдёт распространение в пролетариате: пролетариат осознает своё положение и ускоренным шагом устремится к социалистической жизни. Вот тут-то и выступает социал-демократия (а не только интеллигенты-социалдемократы), которая вносит социалистическое сознание в рабочее движение. Это и имеет в виду Каутский, говоря, что «социалистическое сознание есть нечто извне внесённое в классовую борьбу пролетариата» *.

Таким образом, социалистическое сознание вырабатывают немногие интеллигенты-социалдемократы. В рабочее же движение это сознание вносится всей социалдемократией, которая придаёт стихийной борьбе пролетариата сознательный характер.

Об этом идёт речь в моей брошюре.

Такова позиция марксизма и вместе с ним «большинства».

Что выдвигает против этого мой противник?

Собственно говоря, ничего существенного. Он больше занят руганью, чем выяснением вопроса. Видать, уж очень он осерчал! Он не осмеливается открыто ставить вопросы, не даёт прямого ответа на них, а, подобно трусливому «вояке», увиливает от предмета спора, лицемерно затушёвывает ясно поставленные вопросы и к тому же уверяет всех: я, мол, одним взмахом выяснил все вопросы! Так, например, автор вообще не ставит вопроса о выработке социалистического сознания, не решается прямо сказать, к кому он примыкает в этом вопросе: к Каутскому или к «экономистам». Правда, в первом номере «Социал-Демократа» наш

* Там же.

«критик» делал довольно смелые заявления, тогда он прямо говорил языком «экономистов». Но что поделаешь? Тогда было одно, а теперь он в «другом настроении» и, вместо критики, обходит этот вопрос, может быть потому, что убедился в своей ошибке, только открыто признаться в этой ошибке он не решается. В общем наш автор очутился меж двух огней. Он никак не разберётся, к кому же примкнуть. Если он примкнёт к «экономистам», тогда должен порвать с Каутским и с марксизмом, а это ему невыгодно; если же он порвёт с «экономизмом» и примкнёт к Каутскому, тогда непременно должен подписаться под тем, что говорит «большинство»,— но для этого нехватает смелости. Так и остаётся он меж двух огней. Что же осталось делать нашему «критику»? Здесь лучше помолчать, решает он, и действительно трусливо обходит поставленный выше вопрос.

Что говорит автор о **внесении сознания?**

И здесь он обнаруживает то же колебание и трусость. Он подменяет вопрос и с большим апломбом заявляет: Каутский вовсе не говорит, будто «интеллигенция извне вносит социализм в рабочий класс» (стр. 7).

Прекрасно, но ведь этого не говорим и мы, большевики, г-н «критик», зачем вам понадобилось сражаться с ветряными мельницами? Как вы не можете понять, что, по нашему мнению, по мнению большевиков, социалистическое сознание вносит в рабочее движение социал-демократия *, а не только интеллигенты-

* См. «Коротко о партийных разногласиях», стр. 18. (См. настоящий том, стр. 103. *Ред.)*

социалдемократы? Почему вы думаете, что в социал-демократической партии одни лишь интеллигенты? Неужели вы не знаете, что в рядах социал-демократии значительно больше передовых рабочих, чем интеллигентов? Разве социалдемократы-рабочие не могут вносить социалистическое сознание в рабочее движение?

Автор, видимо, и сам чувствует неубедительность этого своего «доказательства» и переходит к другому «доказательству».

«Каутский пишет,— продолжает наш «критик»: «Вместе с пролетариатом с естественной необходимостью нарождается социалистическая **тенденция** как у самих пролетариев, так и у тех, кто усваивает точку зрения пролетариата; так объясняется зарождение социалистических **влечений»**. Отсюда ясно,— комментирует наш «критик»,— что **социализм** не вносится извне в пролетариат, но, наоборот, выходит из пролетариата и входит в головы тех, которые усваивают воззрения пролетариата» («Ответ Союзному комитету», стр. 8).

Так пишет наш «критик» и воображает, что он выяснил вопрос! Что означают слова Каутского? Только то, что социалистическое **влечение** само собой рождается в пролетариате. И это, конечно, верно. У нас же спор идёт не о социалистическом влечении, а о социалистическом **сознании!** Что общего между тем и другим? Разве влечение и сознание одно и то же? Неужели автор не может отличить «социалистической тенденции» от «социалистического сознания»? И разве это не убожество мысли, когда он из слов Каутского заключает, что «социализм не вносится извне»? Что общего между «зарождением социалистической тенденции» и внесением социалистического сознания? Разве тот же

Каутский не говорит, что «социалистическое сознание есть нечто **извне** внесённое в классовую борьбу пролетариата» (см. «Что делать?», стр. 27)?

Автор, видимо, чувствует, что попал в ложное положение, и в заключение вынужден добавить: «Из цитаты Каутского действительно вытекает, что социалистическое сознание вносится в классовую борьбу извне» (см. «Ответ Союзному комитету», стр. 7). Но он всё же не решается прямо и смело признать эту научную истину. Наш меньшевик и здесь обнаруживает то же колебание и трусость перед логикой, что и раньше.

Вот какой двусмысленный «ответ» даёт г-н «критик» на два главных вопроса.

Что же можно сказать об остальных мелких вопросах, которые сами собой вытекают из этих крупных вопросов? Будет лучше, если читатель сам сравнит мою брошюру с брошюрой нашего автора. Необходимо только коснуться ещё одного вопроса. Если верить автору, то выходит, будто, по нашему мнению, «раскол произошёл из-за того, что съезд... не избрал редакторами Аксельрода, Засулич и Старовера...» («Ответ», стр. 13), что тем самым мы «отрицаем раскол, скрываем его принципиальную глубину и всю оппозицию представляем как дело трёх «взбунтовавшихся» редакторов» (см. там же, стр. 16).

Здесь автор опять запутывает вопрос. Дело в том, что тут поставлены два вопроса: о **причине** раскола и **форме** проявления разногласий.

На первый вопрос я отвечаю прямо: «Теперь ясно, **на какой почве** возникли партийные разногласия. Как видно, в нашей партии выявились две тенденции: тенденция **пролетарской стойкости** и тенденция **интеллигентской шаткости**. И вот выразителем этой интеллигентской шаткости и является нынешнее «меньшинство»» (см. «Коротко», стр. 46)*. Как видите, я здесь разногласия **объясняю** наличием интеллигентской и пролетарской тенденций в нашей партии, а не поведением Мартова — Аксельрода. Поведение Мартова и других является лишь **выражением** интеллигентской шаткости. Но наш меньшевик, видимо, не понял этого места в моей брошюре.

Что касается второго вопроса, я действительно говорил и буду всегда говорить, что главари «меньшинства» проливали слёзы из-за «первых мест» и именно такую **форму** придали партийной борьбе. Наш автор не хочет этого признать. Однако это факт, что главари «меньшинства» объявили партии бойкот, что они открыто требовали мест в Центральном Комитете, в Центральном Органе, в Совете партии и к тому же заявляли: «Мы ставим эти условия, как единственно обеспечивающие партии возможность избежать конфликта, грозящего самому существованию партии» (см. «Комментарий», стр. 26). Что это значит, как не то, что на знамени главарей «меньшинства» было написано не идейная борьба, а «борьба из-за мест»? Как известно, никто не мешал им вести идейно-принципиальную борьбу. Разве большевики не говорили им: создайте отдельный орган и отстаивайте свои взгляды, партия может предоставить вам такой орган (см. «Комментарий»)? Почему они не согласились на это, если **их** действительно интересовали **принципы**, а не «первые места»?

---

* См. настоящий том, стр. 130. *Ред.*

Всё это называется у нас политической бесхарактерностью меньшевистских вождей. Не обижайтесь, господа, если мы называем вещи своими именами.

Вожди «меньшинства» раньше не расходились с марксизмом и Лениным в том, что социалистическое сознание вносится в рабочее движение извне (см. программную статью «Искры» № 1). Но затем они стали колебаться и вступили в борьбу с Лениным, сжигая то, чему вчера поклонялись. Я назвал это метанием из стороны в сторону. Не обижайтесь и на это, господа меньшевики.

Вчера вы преклонялись перед центрами и метали против нас громы и молнии,— почему, мол, выразили недоверие Центральному Комитету. А сегодня вы подрываете не только центры, но и централизм (см. «Первая общерусская конференция»). Это я называю беспринципностью и надеюсь, что и за это вы, господа меньшевики, не будете гневаться на меня.

Если собрать воедино такие черты, как политическая бесхарактерность, борьба из-за мест, неустойчивость, беспринципность и другие им подобные, то получим некое общее свойство — **интеллигентскую шаткость**, которой страдают прежде всего интеллигенты. Ясно, что интеллигентская шаткость — это та почва (базис), на которой возникает «борьба из-за мест», «беспринципность» и прочее. Неустойчивость же интеллигентов обусловливается их общественным положением. Вот как мы объясняем партийный раскол. Поняли ли вы, наконец, наш автор, какая существует разница между причиной раскола и формами его? Сомневаюсь.

Вот какую несуразную и двусмысленную позицию занимают «Социал-Демократ» и его странный «критик».

Зато этот «критик» проявляет большую прыть в другой области. В своей брошюре из восьми листов этот автор умудрился восемь раз солгать на большевиков, да так, что смех разбирает. Не верите? Вот факты.

Ложь первая. По мнению автора, «Ленин хочет сузить партию, превратить её в узкую организацию профессионалов» (стр. 2). А Ленин говорит: «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными» («Протоколы», стр. 240).

Ложь вторая. По словам автора, Ленин хочет «ввести в партию только членов комитета» (стр. 2). А Ленин говорит: «Все **группы, кружки, подкомитеты и т. д.** должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своём желании войти в состав Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии и, при условии утверждения комитетом, **войдут в её состав»** (см. «Письмо к товарищу», стр. 17) * [48].

Ложь третья. По мнению автора, «Ленин требует установления в партии господства интеллигентов» (стр. 5). А Ленин говорит: «В комитете должны быть... по возможности, все главные **вожаки** рабочего движения из самих рабочих» (см. «Письмо к товарищу», стр. 7—8), т. е. не только во всех других организациях,

* Как видите, по мнению Ленина, организации могут быть введены в партию не только Центральным Комитетом, но и местными комитетами.

но и в комитете должны преобладать голоса передовых рабочих.

Ложь четвёртая. Автор говорит, что приведённая на 12-й странице моей брошюры цитата «рабочий класс стихийно влечётся к социализму» и т. д.— «целиком вымышлена» (стр. 6). Между тем это место я просто взял и перевёл из «Что делать?». Вот что говорится там на странице 29-й: «Рабочий класс стихийно влечётся к социализму, но наиболее распространённая (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему». Это место и переведено на 12-й странице моей брошюры. Вот что наш «критик» называет вымышленной цитатой! Не знаю, чему приписать это, рассеянности автора или его шарлатанству.

Ложь пятая. По мнению автора, «Ленин нигде не говорит, что рабочие с «естественной необходимостью» идут к социализму» (стр. 7). А Ленин говорит, что «рабочий класс стихийно влечётся к социализму» («Что делать?», стр. 29).

Ложь шестая. Автор приписывает мне мысль, что, по моему мнению, «социализм вносится в рабочий класс *извне интеллигенцией*» (стр. 7). Тогда как я говорю, что социал-демократия (а не только интеллигенты-социалдемократы) вносит в движение социалистическое сознание (стр. 18).

Ложь седьмая. По мнению автора, Ленин говорит, что социалистическая идеология возникла «совершенно независимо от рабочего движения» (стр. 9). А Ленину, несомненно, и в голову не приходила такая мысль. Он говорит, что социалистическая идеология **возникла**

«совершенно независимо от **стихийного роста** рабочего движения» («Что делать?», стр. 21).

Ложь восьмая. Автор говорит, что мои слова, будто «Плеханов **покидает** «меньшинство», — сплетня». Между тем мои слова подтвердились. Плеханов **уже** покинул «меньшинство»... *

Я уже не касаюсь мелкой лжи, которой так щедро приправил автор свою брошюру.

Но одну единственную правду, признаться, автор всё же сказал. Он нам говорит, что «когда какая-либо организация начнёт заниматься сплетнями,— дни её сочтены» (стр. 15). Это, разумеется, сущая истина. Вопрос лишь в том, кто сплетничает: «Социал-Демократ» с его странным рыцарем или Союзный комитет? Это рассудит читатель.

Ещё один вопрос, и на этом кончим. Автор с превеликой важностью заявляет: «Союзный комитет упрекает нас в том, что мы повторяем мысли Плеханова. Повторять Плеханова, Каутского и других столь известных марксистов мы почитаем достоинством» (стр. 15). Стало быть, повторять Плеханова и Каутского вы считаете достоинством. Прекрасно, господа. Так слушайте же:

Каутский говорит, что «социалистическое сознание есть нечто **извне внесённое** в классовую борьбу пролетариата, **а не нечто стихийно из неё возникшее»** (см. цитату из Каутского в «Что делать?», стр. 27). Тот же Каутский говорит, что «задачей социал-демократии является внесение в пролетариат сознания его

* И вот, этот автор имеет смелость упрекать нас в № 5 «Социал-Демократа» в том, что мы якобы извратили факты, касающиеся третьего съезда!

положения и сознания его задачи» (см. там же). Надеемся, что вы, г-н меньшевик, повторите эти слова Каутского и рассеете наши сомнения.

Перейдём к Плеханову. Плеханов говорит: «...Не понимаю я также, почему думают, что проект Ленина *, будучи принят, закрыл бы двери нашей партии множеству рабочих. Рабочие, желающие вступить в партию, не побоятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в неё многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалять их от себя. Проект Ленина может служить оплотом против их вторжений в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма» (см. «Протоколы», стр. 246).

Надеемся, что вы, г-н «критик», отбросите маску и с пролетарской прямотой повторите эти слова Плеханова.

Если вы этого не сделаете, то это будет означать, что ваши заявления в печати являются необдуманными и безответственными.

Газета «Пролетариатис Брдзола» («Борьба Пролетариата») № 11, 15 августа 1905 г.

Статья без подписи

Перевод с грузинского

* Речь идёт о формулировках Ленина и Мартова § 1 устава партии.

РЕАКЦИЯ УСИЛИВАЕТСЯ

Чёрные тучи собираются над нами. Дряхлое самодержавие подымает голову и вооружается «огнём и мечом». Реакция идёт! Пусть не говорят нам о царских «реформах», призванных укрепить гнусное самодержавие: «реформы» — это маскировка тех самых пуль и нагаек, которыми так щедро угощает нас озверевшее царское правительство.

Было время, когда правительство воздерживалось от кровопролитий внутри страны. Тогда оно вело войну с «внешним врагом» и для него необходимо было «внутреннее спокойствие». Потому оно и допускало некоторые «попустительства» по отношению к «внутренним врагам», «сквозь пальцы» смотря на разгоравшееся движение.

Теперь другие пошли времена. Испуганное призраком революции, царское правительство поторопилось заключить мир с «внешним врагом», с Японией, чтоб собраться с силами и «основательно» расправиться с «внутренним врагом». И вот, началась реакция. Ещё раньше в «Московских Ведомостях» [49] раскрыло оно свои «планы». Правительству... «пришлось вести

параллельно две войны... — писала эта реакционная газета,— войну внешнюю и войну внутреннюю. Если оно ни той, ни другой не вело с достаточной энергией... то это отчасти может объясниться тем, что одна война мешала другой... Если теперь война на Дальнем Востоке прекратится...», то у правительства «...будут, наконец, развязаны руки, чтобы победоносно прекратить и внутреннюю войну... без всяких переговоров подавить»... «внутренних врагов»... «С прекращением войны всё внимание России (читай: правительства) сосредоточится на внутренней её жизни и главным образом на усмирении смуты» (см. «Московские Ведомости» за 18 августа).

Вот каковы были «планы» царского правительства при заключении мира с Японией.

Затем, по заключении мира, оно повторило те же «планы» устами своего министра: «В крови затопим, — говорил министр, — крайние партии России». Через посредство же своих наместников и генерал-губернаторов оно уже проводит в жизнь упомянутые «планы»: недаром оно превратило Россию в военный лагерь, недаром наводнило оно центры движения казаками и солдатами и пулемёты направило против пролетариата, — можно подумать, что правительство собирается вторично завоевать необъятную Россию!

Как видите, правительство объявляет войну революции и первые удары направляет против её передового отряда — пролетариата. Так нужно понять его угрозы по адресу «крайних партий». Конечно, оно не «обидит» и крестьянство и щедро будет угощать его нагайками и пулями, — если оно окажется «недостаточно благоразумным» и потребует человеческой жизни, — а пока что правительство старается обмануть его: обещает ему землю и приглашает в Думу, рисуя в будущем «всякие свободы».

Что касается «чистой публики», то с ней, конечно, правительство будет обращаться «поделикатнее» и постарается войти с ней в союз: ведь для этого, собственно, и существует Государственная дума. Нечего и говорить, что гг. либеральные буржуа не откажутся от «соглашений». Ещё 5 августа они устами своего вождя заявили, что они восторгаются царскими реформами: «...Надо употребить все усилия, чтобы Россия... не пошла по революционному пути Франции» (см. «Русские Ведомости» [60] от 5 августа, статью Виноградова). Нечего и говорить, что лукавые либералы скорее изменят революции, чем Николаю II. Это достаточно показал их последний съезд...

Одним словом, царское правительство прилагает все усилия, чтобы подавить народную революцию.

Пули для пролетариата, лживые обещания для крестьянства и «права» для крупной буржуазии — вот какими средствами вооружается реакция.

Либо смерть, либо разгром революции — таков сегодня лозунг самодержавия.

С другой стороны, не дремлют и силы революции и продолжают творить своё великое дело. Обострившийся в результате войны кризис и участившиеся политические стачки взбудоражили весь российский пролетариат, поставив его лицом к лицу с царским самодержавием. Военное положение не только не устрашило пролетариат, — а наоборот, оно подлило масла в огонь и ещё более ухудшило обстановку. Кто слышал бесчисленные возгласы пролетариев: «Долой царское

правительство, долой царскую Думу!», кто внимательно прислушивался к биению пульса рабочего класса, для того не может быть сомнения, что революционный дух пролетариата, как вождя революции, будет подниматься всё выше и выше. Что же касается крестьян, то ещё военная мобилизация подняла их против нынешнего строя, та самая мобилизация, которая разрушила их очаги, отняв лучших работников семьи. Если же ещё принять во внимание, что к этому прибавился голод, охвативший 26 губерний, то нетрудно будет понять, на какой путь должно стать многострадальное крестьянство. Наконец, начинают роптать и солдаты, и этот ропот с каждым днём принимает для самодержавия всё более грозный характер. Опора самодержавия — казаки начинают вызывать ненависть у солдат: недавно в Новой Александрии солдаты перебили триста казаков *. Число таких фактов постепенно растёт...

Одним словом, жизнь подготовляет новую революционную волну, которая постепенно нарастает и устремляется против реакции. Последние события в Москве и Петербурге — предвестники этой волны.

Как должны мы отнестись ко всем этим событиям, что должны делать мы, социал-демократы?

Если послушать меньшевика Мартова, то мы сегодня же должны избрать Учредительное собрание, чтобы навсегда подорвать основы царского самодержавия. По его мнению, одновременно с легальными выборами в Думу должны ещё проводиться нелегальные выборы. Должны быть составлены избирательные комитеты, которые призовут «население избирать своих представителей посредством всеобщей подачи голосов. Эти представители в известный момент должны съехаться в один город и провозгласить себя Учредительным собранием...» Так «должна произойти ликвидация самодержавия» *. Другими словами, несмотря на то, что самодержавие ещё живёт, мы всё же можем провести по всей России всеобщие выборы! Несмотря на то, что самодержавие свирепствует, «нелегальные» представители народа всё же могут объявить себя Учредительным собранием и установить демократическую республику! Не нужны, оказывается, ни вооружение, ни восстание, ни временное правительство,— демократическая республика придёт сама собой, надо только, чтобы «нелегальные» представители назвали себя Учредительным собранием! Добрый Мартов забыл только, что это сказочное «Учредительное собрание» в один прекрасный день очутится в Петропавловской крепости! Женевский Мартов не понимает, что российским практикам недосуг заниматься игрой в буржуазные бирюльки.

Нет, мы хотим делать нечто другое.

Чёрная реакция собирает тёмные силы и всеми силами стремится объединить их,— наша задача собрать социал-демократические силы и теснее сплотить их.

Чёрная реакция созывает Думу, она хочет приобрести себе новых союзников и увеличить армию контрреволюции,— наша задача объявить активный бойкот Думе, показать всему миру её контрреволюционное лицо и умножить ряды сторонников революции.

* См. «Пролетарий» [51] № 17.

* См. «Пролетарий» № 15, где приводится «план» Мартова.

Чёрная реакция идёт в смертельную атаку на революцию, она хочет внести смятение в наши ряды и вырыть могилу народной революции,— наша задача сомкнуться в ряды, повести повсеместную **одновременную** атаку против царского самодержавия и навсегда стереть память о нём.

Не карточный домик Мартова, а всеобщее восстание — вот что нам нужно.

Спасение народа — в победоносном восстании самого народа.

Либо смерть, либо победа революции — таков должен быть наш революционный лозунг сегодня.

Газета «Пролетариатис Брдзола» («Борьба Пролетариата») № 12, 15 октября 1905 г.

Статья без подписи

Перевод с грузинского

БУРЖУАЗИЯ СТАВИТ ЛОВУШКУ

В средних числах сентября состоялся съезд «земских и городских деятелей». На этом съезде была основана новая «партия» [52] с Центральным комитетом во главе и с местными органами в различных городах. Съезд принял «программу», определил «тактику» и выработал специальное воззвание, с которым эта только что вылупившаяся «партия» должна обратиться к народу. Словом, «земские и городские деятели» основали свою собственную «партию».

Кто такие эти «деятели», как они именуются?

Либеральные буржуа.

Кто такие либеральные буржуа?

Сознательные представители состоятельной буржуазии.

Состоятельная буржуазия — наш непримиримый враг, её богатство зиждется на нашей бедности, её радость — на нашем горе. Ясно, что её сознательные представители будут нашими заклятыми врагами, которые попытаются сознательно разбить нас.

Итак, образовалась «партия» врагов народа, которая намерена обратиться к народу со своим воззванием.

Чего хотят эти господа, что они отстаивают в своём воззвании?

Они не социалисты, они ненавидят социалистическое движение. Это значит, что они укрепляют буржуазные порядки и борются с пролетариатом не на жизнь, а на смерть. Вот почему они пользуются большим сочувствием в буржуазных кругах.

Они и не демократы, они ненавидят демократическую республику. Это значит, что они укрепляют царский трон и рьяно борются также и с многострадальным крестьянством. Вот почему Николай II «соизволил» допустить их собрания и разрешил им созвать «партийный» съезд.

Они хотят лишь немного урезать права царя, да и то при условии, если эти права перейдут в руки буржуазии. Царизм же, по их мнению, обязательно должен остаться как надёжный оплот состоятельной буржуазии, который она использует против пролетариата. Поэтому в своём «проекте конституции» они говорят, что «трон Романовых должен остаться неприкосновенным», т. е. они хотят куцую конституцию с ограниченной монархией.

Господа либеральные буржуа «ничего не имеют против», если и народу будут даны избирательные права, но лишь с условием, если над палатой народных представителей будет восседать палата богачей, которая обязательно постарается исправлять и отменять решения палаты народных представителей. Потому и говорят они в своей программе: «нам нужны две палаты».

Господа либеральные буржуа будут «очень рады», если будет дана свобода слова, печати и союзов,

лишь бы была ограничена свобода стачек. Вот почему они так много разглагольствуют «о правах человека и гражданина», тогда как о свободе стачек они ничего внятного не говорят, помимо того, что фарисейски лепечут о каких-то «экономических реформах».

Эти странные господа не обходят своей милостью и крестьянство,— они «не имеют ничего против» перехода помещичьих земель в руки крестьян, но при условии, что крестьяне выкупят эти земли у помещиков, а не «заполучат их даром». Вот какие добрые, оказывается, эти горе-«деятели»!

Если они доживут до исполнения всех этих желаний, то в результате права царя окажутся в руках буржуазии и царское самодержавие постепенно превратится в самодержавие буржуазии. Вот куда тянут нас «земские и городские деятели». Потому-то они даже во сне страшатся народной революции и так много говорят об «умиротворении России».

Неудивительно после этого, что эти незадачливые «деятели» возлагали большие надежды на так называемую Государственную думу. Как известно, царская Дума есть отрицание народной революции, а это очень выгодно нашим либеральным буржуа. Как известно, царская Дума предоставляет «кое-какое» поприще состоятельной буржуазии, а это так необходимо нашим либеральным буржуа. Вот почему всю свою «программу», всю свою деятельность они строят в расчёте на существование Думы,— с провалом Думы неизбежно рухнут и все их «планы». Поэтому их и пугает бойкот Думы, поэтому они и советуют нам войти в Думу. «Будет большой ошибкой, если мы не примем участия в царской Думе»,— говорят они устами своего вождя

Якушкина. И в самом деле это было бы «большой ошибкой», но для кого: для народа или для его врагов,— вот в чём вопрос.

Каково назначение царской Думы, что говорят об этом «земские и городские деятели»?

«...**Первая и главная** задача Думы — это преобразование самой Думы»,— говорят они в своём воззвании... «Избиратели должны обязать выборщиков избрать таких кандидатов, которые **прежде всего** пожелают преобразовать Думу»,— говорят они там же.

В чём же заключается это «преобразование»? В том, чтобы Дума имела «решающий голос при выработке законов... и в обсуждении государственных доходов и расходов... и право контроля над действиями министров». То есть выборщики **прежде всего** должны потребовать расширения прав Думы. Вот, оказывается, что представляет собой «преобразование» Думы. Кто попадёт в Думу? Большей частью крупная буржуазия. Ясно, что расширение прав Думы означает политическое усиление крупной буржуазии. И вот «земские и городские деятели» советуют народу выбрать в Думу либеральных буржуа и поручить им **прежде всего** содействовать усилению крупной буржуазии! Прежде всего и больше всего, оказывается, мы должны заботиться о том, чтобы нашими же руками усилить наших врагов,— вот что ныне советуют нам гг. либеральные буржуа. Весьма «дружеский» совет, что и говорить! Ну, а права народа, кто же о них будет заботиться? О, что и говорить, гг. либеральные буржуа не забудут о народе. Они уверяют, что **когда** они войдут в Думу, **когда** укрепятся в ней, они потребуют прав и для народа. И с помощью такого фарисейства «земские и городские деятели» надеются добиться своего... Вот почему, оказывается, они советуют нам **прежде всего** расширить права Думы...

Бебель говорил: что советует нам враг, то вредно для нас. Враг советует: примите участие в Думе,— ясно, что участие в Думе вредно для нас. Враг советует: расширьте права Думы,— ясно, что расширение прав Думы вредно для нас. Подорвать доверие к Думе и опозорить её в глазах народа,— вот что мы должны делать. Не расширение прав Думы, а расширение прав народа,— вот что нам нужно. И если вместе с тем тот же враг говорит нам сладенькие речи и сулит нам какие-то «права»,— это значит, что он ставит нам ловушку и хочет нашими же руками воздвигнуть себе крепость. Лучшего мы и не можем ждать от либеральных буржуа.

Но что вы скажете о некоторых «социал-демократах», которые проповедуют нам тактику либеральных буржуа? Что вы скажете о кавказском «меньшинстве», которое дословно повторяет коварные советы наших врагов? Вот, например, кавказское «меньшинство» говорит: «Мы признаём необходимым принять участие в Государственной думе» (см. «Вторая конференция», стр. 7). Точь-в-точь так, как это «признают необходимым» гг. либеральные буржуа.

То же «меньшинство» советует нам: «Если булыгинская комиссия... право избрания депутатов предоставит **одним имущим**, тогда мы должны вмешаться в эти выборы и революционным путём заставить избирателей выбрать передовых кандидатов и на Земском соборе потребовать Учредительного собрания. Наконец, всевозможными мерами... заставить Земский собор

созвать Учредительное собрание или **объявить таковым себя»** (см. «Социал-Демократ» № 1). То есть, если даже избирательное право будут иметь одни имущие, если даже в Думе соберутся одни имущие,— мы всё-таки должны потребовать, чтобы этому собранию имущих были даны права Учредительного собрания! Если даже будут урезаны права народа, мы всё-таки должны стараться как можно больше расширить права Думы! Нечего и говорить, что выборы «передовых кандидатов» останутся пустыми словами, если избирательные права будут предоставлены одним имущим.

Как видели выше, то же самое проповедуют нам либеральные буржуа.

Одно из двух: либо либеральные буржуа меньшевизировались, либо кавказское «меньшинство» либерализировалось.

Так или иначе, нет сомнения, что только что вылупившаяся «партия» либеральных буржуа ловко расставляет свою ловушку...

Разбить эту ловушку, выставить её напоказ, беспощадная борьба с либеральными врагами народа,— вот что нам нужно теперь.

Газета «Пролетариатис Брдзола» («Борьба Пролетариата») № 12, 15 октября 1905 г.

Статья без подписи

Перевод с грузинского

ГРАЖДАНЕ!

Могучий великан — всероссийский пролетариат вновь зашевелился... Россия охвачена широким повсеместным стачечным движением. Как по мановению волшебного жезла, на всём необъятном пространстве России жизнь сразу остановилась. В одном Петербурге с его железными дорогами забастовало более миллиона рабочих. Москва — тихая, недвижная, верная Романовым старая столица — вся охвачена революционным пожаром. Харьков, Киев, Екатеринослав и прочие культурные и промышленные центры, вся средняя и южная Россия, вся Польша и, наконец, весь Кавказ остановились и грозно смотрят в глаза самодержавию.

Что будет? С трепетом и с замиранием сердца ждёт вся Россия ответа на этот вопрос. Пролетариат бросает вызов проклятому двуглавому чудовищу. Последует ли за этим вызовом действительная схватка, перейдёт ли стачка в открытое вооружённое восстание или, подобно прежним стачкам, «мирно» закончится и «затихнет»?

Граждане! Каков бы ни был ответ на этот вопрос, как бы ни кончилась настоящая стачка, одно должно быть ясно и несомненно для всех: мы находимся

накануне всероссийского всенародного восстания — и час этого восстания близок. Небывалая, беспримерная по своей грандиозности не только в истории России, но и всего мира, всеобщая политическая стачка, разыгравшаяся теперь, может, пожалуй, закончиться сегодня, не вылившись во всенародное восстание, но это лишь с тем, чтобы завтра снова и с большей силой потрясти страну и вылиться в то грандиозное вооружённое восстание, которое должно разрешить вековую тяжбу русского народа с царским самодержавием и размозжить голову этому гнусному чудовищу.

Всенародное вооружённое восстание — вот та роковая развязка, к которой с исторической неизбежностью ведёт вся совокупность событий политической и общественной жизни нашей страны за последнее время! Всенародное вооружённое восстание — вот та великая задача, которая стоит в настоящее время перед российским пролетариатом и властно требует своего разрешения!

Граждане! В ваших интересах, за исключением горсти финансовой и земельной аристократии, присоединиться к призывному кличу пролетариата и стремиться вместе с ним к этому спасительному всенародному восстанию.

Преступное царское самодержавие привело нашу страну на край гибели. Разорение стомиллионного российского крестьянства, угнетённое и бедственное положение рабочего класса, непомерные государственные долги и тяжёлые налоги, бесправие всего населения, бесконечный произвол и насилие, царящие во всех сферах жизни, наконец, полнейшая необеспеченность жизни и имущества граждан — вот та страшная картина, которую представляет теперь Россия. Так долго продолжаться не может! Самодержавие, создавшее все эти мрачные ужасы, должно быть уничтожено! И оно будет уничтожено! Самодержавие сознаёт это, и чем больше оно это сознаёт, тем мрачнее становятся эти ужасы, тем страшнее делается та адская пляска, которую оно устраивает вокруг себя. Кроме тех сотен и тысяч мирных граждан — рабочих, которых оно убивало на улицах городов, кроме десятков тысяч рабочих и интеллигентов, лучших сынов народа, изнывающих в тюрьмах и в ссылке, кроме тех непрерывных убийств и насилий, которые производятся царскими башибузуками в деревнях, среди крестьянства, на всём протяжении России, — самодержавие придумало под конец новые ужасы. Оно стало сеять вражду и злобу среди самого народа и поднимать друг против друга отдельные слои населения и целые национальности. Оно вооружило и напустило русских хулиганов на русских рабочих и интеллигентов, тёмные и голодные массы русских и молдаван в Бессарабии против евреев и, наконец, невежественную и фанатическую татарскую массу на армян. Оно разгромило при помощи татар один из революционных центров России и самый революционный центр Кавказа — Баку и отпугнуло от революции всю армянскую провинцию. Оно превратило весь многоплеменный Кавказ в военный лагерь, где население каждую минуту ждёт нападения не только со стороны самодержавия, но и со стороны соседних племён, этих несчастных жертв самодержавия. Так продолжаться не может! И конец всему этому может положить только революция!

Было бы странно и смешно ожидать, что самодержавие, которое создало все эти адские ужасы, само

пожелает и сможет прекратить их. Никакие реформы, никакие заплатки на самодержавии — вроде Государственной думы, земств и пр.,— которыми хочет ограничиться либеральная партия, не могут положить конец этим ужасам. Наоборот, всякие попытки в этом направлении и противодействие революционным порывам пролетариата будут способствовать усилению этих ужасов.

Граждане! Пролетариат, самый революционный класс нашего общества, на своих плечах вынесший всю борьбу с самодержавием до настоящего времени, и самый решительный и беззаветный противник его до конца, готовится к открытому вооружённому выступлению. И он призывает вас, все классы общества, к помощи и поддержке. Вооружайтесь, помогайте ему вооружиться и готовьтесь к решительному бою.

Граждане! Час восстания близок! Необходимо, чтобы мы встретили его во всеоружии! Только в таком случае, только при помощи всеобщего, повсеместного и одновременного вооружённого восстания мы сможем победить нашего гнусного врага — проклятое царское самодержавие — и на его развалинах воздвигнуть необходимую нам свободную демократическую республику.

Долой самодержавие!

Да здравствует всеобщее вооружённое восстание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует борющийся российский пролетариат!

Печатается по тексту прокламации, напечатанной в октябре 1905 г. в типографии Тифлисского комитета РСДРП

Подпись: Тифлисский комитет

КО ВСЕМ РАБОЧИМ

Революция гремит! Поднялся революционный народ России и окружил царское правительство, чтобы штурмовать его! Развеваются красные знамёна, строятся баррикады, народ берётся за оружие и штурмует государственные учреждения. Вновь раздался клич храбрых, вновь зазвучала затихшая жизнь. Корабль революции поднял паруса и понёсся к свободе. Этот корабль ведёт российский пролетариат.

Чего хотят пролетарии России, куда они идут?

Свергнем царскую Думу и построим всенародное Учредительное собрание — вот что говорят сегодня пролетарии России. Пролетариат не потребует от правительства мелких уступок, он не потребует от него снятия «военного положения» и «экзекуций» в некоторых городах и сёлах,— пролетариат не опустится до таких мелочей. Кто требует от правительства уступок, тот не верит в смерть правительства,— а пролетариат дышит этой верой. Кто ждёт от правительства «льгот», тот не верит в мощь революции,— а пролетариат живёт этой верой. Нет! Пролетариат не распылит свою энергию на неразумные требования. К царскому

самодержавию у него только одно требование: долой его, смерть ему! И вот на просторах России всё смелее и смелее раздаётся революционный клич рабочих: Долой Государственную думу! Да здравствует всенародное Учредительное собрание! Вот куда стремится сегодня пролетариат России.

Царь не даст всенародного Учредительного собрания, царь не уничтожит своего же самодержавия,— он этого не сделает! Куцая «конституция», которую он «даёт»,— временная уступка, фарисейское обещание царя, и ничего больше! Разумеется, мы воспользуемся этой уступкой, мы не откажемся выбить у вороны орех, чтобы этим орехом разбить ей голову. Но факт всё же остаётся фактом, что народ не может полагаться на царское обещание,— он должен полагаться только на самого себя, он должен опираться только на собственную силу: освобождение народа должно совершиться руками самого народа. Только на костях угнетателей может быть воздвигнута народная свобода, только кровью угнетателей может быть удобрена почва для самодержавия народа! Только тогда, когда вооружённый народ выступит во главе с пролетариатом и поднимет знамя всеобщего восстания, — только тогда может быть свергнуто опирающееся на штыки царское правительство. Не пустые фразы, не бессмысленное «самовооружение», а действительное вооружение и вооружённое восстание — вот куда идут сегодня пролетарии всей России.

Победоносное восстание приведёт к поражению правительства. Но побеждённые правительства нередко вставали на ноги. И у нас оно может встать на ноги. Тёмные силы, которые во время восстания прячутся по углам,— на другой же день восстания вылезут из нор и захотят поставить на ноги правительство. Так воскресают из мёртвых побеждённые правительства. Народ непременно должен обуздать эти тёмные силы, он должен сравнять их с землёй! А для этого необходимо, чтобы победивший народ на другой же день восстания вооружился от мала до велика, превратился в революционную армию и всегда был бы готов с оружием в руках защищать завоёванные права.

Только тогда, когда победивший народ превратится в революционную армию, только тогда будет он в состоянии окончательно разгромить притаившиеся тёмные силы. Только революционная армия может придать силу действиям временного правительства, только временное правительство сможет созвать всенародное Учредительное собрание, которое должно установить демократическую республику. Революционная армия и временное революционное правительство — вот куда стремятся сегодня пролетарии России.

Таков тот путь, на который стала русская революция. Этот путь ведёт к самодержавию народа, и пролетариат призывает всех друзей народа итти по этому пути.

Царское самодержавие преграждает путь народной революции, оно хочет своим вчерашним манифестом затормозить это великое движение,— ясно, что волны революции поглотят и отбросят прочь царское самодержавие...

Презрение и ненависть всем тем, кто не станет на путь пролетариата,— они подло изменяют революции! Позор тем, кто на деле став на этот путь, на словах говорит иное,— тот малодушно боится правды!

Мы не боимся правды, мы не боимся революции! Пусть сильнее грянет гром, пусть сильнее разразится буря! Час победы близок!

Так провозгласим же с воодушевлением лозунги российского пролетариата:

Долой Государственную думу!

Да здравствует вооружённое восстание!

Да здравствует революционная армия!

Да здравствует временное революционное правительство!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует пролетариат!

Печатается по тексту прокламации, напечатанной 19 октября 1905 г. в нелегальной (Авлабарской) типографии Кавказского союза РСДРП

Подпись: Тифлисский комитет

Перевод с грузинского

ТИФЛИС, 20-го НОЯБРЯ 1905 г.

Великая Русская Революция началась! Мы пережили уже первый грозный акт этой революции, завершившийся формально манифестом 17 октября. «Божьею милостью» самодержавный царь преклонил свою «коронованную голову» перед революционным народом и обещал ему «незыблемые основы гражданской свободы»...

Но это только лишь первый акт. Это только начало конца. Мы находимся накануне великих событий, достойных Великой Русской Революции. Эти события надвигаются на нас с неумолимой строгостью истории, с железной необходимостью. Царь и народ, самодержавие царя и самодержавие народа — два враждебных, диаметрально противоположных начала. Поражение одного и победа другого может быть только результатом решительной схватки между тем и другим, результатом отчаянной борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть. Этой борьбы ещё не было. Она впереди. И могучий титан русской революции — всероссийский пролетариат готовится к ней всеми силами, всеми средствами.

Либеральная буржуазия пытается предотвратить эту роковую схватку. Она находит, что уже пора положить конец «анархии» и начать мирную «созидательную» работу, работу «государственного строительства». Она права. Ей достаточно того, что̀ пролетариат уже вырвал у царизма при первом своём революционном выступлении. Она смело может заключить теперь союз — союз на выгодных для себя условиях — с царским правительством и соединёнными усилиями пойти против общего врага, против своего «могильщика» — революционного пролетариата. Свобода буржуазная, свобода для эксплоатации уже обеспечена, и этого ей вполне достаточно. Русская буржуазия, не будучи ни минуты революционной, уже открыто становится на сторону реакции. В добрый час! Мы не будем особенно скорбеть по этому поводу. Судьба революции никогда не находилась в руках либерализма. Ход и исход русской революции зависят всецело от поведения революционного пролетариата и революционного крестьянства.

Городской революционный пролетариат, руководимый социал-демократией, и вслед за ним революционное крестьянство, невзирая ни на какие козни либералов, будут неуклонно продолжать свою борьбу, пока не добьются полного свержения самодержавия и не создадут на его развалинах свободной демократической республики.

Такова ближайшая политическая задача социалистического пролетариата, такова его цель в настоящей революции, и он, поддерживаемый крестьянством, добьётся этой цели во что бы то ни стало.

Путь, который должен привести его к демократической республике, намечен им также ясно и определённо.

1) Решительная, отчаянная схватка, о которой мы говорили выше, 2) революционная армия, организованная в процессе этой «схватки», 3) демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в виде временного революционного правительства, выдвинутого в результате победоносной «схватки», 4) Учредительное собрание, созванное им на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, — таковы те этапы, которые должна пройти Великая Русская Революция, прежде чем она придёт к желанному концу.

Никакие угрозы правительства или широковещательные царские манифесты, никакие временные правительства вроде правительства Витте, выдвигаемые самодержавием для своего спасения, никакая Государственная дума, хотя бы созываемая на основе всеобщего и пр. избирательного права, созываемая царским правительством, — не могут совратить пролетариат с его единственно верного революционного пути, который должен привести его к демократической республике.

Хватит ли сил у пролетариата, чтобы дойти до конца по этому пути, хватит ли сил у него, чтобы выйти с честью из той гигантской, кровопролитной борьбы, которая предстоит ему на этом пути?

Да, хватит!

Так думает сам пролетариат и смело и решительно готовится к бою.

«Кавказский Рабочий Листок»[53] № 1,
20 ноября 1905 г.
Статья без подписи

ДВЕ СХВАТКИ

(По поводу 9 января)

Вы, наверное, помните 9 января прошлого года... Это был день, когда петербургский пролетариат встретился лицом к лицу с царским правительством и, помимо своей воли, схватился с ним. Да, помимо своей воли, ибо он мирно шёл к царю за «хлебом и справедливостью», а его встретили враждебно и осыпали градом пуль. Свои надежды он возлагал на портреты царя и церковные хоругви, но и то и другое изодрали в клочья и бросили ему в лицо и тем самым воочию доказали ему, что оружию можно противопоставить только оружие. И он взялся за оружие — если только где-либо имелось у него это оружие,— взялся для того, чтобы встретить врага по-вражески и отомстить ему. Но, оставив на поле боя тысячи жертв и понеся большой урон, отступил, затаив в груди злобу...

Вот о чём напоминает нам 9 января прошлого года.

Сегодня, когда российский пролетариат отмечает годовщину 9 января, не лишне будет поставить вопрос: почему в прошлом году петербургский пролетариат отступил в тогдашней схватке и чем тогдашняя схватка отличается от декабрьской всеобщей схватки?

Прежде всего, он отступил потому, что у него не было и того минимума революционного сознания, который безусловно необходим для победы восстания. Пролетариат, с молитвой и надеждой идущий к кровавому царю, который всё своё существование построил на угнетении народа, пролетариат, доверчиво идущий к своему заклятому врагу просить «крупицу милости»,— разве такой народ может взять верх в уличной борьбе?..

Правда, потом, спустя короткое время, ружейные залпы открыли глаза обманутому пролетариату, ясно показав ему отвратительное лицо самодержавия, правда, он уже с гневом восклицал: «Царь нам всыпал, ну— и мы ему всыплем!», но что толку в этом, если у тебя в руках нет оружия, что ты можешь сделать с голыми руками в уличной борьбе, даже будучи сознательным, разве пуля врага не так же пробивает сознательную голову, как и несознательную?

Да, отсутствие оружия — это было второй причиной отступления петербургского пролетариата.

Но что мог сделать один Петербург, даже если бы он имел оружие? Когда в Петербурге лилась кровь и строились баррикады, в других городах никто и пальцем не пошевельнул,— вот почему правительство смогло стянуть войска из других мест и залить улицы кровью. И только потом, когда петербургский пролетариат, предав земле прах убитых товарищей, вернулся к своим повседневным занятиям,— только потом в различных городах раздался клич бастующих рабочих: привет петербургским героям! Но кому и что мог дать этот запоздалый привет? Вот почему правительство не приняло всерьёз эти разрозненные и неорганизованные

выступления и без большого труда рассеяло раздроблённый на отдельные группы пролетариат.

Следовательно, отсутствие организованного всеобщего восстания, неорганизованность выступлений пролетариата,— вот что было третьей причиной отступления петербургского пролетариата.

Да и кому было организовать всеобщее восстание? Народ в целом не мог этого взять на себя, а передовая часть пролетариата — партия пролетариата — сама не была организована, будучи раздираема партийными разногласиями,— внутренняя война, партийный раскол день ото дня обессиливали её. Неудивительно, что разделившаяся надвое молодая партия не смогла взять на себя организацию всеобщего восстания.

Следовательно, отсутствие единой и сплочённой партии — вот что было четвёртой причиной отступления пролетариата.

И, наконец, если крестьянство и войска не присоединились к восстанию и не влили в него новых сил, то и это произошло потому, что в слабом и кратковременном восстании они не могли видеть особой силы, а к слабым, как известно, не присоединяются.

Вот почему отступил героический пролетариат Петербурга в январе прошлого года.

Время шло. Пролетариат, взбудораженный кризисом и бесправием, готовился к новой схватке. Заблуждались те, кто думал, что жертвы 9 января убьют в пролетариате всякую волю к борьбе,— наоборот, он ещё более лихорадочно и самоотверженно готовился к «последней» схватке, ещё мужественнее и упорнее боролся против войск и казаков. Восстание матросов

на Чёрном и Балтийском морях, восстание рабочих в Одессе, Лодзи и других городах, беспрерывные стычки крестьян с полицией ясно доказывали, какой неугасимый революционный огонь горит в груди народа.

Революционное сознание, которого недоставало пролетариату 9 января, в последнее время он приобретал с поразительной быстротой. Говорят, что десять лет пропаганды не могли бы дать столько для роста сознания пролетариата, сколько дали дни восстания. Это так и должно было быть, ибо процесс классовых схваток — это та великая школа, где не по дням, а по часам растёт революционное сознание народа.

Всеобщее вооружённое восстание, которое на первых порах проповедывала лишь небольшая группа пролетариата, вооружённое восстание, к которому иные товарищи относились даже с сомнением — постепенно привлекало симпатии пролетариата,— и он лихорадочно организовывал красные отряды, приобретал оружие и т. д. Октябрьская всеобщая стачка наглядно показала возможность одновременного выступления пролетариата. Тем самым была доказана возможность организованного восстания, — и пролетариат решительно стал на этот путь.

Необходима была только сплочённая партия, единая и нераздельная социал-демократическая партия, которая бы возглавила организацию всеобщего восстания, объединила бы революционную подготовку, проводимую врозь отдельными городами, и взяла на себя инициативу наступления. Тем более, что сама жизнь подготовляла новый подъём — кризис в городе, голод в деревне и другие подобные им причины делали со дня на день неизбежным новый революционный

взрыв. Беда была в том, что такая партия создавалась только теперь: обессиленная расколом, партия только что оправлялась и налаживала дело объединения.

Именно в этот момент пролетариат России застала вторая схватка, славная декабрьская схватка.

Поговорим теперь об этой схватке.

Если о январской схватке мы говорили, что ей недоставало революционного сознания, то о декабрьской схватке мы должны сказать, что теперь такое сознание было налицо. Одиннадцать месяцев революционной бури достаточно открыли глаза борющемуся пролетариату России и лозунги: Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! — стали лозунгами дня, лозунгами масс. Здесь вы уже не увидели бы ни церковных хоругвей, ни икон и царских портретов,— вместо них развевались красные знамёна и красовались портреты Маркса и Энгельса. Здесь вы уже не услышали бы пения псалмов и «боже, царя храни»,— вместо этого раздавались звуки «Марсельезы» и «Варшавянки», оглушавшие угнетателей.

Следовательно, в отношении революционного сознания декабрьская схватка коренным образом отличалась от январской схватки.

Январской схватке недоставало вооружения, народ шёл тогда в бой безоружным. Декабрьская схватка сделала шаг вперёд, все бойцы теперь рвались к оружию, с револьверами, ружьями, бомбами, а в иных местах даже с пулемётами в руках. Оружие добыть оружием — вот что стало лозунгом дня. Все искали оружие, все чувствовали необходимость в оружии, печально было только то, что самого оружия было очень

мало и лишь незначительное число пролетариев могло выступить вооружённым.

Январское восстание было совершенно разрозненным и неорганизованным, там каждый действовал на авось. Декабрьское восстание и здесь сделало шаг вперёд. Петербургский и Московский советы рабочих депутатов и центры «большинства» и «меньшинства», насколько это было возможно, «приняли меры» к тому, чтобы революционное выступление было одновременным,— они призывали пролетариат России к одновременному наступлению. Во время же январского восстания ничего подобного сделано не было. Но так как этому призыву не предшествовала длительная и упорная партийная работа по подготовке восстания, то призыв остался призывом и выступление фактически оказалось разрозненным, неорганизованным. Налицо было лишь стремление к одновременному и организованному восстанию.

Январским восстанием «руководили» главным образом гапоны. Декабрьское восстание имело в этом отношении то преимущество, что во главе его оказались социал-демократы. Но печально было то, что последние были разбиты на отдельные группы, не представляя из себя единой сплочённой партии, и поэтому не могли действовать согласованно. Ещё раз Российская социал-демократическая рабочая партия встретила восстание неподготовленной и раздроблённой...

Январская схватка не имела никакого плана, не руководствовалась никакой определённой политикой, перед ней не стояло вопроса: наступление или оборона? Декабрьская схватка имела лишь то преимущество, что она ясно поставила этот вопрос, и то только

в ходе борьбы, а не в самом начале её. Что касается решения этого вопроса, то декабрьское восстание обнаружило такую же слабость, как и январское. Если бы московские революционеры с самого начала придерживались политики наступления, если бы они с самого начала, скажем, напали на Николаевский вокзал и захватили его, то, разумеется, восстание было бы более продолжительным и получило бы более желательное направление. Или, например, если бы латышские революционеры решительно проводили политику наступления и не стали колебаться,— они несомненно раньше всего захватили бы батареи пушек, лишив тем самым всякой опоры администрацию, которая сначала допустила захват городов революционерами, а затем, вновь перейдя в наступление, с помощью пушек отвоевала захваченные местности [54]. То же самое надо сказать о других городах. Недаром Маркс говорил: в восстании побеждает смелость, а до конца смелым может быть только тот, кто держится политики наступления.

Вот чем было вызвано отступление пролетариата в средних числах декабря.

Если крестьянство и войска в своей подавляющей массе не присоединились к декабрьской схватке, если последняя вызвала даже недовольство в некоторых «демократических» кругах,— это произошло потому, что ей недоставало той силы и продолжительности, которые так необходимы для расширения восстания и его победы.

Из сказанного ясно, что должны делать сегодня мы, российские социал-демократы.

Во-первых, наша задача — завершить уже начатое нами дело — создание единой и нераздельной партии.

Общероссийские конференции «большинства» и «меньшинства» уже выработали организационные основы объединения. Приняли ленинскую формулировку членства в партии и демократический централизм. Идейные и практические центры уже слились, а слияние местных организаций почти уже закончено. Необходим только объединительный съезд, который формально завершит фактическое объединение и тем самым даст нам единую и нераздельную Российскую социал-демократическую рабочую партию. Наша задача — способствовать этому дорогому для нас делу и тщательно готовить объединительный съезд, который, как известно, должен открыться в ближайшее время.

Во-вторых, наша задача — содействовать партии в организации вооружённого восстания, активно вмешаться в это святое дело и без устали работать для него. Наша задача — умножать красные отряды, обучить и спаять их друг с другом, наша задача — оружием добыть оружие, изучить расположение государственных учреждений, подсчитать силы врага, изучить его сильные и слабые стороны и сообразно с этим выработать план восстания. Наша задача — вести систематическую агитацию в армии и в деревнях, особенно в деревнях, расположенных вблизи городов, за восстание, вооружить надёжные элементы этих деревень и т. д. и т. д. ...

В-третьих, наша задача — отбросить всякие колебания, осудить всякую неопределённость и решительно проводить политику наступления...

Словом, **сплочённая партия, организованное партией восстание и политика наступления** — вот что нам нужно сегодня для победы восстания.

И эта задача становится тем острее и настоятельнее, чем больше углубляется и усиливается голод в деревне и промышленный кризис в городе.

Кое у кого, оказывается, вкралось сомнение в правильности этой азбучной истины, и они безнадёжно говорят: что может сделать партия, будь даже единой, если она не сумеет сплотить вокруг себя пролетариат, а пролетариат-де разгромлен, он утратил надежду и ему не до инициативы, спасения-де мы должны ждать теперь от деревни и инициатива должна исходить оттуда и т. д. Нельзя не заметить, что товарищи, рассуждающие подобным образом, глубоко заблуждаются. Пролетариат отнюдь не разгромлен, так как разгром пролетариата означает его смерть, наоборот, он попрежнему живёт и усиливается с каждым днём. Он только отступил для того, чтобы, собравшись с силами, вступить в последнюю схватку с царским правительством.

Когда 15 декабря Совет рабочих депутатов Москвы — той самой Москвы, которая фактически руководила декабрьским восстанием, — всенародно объявил: мы временно прекращаем борьбу с целью серьёзно подготовиться, чтобы снова поднять знамя восстания, — он выразил заветные думы всего российского пролетариата.

И если некоторые товарищи всё-таки отрицают факты, если они уже больше не возлагают надежд на пролетариат и хватаются теперь за сельскую буржуазию, — то спрашивается: с кем мы имеем дело, с социалистами-революционерами или социал-демократами, ибо ни один социал-демократ не станет сомневаться в той истине, что фактическим (а не только идейным) руководителем деревни является городской пролетариат.

Нас уверяли в своё время в том, что самодержавие разгромлено после 17 октября, но мы и этому не поверили, так как разгром самодержавия означает его смерть, а оно не только не умерло, но и собирало новые силы для нового нападения. Мы говорили, что самодержавие только отступило. Оказалось, что мы были правы...

Нет, товарищи! Российский пролетариат не разгромлен, он только отступил и теперь готовится к новым славным боям. Российский пролетариат не опустит обагрённого кровью знамени, он никому не уступит руководства восстанием, он будет единственным достойным вождём русской революции.

7 января 1906 г.

Печатается по тексту брошюры, изданной Кавказским союзным комитетом РСДРП

Перевод с грузинского

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ТАКТИКА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ[55]

Вы, наверное, слышали об освобождении крестьян. Это было время, когда правительство получало двойной удар: извне — поражение в Крыму, изнутри — крестьянское движение. Потому-то правительство, подхлёстываемое с двух сторон, вынуждено было уступить и заговорило об освобождении крестьян: «Мы должны сами освободить крестьян сверху, а то народ восстанет и собственными руками добьётся освобождения снизу». Мы знаем, что̀ это было за «освобождение сверху»... И если тогда народ поддался обману, если правительству удались его фарисейские планы, если оно с помощью реформ укрепило своё положение и тем самым отсрочило победу народа, то это, между прочим, означает, что тогда народ ещё не был подготовлен и его легко можно было обмануть.

Такая же история повторяется в жизни России и теперь. Как известно, и теперь правительство получает такой же двойной удар: извне — поражение в Маньчжурии, изнутри — народная революция. Как известно, правительство, подхлёстываемое с двух сторон, принуждено ещё раз уступить и так же, как и тогда,

толкует о «реформах сверху»: «Мы должны дать народу Государственную думу сверху, а то народ восстанет и сам созовёт Учредительное собрание снизу». Таким образом, созывом Думы они хотят утихомирить народную революцию, точно так же, как уже однажды «освобождением крестьян» утихомирили великое крестьянское движение.

Отсюда наша задача — со всей решимостью расстроить планы реакции, смести Государственную думу и тем самым расчистить путь народной революции.

Но что такое Дума, из кого она состоит?

Дума — это ублюдочный парламент. Она только на словах будет обладать решающим голосом, на деле же у неё будет лишь совещательный голос, ибо в качестве цензоров над нею будут стоять верхняя палата и вооружённое до зубов правительство. В манифесте прямо говорится, что ни одно постановление Думы не может быть проведено в жизнь, если его не одобрят верхняя палата и царь.

Дума не является народным парламентом, это парламент врагов народа, ибо выборы в Думу не будут ни всеобщими, ни равными, ни прямыми, ни тайными. Ничтожные избирательные права, предоставляемые рабочим, существуют только на бумаге. Из 98 выборщиков, которые должны избрать депутатов в Думу от Тифлисской губернии, только двое могут быть от рабочих, остальные 96 выборщиков должны принадлежать к другим классам — так гласит манифест. Из 32 выборщиков, которые должны послать депутатов в Думу от Батумского и Сухумского округов, только один может быть от рабочих, остальные 31 выборщик должны быть

от других классов — так гласит манифест. То же самое надо сказать и о других губерниях. Нечего и говорить, что в депутаты пройдут только представители других классов. **Ни одного депутата от рабочих, ни одного голоса рабочим — вот на каких началах строится Дума.** Если ко всему этому прибавить ещё военное положение, если принять во внимание запрещение свободы слова, печати, собраний и союзов, то само собой ясно, что̀ за публика соберётся в царской Думе...

Нечего и говорить, что с тем большей решимостью мы должны постараться смести эту Думу и поднять знамя революции.

Как мы можем смести Думу: участием в выборах или бойкотом выборов — в этом теперь вопрос.

Одни говорят: мы непременно должны принять участие в выборах, чтобы в сетях, расставленных реакцией, запутать самоё реакцию и тем самым окончательно сорвать Государственную думу.

Другие отвечают им: участвуя в выборах, вы невольно помогаете реакции в деле создания Думы и таким образом сами обеими ногами попадаете в сети, расставленные реакцией. А это значит, что сперва вы заодно с реакцией создаёте царскую Думу, а потом под давлением жизни пытаетесь разрушить вами же созданную Думу, что несовместимо с требованиями принципиальности нашей политики. Одно из двух: либо откажитесь от участия в выборах и приступайте к срыву Думы, либо откажитесь от срыва Думы и приступайте к выборам с тем, чтобы вам не пришлось потом разрушать того, что вами же создано.

Ясно, что единственно правильный путь — активный бойкот, посредством которого мы изолируем реакцию от народа, организуем срыв Думы и тем самым лишаем всякой почвы этот ублюдочный парламент.

Так рассуждают сторонники бойкота.

Кто же из них прав?

Два условия необходимы для подлинной социал-демократической тактики: первое то, что она не должна противоречить ходу общественной жизни, и второе то, что она должна всё выше и выше подымать революционный дух масс.

Тактика участия в выборах противоречит ходу общественной жизни, ибо жизнь подрывает устои Думы, а участие в выборах укрепляет её устои и тем самым идёт в разрез с жизнью.

Тактика же бойкота сама собой вытекает из хода революции, ибо она совместно с революцией с самого начала дискредитирует и подрывает устои полицейской Думы.

Тактика участия в выборах ослабляет революционный дух народа, ибо сторонники участия зовут народ на полицейские выборы, а не к революционным действиям, они видят спасение в избирательных бюллетенях, а не в выступлении народа. А полицейские выборы породят в народе обманчивое представление о Государственной думе, разбудят в нём ложные надежды и невольно наведут его на мысль: повидимому, Дума не так уж плоха, иначе социал-демократы не советовали бы нам принять в ней участие,— авось нам улыбнётся счастье, и Дума пойдёт нам на пользу.

Тактика же бойкота не сеет никаких ложных надежд на Думу, а прямо и недвусмысленно говорит, что единственное спасение — в победоносном выступлении народа, что освобождение народа может быть

осуществлено только руками самого народа, и так как Дума является помехой этому, надо теперь же приняться за её устранение. Здесь народ рассчитывает только на самого себя и с самого же начала занимает позицию, враждебную Думе как цитадели реакции, а это всё выше будет подымать его революционный дух, подготовляя почву для всеобщего победоносного выступления.

Революционная тактика должна быть ясной, чёткой и определённой, а тактика бойкота как раз и обладает этими качествами.

Говорят: одной словесной агитации недостаточно, массу надо фактами убедить в непригодности Думы и тем самым способствовать её срыву, а для всего этого требуется участие в выборах, а не активный бойкот.

Вот что мы скажем на это. Нечего и говорить, что агитация фактами имеет гораздо больше значения, чем словесное разъяснение. Именно потому мы идём на **народные** избирательные собрания, чтобы **в борьбе** с другими партиями, **в столкновениях** с ними воочию показать народу вероломство реакции и буржуазии и тем самым «фактами агитировать» избирателей. И если товарищи этим не довольствуются, если ко всему этому они добавляют ещё участие в выборах, то нужно заметить, что выборы сами по себе — подача или неподача бюллетеней — ни на йоту ничего не прибавляют ни к «фактической», ни к «словесной» агитации. Вред же от этого большой, так как при этой «агитации фактами» сторонники участия невольно одобряют существование Думы и тем самым укрепляют под ней почву. Чем же товарищи хотят окупить этот громадный вред? Опусканием бюллетеней? Об этом даже говорить не стоит.

С другой стороны, «агитация фактами» также должна иметь свои пределы. Когда Гапон с крестом и иконами шёл во главе петербургских рабочих, он также говорил: народ, дескать, верит в доброту царя, он ещё не убедился в преступности администрации, и мы должны повести его к царскому дворцу. Гапон, разумеется, ошибался. Тактика его была вредной тактикой, что подтвердилось 9 января. А это значит, что мы должны держаться подальше от гапоновской тактики. Тактика же бойкота — единственная тактика, которая в корне отвергает гапоновские выверты.

Говорят: бойкот вызовет отрыв массы от её передовой части, так как при бойкоте за вами последует только передовая часть, масса же останется с реакционерами и либералами, которые перетянут её на свою сторону.

Мы на это скажем, что где такое явление будет иметь место, там, очевидно, масса сочувствует другим партиям и социал-демократов всё равно не выберет уполномоченными, сколько бы мы ни принимали участия в выборах. Ведь не могут же выборы сами по себе революционизировать массу! Что же касается предвыборной агитации, то её ведут обе стороны, с той разницей, что сторонники бойкота ведут против Думы более непримиримую и решительную агитацию, чем сторонники участия в выборах, ибо резкая критика Думы может побудить массу к отказу от выборов, а это не входит в планы сторонников участия в выборах. Если эта агитация возымеет действие, то народ сплотится вокруг социал-демократов, и когда те призовут к бойкоту Думы, — народ немедленно последует за ними, а реакционеры останутся одни со своими знатными

хулиганами. Если же агитация «не подействует», тогда выборы ничего, кроме вреда, не принесут, ибо мы при тактике участия в Думе вынуждены будем одобрить деятельность реакционеров. Как видите, бойкот есть наилучшее средство для сплочения народа вокруг социал-демократии, разумеется, там, где возможно такое сплочение, а там, где это невозможно, выборы ничего, кроме вреда, не принесут.

Кроме того, тактика участия в Думе затемняет революционное сознание народа. Дело в том, что все реакционные и либеральные партии принимают участие в выборах. Какая разница между ними и революционерами,— на этот вопрос тактика участия прямого ответа массе не даёт. Масса легко может спутать нереволюционных кадетов с революционными социал-демократами. Тактика же бойкота кладёт резкую грань между революционерами и нереволюционерами, которые с помощью Думы хотят спасти основы старого режима. А проведение этой грани имеет большое значение для революционного просвещения народа.

И, наконец, нам говорят, что мы-де с помощью выборов создадим Советы рабочих депутатов и тем самым организационно объединим революционные массы.

Мы отвечаем на это, что в нынешних условиях, когда арестовываются даже самые безобидные собрания, деятельность Советов рабочих депутатов совершенно невозможна, и, следовательно, постановка такой задачи есть самообман.

Итак, тактика участия невольно служит укреплению царской Думы, ослабляет революционный дух масс, затемняет революционное сознание народа, не в состоянии создать никаких революционных организаций, идёт в разрез с развитием общественной жизни и как таковая должна быть отвергнута социал-демократией.

Тактика бойкота — вот в каком направлении идёт теперь развитие революции. В этом же направлении должна итти и социал-демократия.

Газета «Гантиади» («Рассвет») № 3, 8 марта 1906 г.
Подпись: И. Бесошвили

Перевод с грузинского

АГРАРНЫЙ ВОПРОС

I

Идёт ломка старых порядков, всколыхнулась деревня. Крестьянство, вчера ещё забитое и приниженное, сегодня становится на ноги и разгибает спину. Крестьянское движение, вчера ещё беспомощное, сегодня, подобно бурному потоку, устремляется против старых порядков: прочь с дороги — не то смету! «Крестьяне хотят получить помещичьи земли», «крестьяне хотят уничтожить остатки крепостничества»,— вот какие голоса раздаются теперь в восставших сёлах и деревнях России.

Ошибаются те, кто пулями рассчитывает заставить крестьян замолчать: жизнь показала нам, что это ещё более разжигает и обостряет революционное движение крестьян.

Ошибаются и те, кто голыми обещаниями и «крестьянскими банками» пытается умиротворить крестьян: крестьяне хотят земли, они и во сне видят эту землю и, понятно, не успокоятся до тех пор, пока не захватят в свои руки помещичьих земель. Что им могут дать пустые обещания и какие-то «крестьянские банки»?

Крестьяне хотят захватить помещичьи земли. Этим путём стремятся они уничтожить остатки крепостничества,— и тот, кто не изменяет крестьянам, должен стараться именно на этой основе разрешить аграрный вопрос.

Но как заполучить крестьянству помещичьи земли в свои руки?

Говорят, что единственный выход — в «льготном выкупе» земель. У правительства и помещиков много свободных земель, говорят нам эти господа, если крестьяне выкупят эти земли, то всё устроится само собой и, таким образом, и волки будут сыты и овцы целы. А про то не спрашивают, чем же крестьянам выкупить эти земли, когда уже содрали с них не только деньги, но и их собственную шкуру? А о том не думают, что при выкупе крестьянам подсунут лишь негодную землю, годные же земли оставят себе, как это они сумели сделать при «освобождении крепостных»! Да и зачем крестьянам выкупать те земли, которые искони принадлежали им? Разве не крестьянским пóтом политы и казённые и помещичьи земли, разве не крестьянам принадлежали эти земли, разве не у крестьян было отнято это отцовское и дедовское достояние? Где же справедливость, когда с крестьян требуют выкупа за отнятые у них же земли? И разве вопрос крестьянского движения — это вопрос купли-продажи? Разве крестьянское движение не направлено к освобождению крестьян? Но кто же освободит крестьян из-под ярма крепостничества, если не сами же крестьяне? А эти господа уверяют нас, что крестьян освободят помещики, если только подбросить им маленькую толику чистогана. И как бы вы думали! Это «освобождение»,

оказывается, должно быть проведено под руководством царской бюрократии, той самой бюрократии, которая не раз встречала голодное крестьянство пушками и пулемётами!..

Нет! Крестьян не спасёт выкуп земель. Те, кто советует им «льготный выкуп»,— предатели, ибо они стараются поймать крестьян в маклерские сети и не хотят, чтобы освобождение крестьян совершилось руками самих же крестьян.

Если крестьяне хотят захватить помещичьи земли, если они этим путём должны уничтожить пережитки крепостничества, если их не спасёт «льготный выкуп», если освобождение крестьян должно совершиться руками самих же крестьян,— то вне всякого сомнения, что единственный путь — это отобрание помещичьих земель, т. е. конфискация этих земель.

В этом выход.

Спрашивается — как далеко должна пойти эта конфискация, имеет ли она предел, должны ли крестьяне отобрать только часть или же все земли?

Некоторые говорят, что отобрать все земли — это уж слишком, что достаточно отобрать лишь часть земель, чтобы удовлетворить крестьян. Допустим, но как быть, если крестьяне потребуют большего? Не станем же мы им поперёк дороги: остановитесь, дальше не суйтесь! Ведь это было бы реакционно! А разве события в России не доказали, что крестьяне действительно требуют конфискации всех помещичьих земель? Кроме того, что значит «отобрать часть», какая же часть должна быть отобрана у помещиков, половина или треть? Кто должен разрешить этот вопрос — одни помещики или помещики и крестьяне вместе? Как

видите, тут остаётся ещё много места для маклерства, тут ещё возможен торг между помещиками и крестьянами, а это в корне противоречит делу освобождения крестьян. Крестьяне раз навсегда должны усвоить ту мысль, что с помещиками нужно вести не торг, а борьбу. Надо не чинить ярмо крепостничества, а разбить его, чтобы навсегда уничтожить остатки крепостничества. «Отобрать только часть» — это значит заниматься починкой пережитков крепостничества, что несовместимо с делом освобождения крестьян.

Ясно, что единственный путь — это **отобрать** у помещиков **все земли**. Только это может довести до конца крестьянское движение, только это может усилить энергию народа, только это может развеять застарелые остатки крепостничества.

Итак: сегодняшнее движение деревни — это демократическое движение крестьян. Цель этого движения — уничтожение остатков крепостничества. Для уничтожения же этих остатков необходима конфискация всей земли помещиков и казны.

Некоторые господа обвиняют нас: почему социал-демократия до сих пор не требовала конфискации всех земель, почему она до сих пор говорила лишь о конфискации «отрезков»?

А потому, господа, что в 1903 году, когда партия говорила об «отрезках», российское крестьянство ещё не было втянуто в движение. Обязанностью партии было бросить в деревню такой лозунг, который бы зажёг сердца крестьян и поднял крестьянство против остатков крепостничества. Именно таким лозунгом были «отрезки», которые ярко напоминали российскому крестьянству о несправедливости остатков крепостничества.

Но потом времена изменились. Крестьянское движение выросло. Его теперь уже не нужно вызывать, — оно и так бушует. Сегодня речь идёт не о том, **как должно быть приведено в движение крестьянство**, а о том, **чего должно требовать пришедшее в движение крестьянство**. Ясно, что здесь необходимы определённые требования, и вот партия говорит крестьянству, что оно должно требовать конфискации всех помещичьих и казённых земель.

А это значит, что всему своё время и место, — как «отрезкам», так и конфискации всех земель.

II

Мы видели, что нынешнее движение деревни представляет освободительное движение крестьян, видели также, что для освобождения крестьян необходимо уничтожить остатки **крепостничества**, для уничтожения же этих остатков необходимо отобрать все земли у помещиков и казны, чтобы расчистить путь для новой жизни, для свободного развития капитализма.

Предположим, что всё это совершилось. Как же потом должны быть распределены эти земли, кому они должны быть переданы в собственность?

Одни говорят, что отобранные земли должны быть переданы деревне в **общую** собственность, **теперь же** должна быть уничтожена **частная** собственность на землю и, таким образом, деревня должна стать полным хозяином земель, а потом сама деревня раздаст крестьянам **равные** «наделы» и, таким образом, теперь же осуществится социализм в деревне, — вместо наёмного труда установится уравнительное землепользование.

Это называется **«социализацией земли»**, говорят нам социалисты-революционеры.

Приемлем ли для нас такой выход? Вникнем в существо дела. Начнём с того, что социалисты-революционеры осуществление социализма хотят **начать** с деревни. Возможно ли это? Всем известно, что город более развит, чем деревня, что город является вождём деревни, и, стало быть, всякое социалистическое дело должно начинаться с города. Между тем социалисты-революционеры хотят превратить деревню в вожака города и заставить её начать осуществление социализма, что, разумеется, невозможно ввиду отсталости деревни. Отсюда видно, что «социализм» социалистов-революционеров будет мертворождённым социализмом.

Перейдём теперь к тому, что они хотят **теперь же** осуществить социализм в деревне. Осуществление социализма — это уничтожение товарного производства, упразднение денежного хозяйства, разрушение капитализма до основания и обобществление всех средств производства. Социалисты-революционеры же хотят всё это оставить в неприкосновенности и обобществить лишь землю, что совершенно невозможно. Если товарное производство останется незыблемым, тогда и земля станет товаром, не сегодня-завтра она выступит на рынке, и «социализм» социалистов-революционеров взлетит на воздух. Ясно, что они хотят осуществить социализм в рамках капитализма, что, конечно, немыслимо. Потому-то и говорят, что «социализм» социалистов-революционеров — это буржуазный социализм.

Что касается **уравнительного землепользования,** то надо заметить, что это лишь пустые слова. Уравнительное землепользование нуждается в имущественном равенстве, а среди крестьянства существует имущественное неравенство, уничтожить которое не в силах нынешняя демократическая революция. Можно ли думать, что хозяин восьми пар волов в той же мере использует землю, как хозяин, не имеющий ни одного вола? А социалисты-революционеры думают, что «уравнительным землепользованием» уничтожится наёмный труд и настанет конец развитию капитала, что, конечно, абсурдно. Очевидно, социалисты-революционеры хотят бороться против дальнейшего **развития** капитализма и повернуть вспять колесо истории, — в этом они видят спасение. Наука же говорит нам, что победа социализма зависит от **развития** капитализма, и кто борется против этого развития, тот борется против социализма. Потому-то социалистов-революционеров иначе называют **социалистами-реакционерами.**

Мы уж ничего не говорим о том, что крестьяне хотят бороться за отмену феодальной собственности не против буржуазной собственности, а на почве буржуазной собственности, — они хотят распределить между собой отобранные земли в частную собственность и не удовлетворятся «социализацией земли».

Как видите, «социализация земли» неприемлема.

Другие говорят, что отобранные земли должны быть переданы демократическому государству, крестьяне же будут лишь арендаторами земли у государства.

Это называют **«национализацией земли».**

Приемлема ли национализация земли? Если мы примем во внимание, что будущее государство, каким бы демократическим оно ни было, всё-таки будет буржуазным, что вслед за передачей земель такому государству последует политическое усиление буржуазии, что крайне невыгодно для сельского и городского пролетариата; если примем во внимание также и то, что и сами крестьяне будут против «национализации земли» и не удовлетворятся ролью только арендаторов, — то само собой станет понятно, что «национализация земли» не соответствует интересам нынешнего движения.

Следовательно, «национализация земли» также неприемлема.

Третьи говорят, что земля должна быть передана в собственность местному самоуправлению, крестьяне же будут арендаторами земли у самоуправления.

Это называют **«муниципализацией земли».**

Приемлема ли муниципализация земли? Что значит «муниципализация земли»? Это значит, во-первых, что крестьяне не получат в собственность тех земель, которые они в ходе борьбы отбирают у помещиков и казны. Как крестьяне посмотрят на это? Крестьяне хотят получить землю в собственность, крестьяне хотят разделить отобранные земли, они и во сне видят эти земли как свою собственность, и когда им скажут, что земли должны быть переданы не им, а самоуправлению, то, несомненно, крестьяне не согласятся со сторонниками «муниципализации». Этого мы не должны забывать.

Кроме того, как быть, если увлечённые революцией крестьяне присвоят все отобранные земли и ничего не оставят для самоуправления? Не станем же им поперёк дороги и не скажем: остановитесь, земли эти должны

быть переданы самоуправлению, а не вам, хватит с вас и арендаторства!

Во-вторых, принимая лозунг «муниципализации», мы тем самым теперь же должны бросить этот лозунг в народ и сейчас же должны объяснить крестьянам, что те земли, за которые они борются, которые они хотят захватить в свои руки, будут переданы в собственность самоуправлению, а не крестьянам. Конечно, если партия имеет большое влияние на крестьян, то, возможно, они согласятся с нею, но нечего и говорить, что крестьяне уже не будут бороться с прежним напором, что будет крайне вредно для нынешней революции. Если же партия не имеет на крестьян большого влияния, тогда крестьяне отойдут от неё и повернутся к ней спиной, что вызовет конфликт между крестьянами и партией и значительно ослабит силы революции.

Нам скажут: часто желания крестьян противоречат ходу развития, а мы не можем игнорировать хода истории и всегда следовать желаниям крестьян,— партия должна иметь свои принципы. Сущая истина! Партия должна руководствоваться своими принципами. Но изменила бы своим принципам та партия, которая бы отвергла все указанные выше стремления крестьян. Если стремления крестьян к захвату помещичьих земель и разделу их не противоречат ходу истории, если эти стремления, напротив, полностью вытекают из нынешней демократической революции, если подлинная борьба против феодальной собственности возможна лишь на почве буржуазной собственности, если стремления крестьян выражают именно эту тенденцию, — тогда само собой понятно, что партия не может отвергнуть

эти требования крестьян, ибо отказ от поддержки этих требований означал бы отказ от развития революции. Наоборот, если партия имеет принципы, если она не хочет превратиться в тормоз революции, она должна содействовать осуществлению таких стремлений крестьян. А эти стремления в корне противоречат «муниципализации земли»!

Как видите, неприемлема и «муниципализация земли».

III

Мы видели, что ни «социализация», ни «национализация», ни «муниципализация» — ни одна из них не может удовлетворить должным образом интересы нынешней революции.

Как же должны быть распределены отобранные земли, кому они должны быть переданы в собственность?

Ясно, что земли, отобранные крестьянами, **должны быть переданы самим крестьянам** для того, чтобы дать им возможность **разделить** эти земли между собой. Так должен быть разрешён поставленный выше вопрос. Раздел земли вызовет мобилизацию собственности. Малоимущие будут продавать земли и станут на путь пролетаризации, зажиточные приобретут новые земли и приступят к улучшению техники обработки, деревня разделится на классы, разгорится обострённая борьба классов, и таким образом будет заложен фундамент дальнейшего развития капитализма.

Как видите, раздел земли сам собой вытекает из нынешнего экономического развития.

С другой стороны, лозунг **«Земля крестьянам, только крестьянам и больше никому»** ободрит крестьянство, вдохнёт в него новую силу и поможет довести до конца уже начавшееся революционное движение в деревне.

Как видите, и ход нынешней революции указывает на необходимость раздела земель.

Противники обвиняют нас в том, что всем этим мы возрождаем мелкую буржуазию и что это в корне противоречит учению Маркса. Вот что пишет «Революционная Россия» [56]:

«Помогая крестьянству экспроприировать помещиков, вы бессознательно содействуете водворению мелкобуржуазного хозяйства на развалинах более или менее развитых уже форм капиталистического земледельческого хозяйства. Это ли не «шаг назад» с точки зрения ортодоксального марксизма?» (см. «Революционная Россия» № 75).

Я должен сказать, что гг. «критики» перепутали факты. Они забыли, что помещичье хозяйство не является капиталистическим хозяйством, что оно является пережитком крепостнического хозяйства, и стало быть, экспроприацией помещиков разрушаются остатки крепостнического хозяйства, а не капиталистическое хозяйство. Они забыли и то, что с точки зрения марксизма за крепостническим хозяйством никогда непосредственно не следовало и не может следовать капиталистическое хозяйство — между ними стоит мелкобуржуазное хозяйство, которое сменяет крепостное хозяйство и затем переходит в капиталистическое. Карл Маркс ещё в третьем томе «Капитала» говорил, что в истории за крепостническим хозяйством следовало вначале

сельское мелкобуржуазное хозяйство и лишь после этого развивалось крупное капиталистическое хозяйство — не было и не могло быть непосредственного прыжка из одного в другое. А между тем эти странные «критики» нам говорят, что отобрание помещичьих земель и их раздел являются движением назад, с точки зрения марксизма! Скоро они обвинят нас в том, что будто бы и «отмена крепостного права» является движением назад, с точки зрения марксизма, так как и тогда некоторые земли были «отобраны» у помещиков и переданы мелким хозяевам — крестьянам! Смешные люди! Они не понимают, что марксизм на всё смотрит с исторической точки зрения, что с точки зрения марксизма сельское мелкобуржуазное хозяйство прогрессивно по сравнению с крепостническим хозяйством, что разрушение крепостнического хозяйства и введение мелкобуржуазного являются необходимым условием развития капитализма, который впоследствии вытеснит это мелкобуржуазное хозяйство...

Но оставим в покое «критиков».

Дело в том, что **передача земель крестьянам**, а затем их **раздел** подрывает основы крепостнических пережитков, готовит почву для развития капиталистического хозяйства, значительно усиливает революционный подъём, и именно потому это является приемлемым для социал-демократической партии.

Итак, для уничтожения крепостнических остатков необходима конфискация всех помещичьих земель, и эти земли крестьяне должны взять в собственность и разделить их между собой, соответственно своим интересам.

На этой основе должна быть построена аграрная программа партии.

Нам скажут: всё это относится к крестьянам, но что вы думаете делать с сельскими пролетариями? Мы им отвечаем, что если для крестьян нужна **демократическая** аграрная программа, то для деревенских и городских пролетариев имеется **социалистическая** программа, в которой выражены их классовые интересы, а их текущие интересы учтены в шестнадцати пунктах программы-минимум, где говорится об улучшении условий труда (см. Программу партии, принятую на втором съезде). Пока же непосредственная социалистическая работа партии выражается в том, что она ведёт социалистическую пропаганду среди сельских пролетариев, объединяет их в собственные социалистические организации и сливает с городскими пролетариями в отдельную политическую партию. Партия постоянно имеет дело с этой частью крестьян и говорит им: поскольку вы осуществляете демократическую революцию, постольку держите связь с борющимися крестьянами и боритесь против помещиков, а поскольку вы идёте к социализму,— решительно объединяйтесь с городскими пролетариями и беспощадно боритесь против всякого буржуа,— будь это крестьянин или дворянин. Вместе с крестьянами за демократическую республику! Вместе с рабочими за социализм! — вот что партия говорит сельским пролетариям.

Если движение пролетариев и их **социалистическая программа** раздуют пламя **классовой борьбы**, чтобы этим навсегда уничтожить всякую **классовость**, то в свою очередь крестьянское движение и его **аграрно-демократическая программа** раздуют в деревне пламя **сословной борьбы**, чтобы тем самым в корне уничтожить всякую **сословность**.

P. S. Заканчивая статью, нельзя не отозваться на письмо одного читателя, который нам пишет следующее: «Меня всё же не удовлетворила ваша первая статья. Разве партия не была против конфискации всех земель? А если это было так, то почему она об этом не говорила?»

Нет, уважаемый читатель, партия никогда не была против такой конфискации. Ещё на втором съезде, именно на том съезде, где приняли пункт об «отрезках»,— ещё на этом съезде (в 1903 г.) партия устами Плеханова и Ленина говорила, что мы поддержим крестьян, если они потребуют конфискации **всех** земель *. Спустя два года (в 1905 г.) обе фракции партии, «большевики» — на третьем съезде и «меньшевики» — на первой конференции, единогласно заявили, что всецело поддержат крестьян в вопросе о конфискации **всех** земель **. Затем в газетах обоих партийных течений, как в «Искре» и «Пролетарии», так и в «Новой Жизни» [57] и «Начале» [58], неоднократно призывали крестьянство к конфискации всех земель... Как видите, партия с самого начала стояла за конфискацию **всех** земель, и, стало быть, у вас нет никаких оснований думать, будто партия плелась в хвосте крестьянского движения. Крестьянское движение по-настоящему ещё

* См. Протоколы второго съезда.

** См. Протоколы третьего съезда и «Первая конференция».

не начиналось, крестьяне ещё не требовали даже «отрезков», а партия уже говорила о конфискации **всех** земель на своём втором съезде.

И если вы всё же спрашиваете нас, почему мы не внесли в программу в том же 1903 году требования о конфискации всех земель, мы вам ответим вопросом же: а почему социалисты-революционеры в 1900 году не внесли в свою программу требования **демократической республики**, неужели они были против этого требования? * Почему тогда говорили лишь о национализации, а сегодня прожужжали нам уши социализацией? И если мы сегодня ничего не говорим в программе-минимум о 7-часовом рабочем дне, неужели это значит, что мы против этого? Так в чём же дело? Только в том, что в 1903 году, когда движение ещё не окрепло, конфискация всех земель осталась бы на бумаге, неокрепшее движение не справилось бы с этим требованием, ввиду чего тому времени более соответствовали «отрезки». Но в дальнейшем, когда движение выросло и выдвинуло **практические** вопросы, тут партия должна была показать, что движение не может и не должно остановиться на «отрезках», что необходима конфискация всех земель.

Таковы факты.

Наконец, несколько слов о «Цнобис Пурцели» [59] (см. № 3033). Эта газета несёт какую-то чепуху насчёт «моды» и «принципа» и уверяет, будто партия когда-то возводила в принцип «отрезки». Что это **ложь**, что партия принципиально с самого же начала **во всеуслышание** признавала конфискацию всех земель, это читатель мог видеть и выше. Что же касается того, что «Цнобис Пурцели» не отличает принципов от практических вопросов, это не беда — подрастёт и научится их различать *.

Газета «Элва» («Молния») №№ 5, 9 и 10; 17, 22 и 23 марта 1906 г.
Подпись: И. Бесошвили
Перевод с грузинского

* См. «Наши задачи», изд. «Союза соц.-революционеров», 1900 г.

* «Цнобис Пурцели» где-то «слышала», что «российские социал-демократы... приняли новую аграрную программу, в силу которой... поддерживают муниципализацию земель». Я должен заявить, что **никакой подобной программы российские социал-демократы не принимали.** Принятие программы — это дело съезда, а этого съезда ещё не было. Ясно, что «Цнобис Пурцели» кем-то или чем-то введена в заблуждение. «Цнобис Пурцели» поступила бы очень хорошо, если бы не потчевала своих читателей слухами.

К АГРАРНОМУ ВОПРОСУ

Вы, наверное, помните последнюю статью о «муниципализации» (см. «Элва» [60] № 12). Мы не хотим вдаваться в обсуждение всех тех вопросов, которые затрагивает автор,— это и не интересно и не нужно. Мы хотим коснуться лишь двух главных вопросов: противоречит ли муниципализация уничтожению остатков крепостничества и является ли реакционным раздел земель? Именно так ставит вопрос наш товарищ. Очевидно, муниципализация, раздел земель и подобные вопросы ему кажутся **принципиальными** вопросами, тогда как партия ставит аграрный вопрос на **совершенно другую почву.**

Дело в том, что социал-демократия **не считает принципиальным вопросом** ни национализацию, ни муниципализацию, ни раздел земель, **ни против одного из них она принципиально не возражает.** Просмотрите «Манифест» Маркса, «Аграрный вопрос» Каутского, «Протоколы второго съезда», «Аграрный вопрос в России» того же Каутского, и вы увидите, что это именно так. Партия на все эти вопросы смотрит с точки зрения **практики** и ставит аграрный вопрос на **практическую**

почву: что **полнее** осуществляет наш принцип — муниципализация, национализация или раздел земель?

Вот на какую почву ставится вопрос партией.

Понятно, что **принцип** аграрной программы — уничтожение остатков крепостничества и свободное развитие классовой борьбы — **остался неизменным,**— изменились лишь средства осуществления этого принципа.

Автор именно так и должен был поставить вопрос: что лучше для уничтожения остатков крепостничества и развития борьбы классов — муниципализация или раздел земель? Он же совершенно неожиданно перешагнул в область принципов, **практические** вопросы выдаёт за **принципиальные** и спрашивает нас: «Противоречит ли уничтожению остатков крепостничества и развитию капитализма» так называемая муниципализация? Уничтожению остатков крепостничества и развитию капитализма не противоречат ни национализация, ни раздел земель, но ведь это же не значит, что между ними нет разницы, что сторонник муниципализации должен быть в то же время сторонником и национализации и раздела земель! Ясно, что между ними есть какое-то **практическое различие.** Дело именно в этом, и потому-то партия и поставила вопрос на **практическую** почву. Автор же, как нами выше отмечено, перенёс вопрос на совершенно иную почву, спутал друг с другом принцип и средства его осуществления и, таким образом, невольно обошёл вопрос, поставленный партией.

Далее, автор уверяет нас, что раздел земель является реакционным, т. е. упрекает нас в том же, что̀ мы неоднократно слышали от социалистов-революционеров.

Когда метафизики-эсеры говорят нам, что раздел земель, с точки зрения марксизма, является реакционным, то нас нисколько не удивляет такой упрёк, ибо мы прекрасно знаем, что они смотрят на дело не с точки зрения диалектики,— они не хотят понять, что всему своё время и место, и то, что **завтра** становится реакционным, **сегодня** может быть революционным. Но, когда с этим же упрёком к нам обращаются диалектики-материалисты, то мы не можем не спросить: чем же тогда отличаются друг от друга диалектики и метафизики? Разумеется, раздел земель был бы реакционным, если бы он был направлен **против развития капитализма,** но если он направлен **против остатков крепостничества,** то тогда само собой понятно, что раздел земель — революционное средство, которое социал-демократия должна поддерживать. Против чего направлен сегодня раздел земель: против капитализма или против остатков крепостничества? Не может быть сомнения, что он направлен против остатков крепостничества. Стало быть, вопрос разрешается сам собой.

Конечно, после того как капитализм достаточно утвердится в деревне, тогда раздел земель станет реакционной мерой, так как он будет направлен против развития капитализма, но тогда и социал-демократия не поддержит его. В настоящее время социал-демократия горячо отстаивает требование демократической республики как революционную меру, но впоследствии, когда вопрос о диктатуре пролетариата станет практически, демократическая республика будет уже реакционной и социал-демократия постарается разрушить её. То же самое надо сказать и о разделе земель. Раздел земель и вообще мелкобуржуазное хозяйство революционны, **когда** идёт борьба с остатками крепостничества, но тот же раздел земель является реакционным, **когда** он направлен против развития капитализма. Таков диалектический взгляд на общественное развитие. Так же диалектически смотрит Карл Маркс на сельское мелкобуржуазное хозяйство, когда он в третьем томе «Капитала» называет его прогрессивным **в сравнении с крепостным хозяйством.**

Помимо всего этого, вот что, между прочим, говорит К. Каутский о разделе:

«Раздел земельного запаса, т. е. крупной земельной собственности, раздел, которого требует и уже начинает практически осуществлять русское крестьянство... не только неизбежен и необходим, но и **в высшей степени полезен. И социал-демократия имеет все основания поддерживать этот процесс»** (см. «Аграрный вопрос в России», стр. 11).

Для разрешения вопроса огромное значение имеет правильная постановка его. Всякий вопрос должен ставиться диалектически, т. е. мы никогда не должны забывать, что всё изменяется, что всё имеет своё время и место, и, стало быть, и вопросы мы должны ставить также в соответствии с конкретными условиями. Это — первое условие для разрешения аграрного вопроса. Во-вторых, мы не должны забывать также и того, что российские социал-демократы ставят сегодня аграрный вопрос на практическую почву, и тот, кто желает разрешить этот вопрос, должен стать именно на эту почву. Это второе условие для разрешения аграрного вопроса. Наш же товарищ ни одного из этих условий не принял во внимание.

Хорошо, ответит товарищ, предположим, раздел земель является революционным. Ясно, что мы постараемся поддержать это революционное движение, но это вовсе не значит, что требования этого движения мы должны внести в свою программу,— таким требованиям совсем не место в программе и т. д. Очевидно, автор смешивает программу-минимум и программу-максимум. Он знает, что в **социалистической** программе (т. е. в программе-максимум) должны быть только пролетарские требования, но он забывает, что **демократическая** программа (т. е. программа-минимум), а тем более аграрная программа, не является социалистической, и потому, следовательно, в ней безусловно будут буржуазно-демократические требования, которые мы **поддерживаем.** Политическая свобода — буржуазное требование, но, несмотря на это, она занимает в нашей программе-минимум почётное место. Да зачем нам ходить далеко, посмотрите второй пункт аграрной программы и прочтите: партия требует «...отмены всех законов, **стесняющих крестьянина в распоряжении его землёй»,** — прочтите всё это и отвечайте: что в этом пункте социалистического? Ничего, скажете вы, так как этот пункт требует свободы буржуазной собственности, а не её уничтожения. Несмотря на это, пункт этот всё-таки в нашей программе-минимум имеется. Так в чём же дело? Только в том, что программа-максимум и программа-минимум — два различных понятия, которые не следует смешивать. Правда, анархисты останутся этим недовольны, но что поделаешь, ведь мы не анархисты!..

Что касается стремления крестьян к разделу земель, то мы уже сказали, что его значение измеряется тенденцией экономического развития, и так как стремление крестьян «прямо вытекает» из этой тенденции, то наша партия должна поддерживать его, а не противодействовать ему.

Газета «Элва» («Молния») № 14,
29 марта 1906 г.

Подпись: И. Бесошвили

Перевод с грузинского

О ПЕРЕСМОТРЕ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ

(Речь на седьмом заседании IV съезда РСДРП [61] 13 (26) апреля 1906 г.)

Прежде всего скажу о методах аргументации некоторых товарищей. Тов. Плеханов очень много говорил об «анархических замашках» тов. Ленина, о пагубности «ленинизма» и т. д., и т. п., но об аграрном вопросе, в сущности, сказал нам очень мало. Между тем он представлен одним из докладчиков по аграрному вопросу. Полагаю, что такой способ аргументации, вносящий атмосферу раздражения, кроме того, что противоречит характеру нашего съезда, называемого объединительным,— ровно ничего не выясняет в постановке аграрного вопроса. И мы могли бы сказать кое-что о кадетских замашках тов. Плеханова, но этим ни на шаг не подвинулись бы в решении аграрного вопроса.

Далее, Джон [62], опираясь на некоторые данные из жизни Гурии, Латышского края и т. д., умозаключает в пользу муниципализации для всей России. Я должен сказать, что, вообще говоря, так не составляют программу. При составлении программы надо исходить не из специфических черт некоторых частей некоторых окраин, а из общих черт, свойственных большинству местностей России: программа без доминирующей линии —

не программа, а механическое соединение различных положений. Так именно и обстоит дело с проектом Джона. Кроме того, Джон ссылается на неверные данные. По его мнению, самый процесс развития крестьянского движения говорит за его проект, ибо в Гурии, например, в процессе же движения образовалось областное самоуправление, распоряжавшееся лесами и т. д. Но, во-первых, Гурия не область, а один из уездов Кутаисской губ.; во-вторых, в Гурии никогда не существовало единого для всей Гурии революционного самоуправления; там были только маленькие самоуправления, которые отнюдь не равняются, стало быть, областным самоуправлениям; в -третьих, распоряжение — одно, а владение — совсем другое. Вообще о Гурии распространено много легенд, и российские товарищи совершенно напрасно принимают их за истину...

Что касается существа дела, то я должен сказать, что исходным пунктом нашей программы должно служить следующее положение: так как мы заключаем временный революционный союз с борющимся крестьянством, так как мы не можем, стало быть, не считаться с требованиями этого крестьянства,— то мы должны поддерживать эти требования, если они в общем и целом не противоречат тенденции экономического развития и ходу революции. Крестьяне требуют раздела; раздел не противоречит вышесказанным явлениям,— значит, мы должны поддерживать полную конфискацию и раздел. С этой точки зрения и национализация и муниципализация одинаково неприемлемы. Выставляя лозунг муниципализации или национализации, мы, ничего не выигрывая, делаем невозможным союз революционного крестьянства с пролетариатом.

Говорящие о реакционности раздела смешивают две стадии развития: капиталистическую с докапиталистической. Без сомнения, на капиталистической стадии раздел реакционен, но в условиях докапиталистических (напр., в условиях русской деревни) раздел в общем и целом революционен. Конечно, леса, воды и т. п. невозможно делить, но их можно национализировать, что отнюдь не противоречит революционным требованиям, выставляемым крестьянами. Затем, предлагаемый Джоном лозунг: революционные комитеты, вместо лозунга: революционные крестьянские комитеты,— коренным образом противоречит духу аграрной революции. Аграрная революция имеет своей целью прежде всего и главным образом освобождение крестьян, стало быть, лозунг: крестьянские комитеты, является единственным лозунгом, соответствующим духу аграрной революции. Если освобождение пролетариата может быть делом самого пролетариата, то и освобождение крестьян может быть делом самих крестьян.

Протоколы Объединительного съезда Российской социал-демократической рабочей партии, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г. Москва, 1907, стр. 59—60

О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

(Речь на пятнадцатом заседании IV съезда РСДРП 17 (30) апреля 1906 г.)

Ни для кого не тайна, что в развитии общественно-политической жизни России наметились два пути: путь лжереформ и путь революции. Ясно также то, что на первый путь становятся крупные фабриканты и помещики с царским правительством во главе, на второй — революционное крестьянство и мелкая буржуазия с пролетариатом во главе. Развивающийся кризис в городах и голод в деревнях делают неминуемым новый взрыв,— следовательно, тут колебания недопустимы: **или** революция идёт на подъём, и мы должны её довести до конца, **или** она идёт на убыль, и мы не можем, не должны ставить себе такой задачи. И напрасно Руденко думает, что такая постановка вопроса не диалектична. Руденко ищет средней линии, он хочет сказать, что революция и подымается, и не подымается, и следует её довести до конца, и не следует, ибо, по его мнению, к такой именно постановке вопроса обязывает диалектика! Мы не так представляем себе Марксову диалектику...

Итак, мы накануне нового взрыва, революция подымается, и мы должны довести её до конца. В этом все

сходимся. Но в какой обстановке мы можем и должны сделать это: в обстановке гегемонии пролетариата или в обстановке гегемонии буржуазной демократии? Вот где начинается основное расхождение.

Тов. Мартынов ещё в «Двух диктатурах» говорил, что гегемония пролетариата в текущей буржуазной революции — вредная утопия. Во вчерашней его речи сквозит та же мысль. Товарищи, аплодировавшие ему, должно быть, согласны с ним. Если это так, если, по мнению товарищей-меньшевиков, нам нужна не гегемония пролетариата, а гегемония демократической буржуазии, тогда само собой ясно, что ни в организации вооружённого восстания, ни в захвате власти мы не должны принимать непосредственного активного участия. Такова «схема» меньшевиков.

Наоборот, если классовые интересы пролетариата ведут к его гегемонии, если пролетариат должен итти не в хвосте, а во главе текущей революции, то само собой понятно, что пролетариат не может отказаться ни от активного участия в организации вооружённого восстания, ни от захвата власти. Такова «схема» большевиков.

Или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии — вот как стоит вопрос в партии, вот в чём наши разногласия.

Протоколы Объединительного съезда Российской социал-демократической рабочей партии, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г. Москва, 1907, стр. 187

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ВОССТАНИИ

Меньшевик Н. Х. [63] знает, что смелость города берёт и... осмеливается ещё раз обвинять большевиков в бланкизме (см. «Симартле» [64] № 7).

В этом, конечно, нет ничего удивительного. Оппортунисты Германии Бернштейн и Фольмар давно называют Каутского и Бебеля бланкистами. Оппортунисты Франции Жорес и Мильеран давно обвиняют Геда и Лафарга в бланкизме и якобинстве. Несмотря на это, всему миру известно, что Бернштейн, Мильеран, Жорес и другие являются оппортунистами, что они **изменяют марксизму**, тогда как Каутский, Бебель, Гед, Лафарг и другие являются революционными марксистами. Что же удивительного, если оппортунисты России и их последователь Н. Х. подражают оппортунистам Европы и называют нас бланкистами? Это означает только то, что большевики, подобно Каутскому и Геду, являются революционными марксистами [65].

На этом мы могли бы закончить разговор с Н. Х. Но он «углубляет» вопрос и пытается доказать своё. Итак, не будем обижать его и послушаем.

Н. Х. не согласен со следующим мнением большевиков:

«Скажем *, городской люд пропитан ненавистью к правительству **, он всегда может подняться на борьбу, если для этого представится случай. Это означает, что количественно мы уже готовы. Но этого ещё **недостаточно.** Чтобы выиграть восстание, необходимо заранее составить план борьбы, заранее разработать тактику сражения, необходимо иметь организованные отряды и т. д.» (см. «Ахали Цховреба» № 6).

Н. Х. не согласен с этим. Почему? Потому, что это, мол, бланкизм! Итак, Н. Х. не хочет иметь ни «тактики сражения», ни «организованных отрядов», ни организованного выступления — всё это, оказывается, нечто несущественное и лишнее. Большевики говорят, что одной «ненависти к правительству недостаточно», одного сознания «недостаточно», нужно ещё иметь «отряды и тактику сражения». Н. Х. отвергает всё это, называя это бланкизмом.

Запомним это и пойдём дальше.

Н. Х. не нравится следующая мысль Ленина:

«Мы должны собирать опыт московского, донецкого, ростовского и других восстаний, **распространять** этот **опыт, готовить** упорно и терпеливо новые боевые силы, **обучать и закалять** их на ряде партизанских боевых выступлений. Новый взрыв, может быть, и не наступит ещё весной, но он идёт, он, по всей вероятности, не слишком далёк. Мы должны встретить его вооружёнными, организованными по-военному, способными к решительным наступательным действиям» (см. «Партийные Известия»)[67].

* Здесь Н. Х. слово «скажем» заменил словом «когда», что несколько меняет смысл.

** Здесь слова «к правительству» Н. Х. опустил (см. «Ахали Цховреба»[66] № 6).

Н. Х. не согласен с этой мыслью Ленина. Почему? Потому, что это, мол, бланкизм!

Итак, по мнению Н. Х. выходит, что мы **не должны** «собирать опыт декабрьского восстания» и **не должны** «распространять его». Правда, взрыв приближается, но, по мнению Н. Х., мы **не должны** «встретить его вооружёнными», **не должны** готовиться «к решительным наступательным действиям». Почему? Потому, вероятно, что безоружными и неподготовленными скорей победим! Большевики говорят, что взрыва можно ожидать и потому наш долг — готовиться к нему как в отношении сознательности, так и в отношении вооружения. Н. Х. знает, что взрыва можно ожидать, но кроме словесной агитации ничего не признаёт и поэтому сомневается в необходимости вооружения, считает это лишним. Большевики говорят, что в стихийно начавшееся и разрозненное восстание необходимо внести сознательность и организованность. Н. Х. не признаёт и этого — это, мол, бланкизм. Большевики говорят, что в определённый момент необходимы «решительные наступательные действия». Ни **решительность, ни наступательные действия** Н. Х. не нравятся — всё это, мол, бланкизм.

Запомним всё это и посмотрим, как относились к вооружённому восстанию Маркс и Энгельс?

Вот что писал Маркс в пятидесятых годах:

«Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и переходить в **наступление.** Оборона есть смерть всякого вооружённого восстания...

Надо захватить противника врасплох, пока его войска ещё разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надёжную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: **смелость, смелость и ещё раз смелость»** (см. **К. Маркс,** «Исторические очерки», стр. 95)[68].

Так говорит величайший марксист Карл Маркс.

Как видите, по мнению Маркса, кто хочет победы восстания, тот должен стать на путь наступления. А ведь мы знаем, что кто становится на путь **наступления,** тот должен иметь и вооружение, и военные знания, и обученные отряды — без этого наступление невозможно. Что же касается смелых наступательных действий, то это, по мнению Маркса, плоть и кровь всякого восстания. Н. Х. же высмеивает и смелые наступательные действия, и политику наступления, и организованные отряды, и распространение военных знаний — всё это, мол, бланкизм! Выходит, что Н. Х. марксист, а Маркс бланкист! Бедный Маркс! Если бы он мог встать из могилы и послушать лепет Н. Х.

А что Энгельс говорит о восстании? Энгельс, говоря в одном месте одной из своих брошюр об испанском восстании и возражая анархистам, продолжает:

«Это восстание, хотя и безмозгло начатое, имело ещё большие шансы на победу, если бы им руководили хоть сколько-нибудь разумно, хотя бы лишь на манер испанских военных мятежей, когда поднимается гарнизон одного города, идёт в ближайший город, увлекает за собою заранее уже обработанный гарнизон этого города и, вырастая, как лавина, устремляется на столицу, покуда удачное сражение или переход на их сторону высланных против них войск не решает победы. Такой метод был на этот раз особенно подходящим. Повстанцы повсюду были **уже давно сорганизованы** в добровольческие батальоны (слышите, товарищ, Энгельс говорит о батальонах!); правда, дисциплина у них была скверная, но, наверное, не хуже, чем у остатков старой, большей частью разложившейся испанской армии. Единственным надёжным войском правительства были жандармы (guardias civiles), но они были рассеяны по всей стране. Прежде всего следовало помешать сосредоточению жандармских отрядов, а этого можно было достичь только действуя **наступательно** и **рискнув** выйти в открытое поле... (внимание, внимание, товарищи!). А если желали победить,— другого средства не было...» Далее Энгельс отчитывает бакунистов, которые объявили своим принципом то, чего можно было избежать: «именно раздроблённость и разрозненность революционных сил, позволявшая одним и тем же правительственным войскам подавлять одно восстание за другим» (см. «Бакунисты за работой» Энгельса)[69].

Так говорит известный марксист Фридрих Энгельс...

Организованные батальоны, политика наступления, организация восстания, объединение отдельных восстаний — вот что, по мнению Энгельса, необходимо для победы восстания.

Выходит, что Н. Х. марксист, а Энгельс бланкист! Бедный Энгельс!

Как видите, Н. Х. не знаком с точкой зрения Маркса — Энгельса на восстание.

Это бы ещё ничего. Мы заявляем, что выдвинутая Н. Х. тактика принижает и фактически отрицает значение вооружения, красных отрядов, военных знаний. Эта тактика есть тактика безоружного восстания. Эта тактика толкает нас к «декабрьскому поражению». Почему в декабре у нас не было оружия, отрядов, военных знаний и пр.? Потому, что в партии имела большое распространение тактика товарищей, подобных Н. Х. ...

А марксизм и реальная жизнь одинаково опровергают подобную безоружную тактику.

Так говорят факты.

Газета «Ахали Цховреба» («Новая Жизнь») № 19, 13 июля 1906 г.

Подпись: Коба

Перевод с грузинского

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Нынешняя Россия во многом напоминает нам Францию времён великой революции. Это сходство, между прочим, выражается в том, что и у нас, как во Франции, контрреволюция ширится и, не умещаясь в собственных границах, вступает в союз с контрреволюцией других государств — она постепенно принимает международный характер. Во Франции старое правительство заключило союз с австрийским императором и прусским королём, призвало себе на помощь их войска и повело наступление на народную революцию. В России старое правительство заключает союз с германским и австрийским императорами — оно хочет призвать себе на помощь их войска и потопить в крови народную революцию.

Ещё месяц тому назад ходили определённые слухи, что «Россия» и «Германия» ведут между собой тайные переговоры (см. «Северная Земля» [70] № 3). После этого слухи распространялись всё более настойчиво. А теперь дело дошло до того, что черносотенная газета «Россия» [71] прямо заявляет, что виновниками нынешнего затруднительного положения «России» (т. е.

контрреволюции) являются революционные элементы. «Императорское германское правительство, — говорит газета, — вполне отдаёт себе отчёт в этом положении, а поэтому оно предприняло целый ряд соответственных мер, которые не преминут повести к желанным результатам». Оказывается, эти меры состоят в том, что «Австрия» и «Германия» готовятся в помощь «России» послать войска на случай, если русская революция будет иметь успехи. При этом они уже договорились по этому поводу и решили, что «при известных условиях активное вмешательство во внутренние дела России, с целью подавления или ограничения революционного движения, могло бы явиться желательным и полезным...»

Так говорит «Россия».

Как видите, международная контрреволюция давно проводит большие приготовления. Известно, что она давно уже помогает деньгами контрреволюционной России в борьбе против революции. Однако она этим не ограничилась. Теперь она, оказывается, решила притти на помощь и войсками.

После этого и ребёнок легко поймёт настоящий смысл роспуска Думы, так же как и смысл «новых» распоряжений Столыпина [72] и «старых» погромов Трепова [73]... Надо полагать, что после этого рассеются ложные надежды у разных либералов и других наивных людей, что они убедятся, наконец, что у нас нет «конституции», что у нас гражданская война, и борьба должна вестись по-военному...

Но нынешняя Россия похожа на тогдашнюю Францию и в другом отношении. Тогда международная контрреволюция вызвала расширение революции, революция

перекинулась за пределы Франции и мощным потоком разлилась по Европе. Если «венценосцы» Европы объединялись в общий союз, то и народы Европы протягивали друг другу руку. Такое же явление мы наблюдаем сегодня в России. «Крот роет славно»... Российская контрреволюция, объединяясь с европейской контрреволюцией, неустанно расширяет революцию, объединяет между собой пролетариев всех стран и закладывает фундамент международной революции. Российский пролетариат идёт во главе **демократической** революции и протягивает братскую руку, объединяется с европейским пролетариатом, который начнёт **социалистическую** революцию. Как известно, вслед за выступлением 9 января начались общие митинги в Европе. Декабрьское выступление вызвало демонстрации в Германии и Франции. Нет сомнения, что грядущее выступление русской революции ещё решительнее подымет на борьбу европейский пролетариат. Международная контрреволюция лишь укрепит и углубит, усилит и поставит на твёрдую почву международную революцию. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» найдёт своё истинное выражение.

Что же, работайте, господа, работайте! За русской революцией, которая ширится, последует европейская революция, — и тогда... тогда пробьёт час не только крепостнических пережитков, но и возлюбленного вами капитализма.

Да, вы «славно роете», гг. контрреволюционеры.

Газета «Ахали Цховреба»
(«Новая Жизнь») № 20,
14 июля 1906 г.
Подпись: К о б а
Перевод с грузинского

СОВРЕМЕННЫЙ МОМЕНТ И ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РАБОЧЕЙ ПАРТИИ[74]

I

Сбылось то, чего мы с таким нетерпением ждали,— Объединительный съезд мирно закончился, партия избегла раскола, слияние фракций формально закреплено и тем самым заложен фундамент политической мощи партии.

Теперь нужно дать себе отчёт, ближе ознакомиться с физиономией съезда и трезво взвесить его хорошие и плохие стороны.

Что сделал съезд?

Что должен был сделать съезд?

На первый вопрос ответ дают резолюции съезда. Что же касается второго вопроса, то, чтобы ответить на него, надо знать, в какой обстановке открылся съезд и какие задачи ставил перед ним современный момент.

Начнём со второго вопроса.

Теперь уже ясно, что народная революция не погибла, что, несмотря на «декабрьское поражение», она всё же растёт и несётся к высшей точке. Мы говорим, что это так и должно быть: движущие силы революции продолжают жить и действовать, разразившийся про-

мышленный кризис всё больше и больше усиливается, голод, вконец разоряющий деревню, изо дня в день усиливается,— а это означает, что близок час, когда грозным потоком хлынет революционное возмущение народа. Факты говорят, что в общественной жизни России назревает новое выступление,— более решительное и могучее, чем декабрьское наступление. Мы переживаем канун восстания.

С другой стороны, набирается сил и постепенно укрепляется ненавистная народу контрреволюция. Она уже успела организовать камарилью, она зовёт под своё знамя все тёмные силы, она становится во главе «движения» черносотенцев, она готовит новое нападение на народную революцию, она собирает вокруг себя кровожадных помещиков и фабрикантов,— следовательно, она готовится сокрушить народную революцию.

И чем дальше, тем резче страна делится на два враждебных лагеря, лагерь революции и лагерь контрреволюции, тем более грозно противопоставляются друг другу два главаря двух лагерей — пролетариат и царское правительство, и тем более становится ясным, что между ними сожжены все мосты. Одно из двух: **либо** победа революции и самодержавие народа, **либо** победа контрреволюции и царское самодержавие. Кто садится меж двух стульев, тот предаёт революцию. Кто не с нами, тот против нас! Жалкая Дума с её жалкими кадетами застряла именно между этих двух стульев. Она хочет революцию примирить с контрреволюцией, чтобы волки и овцы вместе паслись,— и таким образом «одним ударом» усмирить революцию. Поэтому-то Дума до сих пор занимается только толчением

воды в ступе, потому-то она никакого народа не сумела собрать вокруг себя и, не имея под собой почвы, болтается в воздухе.

Главной ареной борьбы попрежнему остаётся улица. Так говорят факты. Факты говорят, что в сегодняшней борьбе, в уличной борьбе, а не в болтливой Думе, силы контрреволюции с каждым днём слабеют и расшатываются, в то время как силы революции растут и мобилизуются, что сплочение и организация революционных сил происходят под главенством передовых рабочих, а не буржуазии. А это означает, что победа нынешней революции и доведение её до конца вполне возможно. Однако, возможно только в том случае, если её и в дальнейшем будут возглавлять передовые рабочие, если сознательный пролетариат достойно выполнит дело руководства революцией.

Отсюда ясно, какие задачи ставил перед съездом современный момент и что должен был сделать съезд.

Энгельс говорил, что рабочая партия «есть сознательная выразительница бессознательного процесса», т. е. партия должна сознательно стать на тот путь, по которому бессознательно идёт сама жизнь, она должна сознательно выразить те идеи, которые бессознательно выдвигает бурлящая жизнь.

Факты говорят, что народную революцию не удалось царизму погубить, что она, наоборот, изо дня в день растёт, подымается выше и идёт к новому выступлению,— следовательно, задача партии — сознательно готовиться к этому выступлению и довести народную революцию до конца.

Ясно, что съезд должен был указать на эту задачу и обязать членов партии честно выполнять её.

Факты говорят, что примирение революции и контрреволюции невозможно, что Дума, с самого начала ставшая на путь их примирения, ничего не сможет сделать, что такая Дума никогда не станет политическим центром страны, не сплотит вокруг себя народа и вынуждена будет превратиться в придаток реакции,— следовательно, задача партии — рассеять ложные надежды, возлагаемые на Думу, бороться с политическими иллюзиями народа и заявить на весь мир, что главной ареной революции является улица, а не Дума, что победу народа должна принести главным образом улица, борьба на улице, а не Дума, а не болтовня в Думе.

Ясно, что Объединительный съезд должен был в своих резолюциях указать и на эту задачу, чтобы тем самым чётко определить направление деятельности партии.

Факты говорят, что победа революции, доведение её до конца и установление самодержавия народа возможны только в том случае, если во главе революции выступят сознательные рабочие, если руководство революцией будет в руках социал-демократии, а не буржуазии,— следовательно, задача партии — вырыть могилу гегемонии буржуазии, сплотить вокруг себя революционные элементы города и деревни, возглавить их революционную борьбу, руководить отныне их выступлениями и, таким образом, укрепить почву для гегемонии пролетариата.

Ясно, что Объединительному съезду следовало обратить особое внимание на эту третью и основную задачу, чтобы тем самым показать партии её величайшее значение.

Вот чего требовал современный момент от Объединительного съезда и вот что должен был сделать съезд.

Выполнил ли съезд эти задачи?

II

Для выяснения этого вопроса необходимо ознакомиться с физиономией самого съезда.

Многих вопросов коснулся съезд на своих заседаниях, но главный вопрос, вокруг которого вращались все остальные вопросы, — это был вопрос о современном моменте. **Современный момент демократической революции и классовые задачи пролетариата** — вот вопрос, в котором, как в узле, сплелись все наши тактические разногласия.

В городе обостряется кризис, говорили большевики, в деревне усиливается голод, правительство разлагается до основания, возмущение же народа усиливается с каждым днём, — следовательно, революция не только не падает, а наоборот, с каждым днём нарастает и готовится к новому наступлению. Отсюда задача — содействовать нарастающей революции, довести её до конца и увенчать её самодержавием народа (см. резолюцию большевиков «Современный момент...»).

Почти то же самое говорили меньшевики.

Но **как** довести до конца нынешнюю революцию, **какие** условия для этого необходимы?

По мнению большевиков, довести нынешнюю революцию до конца и увенчать её самодержавием народа можно **только в том случае**, если во главе этой революции станут сознательные рабочие, если руководство революцией будет сосредоточено в руках социалистического

пролетариата, а не буржуазных демократов. «Довести до конца демократическую революцию, — говорили большевики, — в состоянии только пролетариат **при том условии, что он... поведёт за собой** массу крестьянства, придавая политическую сознательность его стихийной борьбе...» В противном случае пролетариат вынужден будет отказаться от роли «вождя народной революции» и окажется «в хвосте либерально-монархической буржуазии», которая никогда не будет стремиться к доведению революции до конца (см. резолюцию «Классовые задачи пролетариата...»). Конечно, наша революция — революция буржуазная, и в этом отношении она напоминает великую французскую революцию, плодами которой воспользовалась буржуазия. Но ясно и то, что между этими двумя революциями велико и различие. Во время французской революции не было того крупного машинного производства, которое мы видим сегодня у нас, и классовые противоречия не определились так резко, как у нас, поэтому там пролетариат был слаб, здесь же он сильнее и сплочённее. Следует также учесть, что там пролетариат не имел своей собственной партии, здесь же он имеет собственную партию с собственной программой и тактикой. Не удивительно, что французскую революцию возглавляли буржуазные демократы, а рабочие плелись в хвосте этих господ, «рабочие боролись, а буржуа приобретали власть». С другой стороны, вполне понятно и то, что пролетариат России не довольствуется тем, чтобы плестись в хвосте либералов, что он выступает в качестве гегемона революции и зовёт под своё знамя всех «угнетённых и обездоленных». Вот в чём преимущество нашей революции перед великой французской революцией, и вот

почему мы думаем, что наша революция может быть доведена до конца и может завершиться самодержавием народа. Необходимо только сознательно содействовать гегемонии пролетариата и сплачивать вокруг него борющийся народ, чтобы **тем самым сделать возможным** доведение нынешней революции до конца. А доведение революции до конца необходимо для того, чтобы плодами этой революции воспользовалась не одна только буржуазия, чтобы рабочий класс, помимо политической свободы, добился восьмичасового рабочего дня, облегчения условий труда, полностью осуществил свою программу-минимум и, таким образом, пробил путь к социализму. Поэтому тот, кто защищает интересы пролетариата, кто не хочет, чтобы пролетариат превратился в охвостье буржуазии и таскал для неё каштаны из огня, кто борется за то, чтобы пролетариат превратился в самостоятельную силу и использовал в своих целях нынешнюю революцию,— тот должен открыто осудить гегемонию буржуазных демократов, тот должен крепить почву для гегемонии социалистического пролетариата в нынешней революции.

Так рассуждали большевики.

Совсем иное говорили меньшевики. Конечно, революция усиливается и нужно довести её до конца, но для этого вовсе не нужно гегемонии социалистического пролетариата,— пусть те же буржуазные демократы выступают руководителями революции, — говорили они. Почему, в чём дело? — спрашивали большевики. Потому, что нынешняя революция — буржуазная, и вождём её должна выступать буржуазия,— отвечали меньшевики. Так что же должен делать пролетариат? Он должен итти за буржуазными демократами, «подталкивать их» и, таким образом, «двигать вперёд буржуазную революцию». Так говорил вождь меньшевиков Мартынов, которого они выдвинули «докладчиком». Та же мысль выражена, хотя и не так чётко, в резолюции меньшевиков «О современном моменте». Мартынов ещё в своих «Двух диктатурах» говорил, что «гегемония пролетариата — опасная утопия», фантазия, что буржуазной революцией «должна руководить крайняя демократическая оппозиция», а не социалистический пролетариат, что борющийся пролетариат «должен итти позади буржуазной демократии» и подталкивать её по пути к свободе (см. известную брошюру Мартынова «Две диктатуры»). Ту же мысль он повторил на Объединительном съезде. По его мнению, великая французская революция является оригиналом, наша же революция — бледной копией с этого оригинала, и так как во Франции во главе революции вначале стояло «Национальное собрание», а потом — «Национальный конвент», в которых господствовала буржуазия,— то и у нас руководителем революции, сплачивающим вокруг себя народ, сначала должна стать Государственная дума, а потом какое-либо другое представительное учреждение, которое будет более революционным, нежели Дума. Как в Думе, так и в этом будущем представительном учреждении будут господствовать буржуазные демократы,— следовательно, нам нужна гегемония буржуазной демократии, а не социалистического пролетариата. Нужно только шаг за шагом **следовать** за буржуазией и ещё дальше двигать её вперёд, к подлинной свободе. Характерно, что речь Мартынова меньшевики встретили громкими аплодисментами. Характерно также и то, что **ни в одной из своих резолюций** они не упоминают

о необходимости гегемонии пролетариата, — выражение «гегемония пролетариата» совершенно изгнано из их резолюций, так же как и из резолюций съезда (см. резолюции съезда).

Такова была позиция меньшевиков на съезде.

Как видите, здесь две исключающие друг друга позиции, и именно отсюда берут начало все остальные разногласия.

Если вождём нынешней революции является сознательный пролетариат, а в нынешней Думе господствуют буржуа-кадеты, — то само собой ясно, что нынешняя Дума не сможет превратиться в «политический центр страны», она не сможет объединить вокруг себя революционный народ и никакими усилиями не сможет стать руководителем нарастающей революции. Далее, если вождём революции является сознательный пролетариат, а из Думы руководить революцией невозможно, — то само собой ясно, что главной ареной нашей деятельности в настоящий момент должна быть улица, а не думский зал. Дальше, если вождём революции является сознательный пролетариат, а главной ареной борьбы — улица,— то само собой ясно, что наша задача — принять активное участие в организации борьбы улицы, обратить усиленное внимание на дело вооружения, умножать красные отряды и распространять военные знания среди передовых элементов. Наконец, если вождём революции является передовой пролетариат и если он должен будет принять активное участие в организации восстания,— то само собой ясно, что мы не можем, умыв руки, отстраниться от временного революционного правительства, мы должны будем вместе с крестьянством завоевать политическую власть и

принять участие во временном правительстве*: вождь революционной улицы должен быть также вождём и в правительстве революции.

Такова была позиция большевиков.

И наоборот, если, как это мыслят меньшевики, руководство революцией будет принадлежать буржуазным демократам, а думские кадеты «приближаются к подобного рода демократам»,— то само собой ясно, что нынешняя Дума может превратиться в «политический центр страны», нынешняя Дума может объединить вокруг себя революционный народ, стать его руководителем и превратиться в главную арену борьбы. Далее, если Дума может превратиться в главную арену борьбы, то излишне обращать усиленное внимание на дело вооружения и организацию красных отрядов, не наше дело обращать особое внимание на организацию борьбы улицы, и тем более не наше дело вместе с крестьянством завоёвывать политическую власть и принимать участие во временном правительстве,— пусть об этом заботятся буржуазные демократы, которые будут руководителями революции. Конечно, неплохо бы иметь оружие и красные отряды, наоборот, это даже необходимо, но это не имеет такого большого значения, какое придают ему большевики.

Такова была позиция меньшевиков.

Съезд стал на второй путь, т. е. он отверг гегемонию социалистического пролетариата и одобрил позицию меньшевиков.

Этим съезд ясно доказал, что он не понял насущных требований современного момента.

* Здесь мы не касаемся принципиальной стороны этого вопроса.

В этом коренная ошибка съезда, за которой сами собой должны были последовать все остальные ошибки.

III

После того, как съезд отверг идею гегемонии пролетариата, стало ясно, как он должен был решить остальные вопросы: «об отношении к Государственной думе», «о вооружённом восстании» и др.

Перейдём к этим вопросам.

Начнём с вопроса о Государственной думе.

Мы не будем заниматься разбором того, какая тактика была более правильна — бойкот или участие в выборах. Заметим лишь следующее: если сегодня Дума ничем, кроме разговоров, не занимается, если она застряла между революцией и контрреволюцией,— это значит, что сторонники участия в выборах ошибались, когда звали народ на выборы, возбуждая в нём ложные надежды. Но оставим это в стороне. Дело в том, что в момент съезда выборы уже были закончены (кроме Кавказа и Сибири), результатами выборов мы уже располагали, и, следовательно, речь могла итти только о **самой Думе**, которая должна была собраться через несколько дней. Ясно, что съезд не мог возвращаться к прошлому и главное внимание должен был обратить на то, что представляет собой сама Дума и каким должно быть наше отношение к ней.

Итак, что такое нынешняя Дума и каково должно быть наше отношение к ней?

Ещё из манифеста 17 октября было известно, что особенно больших прав Дума не имеет: это — собрание депутатов, которое «имеет право» совещаться, но «не имеет права» переступать существующие «основные законы». За ней надзирает Государственный совет, который «имеет право» отменить любое постановление Думы. А на страже стоит вооружённое с ног до головы царское правительство, которое «имеет право» разогнать Думу, если она не удовольствуется совещательной ролью.

Что же касается лица Думы, то мы и до открытия съезда знали, из кого она будет состоять, мы и тогда знали, что Дума в большей части должна будет состоять из кадетов. Этим мы вовсе не хотим сказать, будто сами кадеты составили бы большинство в Думе,— мы лишь говорим, что приблизительно из пятисот членов Думы одну треть составили бы кадеты, другую треть составили бы промежуточные группы и правые («партия демократических реформ» [75], умеренные элементы из беспартийных депутатов, октябристы [76] и пр.), которые в моменты борьбы с крайними левыми (с рабочей группой и группой революционных крестьян) объединились бы вокруг кадетов и голосовали бы за них, и, таким образом, хозяевами положения в Думе были бы кадеты.

А кто такие кадеты? Можно ли их назвать революционерами? Конечно, нет! Тогда кто же такие кадеты? Кадеты — это **партия соглашателей:** они хотят ограничения прав царя, но не потому, что они якобы сторонники победы народа,— царское самодержавие кадеты хотят заменить самодержавием буржуазии, а не самодержавием народа (см. их программу),— а для того, чтобы и народ умерил свою революционность, взял обратно свои революционные требования и как-нибудь столковался с царём, **кадеты хотят соглашения царя с народом.**

Как видите, большинство Думы должно было составиться из соглашателей, а не революционеров. Это было само собой ясно ещё в первой половине апреля.

Таким образом, бойкотируемая и бессильная, с ничтожными правами, с одной стороны, нереволюционная и соглашательская в своём большинстве, с другой,— вот что собой представляла Дума. Бессильные и без того обычно становятся на путь соглашательства, а если к тому же у них и устремления нереволюционные, то они тем скорее скатываются к соглашательству. То же самое должно было случиться и с Государственной думой. Она не могла целиком стать на сторону царя, так как она желает ограничения прав царя, но она не могла перейти и на сторону народа, так как народ выдвигает революционные требования. Поэтому она должна была стать между царём и народом и взяться за их примирение, т. е. заняться толчением воды в ступе. С одной стороны, она должна была убедить народ, чтобы он отказался от «чрезмерных требований» и как-нибудь столковался с царём, а, с другой стороны, она должна была явиться маклером перед царём, чтобы он малость уступил народу и тем самым положил конец «революционной смуте».

Вот с какой Думой имел дело Объединительный съезд партии.

Каково должно было быть отношение партии к такой Думе? Нечего и говорить, что партия не могла взять на себя поддержку такой Думы, так как поддержка Думы есть поддержка соглашательской политики, а соглашательская политика в корне противоречит задаче углубления революции — рабочая партия не должна брать на себя роль умиротворителя революции.

Конечно, партия должна была использовать как самую Думу, так и конфликты Думы с правительством, но это ещё не значит, что она должна поддерживать нереволюционную тактику Думы. Наоборот, разоблачение двуличия Думы, беспощадная критика её, выставление на свет её изменнической тактики — вот каково должно быть отношение партии к Государственной думе.

А если это так, то ясно, что кадетская Дума не является выразительницей воли народа, что она не может выполнить роль народного представительства, не может стать политическим центром страны и объединить вокруг себя народ.

При этом обязанностью партии было рассеять ложные надежды, возлагавшиеся на Думу, и во всеуслышание заявить, что Дума не является выразителем воли народа, что она, следовательно, не может стать орудием революции, что теперь главная арена борьбы — улица, а не Дума.

В то же время было ясно, что существующая в Думе крестьянская «трудовая группа» [77], которая в сравнении с кадетами была малочисленна, не могла до конца следовать за соглашательской тактикой кадетов, не сегодня-завтра она должна была начать борьбу с ними, как с изменниками народа, и стать на путь революции. Обязанностью партии было поддержать «трудовую группу» в её борьбе с кадетами, развить до конца её революционные тенденции, противопоставить её революционную тактику нереволюционной тактике кадетов и тем ещё яснее вскрыть изменнические тенденции кадетов.

Как же поступил съезд, что сказал съезд в своей резолюции о Государственной думе?

Резолюция съезда гласит, что Дума есть учреждение, вышедшее «из недр нации». То есть Дума, несмотря на её недостатки, всё же, дескать, является выразительницей воли народа.

Ясно, что съезд не сумел должным образом оценить кадетскую Думу, съезд забыл, что большинство Думы состоит из соглашателей, что соглашатели, как люди, отвергающие революцию, не могут выражать воли народа, и, следовательно, мы не вправе сказать, что Дума вышла «из недр нации».

Что по этому поводу говорили на съезде большевики?

Они говорили, что «Государственная дума с обрисовавшимся уже теперь кадетским (по преимуществу) составом **ни в каком случае не может выполнить** роли настоящего народного представительства». То есть нынешняя Дума не вышла из недр народа, что она является антинародной и потому не выражает воли народа (см. резолюцию большевиков).

Съезд в этом вопросе отклонил позицию большевиков.

Резолюция съезда гласит, что «Дума», несмотря на её «мнимо-конституционный» характер, всё же «превратится в орудие революции»... её конфликты с правительством могут разрастись до пределов, «дающих возможность сделать их исходной точкой широких массовых движений, направленных к низвержению современного политического порядка». То есть Дума, дескать, может превратиться в политический центр, сплотить вокруг себя революционный народ и поднять знамя революции.

Вы слышите, рабочие: соглашательская кадетская Дума может, оказывается, превратиться в центр революции и очутиться во главе её,— от собаки, оказывается, может родиться ягнёнок! Что вам тревожиться — отныне нет нужды ни в гегемонии пролетариата, ни в том, чтобы народ сплачивался именно вокруг пролетариата: **нереволюционная** Дума сама сплотит вокруг себя **революционный** народ, и всё будет в порядке! Вот, оказывается, как просто делается революция, вот как нужно, оказывается, доводить до конца нынешнюю революцию!

Очевидно, съезд не понял, что двуличная Дума с её двуличными кадетами неизбежно застрянет между двух стульев, станет мирить между собой царя и народ, а затем, как всякий двуличный, вынуждена будет склониться на сторону того, кто больше пообещает!

Что по этому поводу говорили на съезде большевики?

Они заявили, что «нет ещё условий для вступления нашей партии на парламентский путь», т. е. пока ещё мы не можем начать спокойную парламентскую жизнь, главной ареной борьбы всё ещё остаётся улица, а не Дума (см. резолюцию большевиков).

Съезд и в этой части отклонил резолюцию большевиков.

Резолюция съезда ничего определённого не говорит о том, что в Думе существуют остающиеся в меньшинстве представители революционного крестьянства («трудовая группа»), которые вынуждены будут отвергнуть соглашательство кадетов и стать на путь революции, что необходимо ободрить их, поддержать их в борьбе с кадетами и помочь им ещё более прочно утвердиться на революционном пути.

Очевидно, съезд не понял, что пролетариат и крестьянство являются двумя главными силами нынешней революции, что в настоящий момент пролетариат как

вождь революции должен поддерживать революционных крестьян как на улице, так и в Думе, если только они поведут борьбу с врагами революции.

Что по этому поводу говорили на съезде большевики?

Они заявили, что социал-демократия должна беспощадно разоблачать «непоследовательность и шаткость кадетов, особенно внимательно следя за элементами крестьянской революционной демократии, объединяя их, противопоставляя их кадетам, поддерживая те их выступления, которые отвечают интересам пролетариата» (см. резолюцию).

Съезд не принял и этого предложения большевиков. Вероятно, потому, что здесь слишком явно выражена передовая роль пролетариата в нынешней борьбе, съезд же, как мы видели выше, к гегемонии пролетариата отнёсся с недоверием,— крестьянство должно, дескать, сплачиваться вокруг Думы, а не вокруг пролетариата!

Вот почему буржуазная газета «Наша Жизнь»[78] хвалит резолюцию съезда, вот почему кадеты из «Нашей Жизни» в один голос стали кричать: наконец-то социал-демократы одумались и отошли от бланкизма (см. «Наша Жизнь» № 432).

Очевидно, что не напрасно хвалят резолюцию съезда враги народа — кадеты! Не напрасно Бебель говорил: что нашим врагам нравится, то нам вредно!

IV

Перейдём к вопросу о вооружённом восстании.

Сегодня уже ни для кого не тайна, что выступление народа неминуемо. Если в городах и в деревнях кризис

и голод растут, если брожение среди пролетариата и крестьянства с каждым днём усиливается, если царское правительство разлагается, если революция, стало быть, идёт к подъёму,— то само собой ясно, что жизнь готовит новое выступление народа, более широкое и могучее, чем октябрьское и декабрьское выступления. Желательно это новое выступление или нет, хорошо это или дурно — говорить сегодня об этом излишне: дело не в наших желаниях, а в том, что выступление народа назревает само собой, что оно неминуемо.

Но выступление выступлению рознь. Слов нет, что январская всеобщая стачка в Петербурге (1905 г.) была выступлением народа. Выступлением народа была также октябрьская всеобщая политическая стачка. Выступлением народа была и «декабрьская схватка» в Москве и у латышей. Ясно, что между ними было также и различие. В то время как в январе (1905 г.) главную роль играла стачка, в декабре стачка послужила только началом и затем переросла в вооружённое восстание, уступив ему главную роль. Выступления в январе, октябре и декабре доказали, что как «мирно» ни начинай всеобщую стачку, как «деликатно» ни поступай при предъявлении требований, как безоружно ни выступай на поле битвы, дело всё же должно кончиться схваткой (вспомните 9 января в Петербурге, когда народ шёл с крестами и царским портретом), правительство всё же прибегнет к пушкам и ружьям, народ всё же возьмётся за оружие, и, таким образом, общая стачка всё же перерастёт в вооружённое восстание. Что это означает? Только то, что будущее выступление народа будет не простое выступление, что оно обязательно примет **вооружённый** характер, и, таким

образом, решающая роль будет принадлежать вооружённому восстанию. Желательно пролитие крови или нет, хорошо это или плохо, говорить об этом не приходится: повторяем — дело не в наших желаниях, а в том, что вооружённое восстание несомненно произойдёт и избежать его невозможно.

Наша сегодняшняя задача — самодержавие народа. Мы хотим, чтобы бразды правления были переданы в руки пролетариата и крестьянства. Можно ли достигнуть этой цели всеобщей стачкой? Факты говорят, что нельзя (вспомните вышесказанное). Или, быть может, нам поможет Дума с её велеречивыми кадетами и с помощью её установится самодержавие народа? Факты говорят, что это также невозможно, ибо кадетская Дума хочет самодержавия крупной буржуазии, а не самодержавия народа (вспомните вышесказанное).

Ясно, что единственно надёжный путь — вооружённое восстание пролетариата и крестьянства. Только путём вооружённого восстания может быть низвергнуто господство царя и установлено господство народа, разумеется, если это восстание закончится победой. А если это так, если без победы восстания победа народа ныне невозможна и если, с другой стороны, сама жизнь готовит вооружённое выступление народа, если это выступление неизбежно,— то само собой ясно, что задача социал-демократии — сознательно готовиться к этому выступлению, сознательно готовить его победу. Одно из двух: либо мы должны отвергнуть самодержавие народа (демократическую республику) и удовольствоваться конституционной монархией,—тогда мы вправе будем сказать, что не наше дело организовывать вооружённое восстание, либо же мы попрежнему должны

нашей сегодняшней целью поставить самодержавие народа (демократическую республику) и решительно отвергнуть конституционную монархию,— тогда мы не вправе будем сказать, что не наше дело сознательно организовывать стихийно нарастающее выступление.

Но как готовиться к вооружённому восстанию, как содействовать его победе?

Декабрьское выступление доказало, что мы, социал-демократы, помимо всех прочих грехов, повинны перед пролетариатом ещё в одном большом грехе. Грех этот заключается в том, что мы не заботились или слишком мало заботились о вооружении рабочих и об организации красных отрядов. Вспомните декабрь. Кто не помнит возбуждённый, поднявшийся на борьбу народ в Тифлисе, на западном Кавказе, на юге России, в Сибири, в Москве, в Петербурге, в Баку?Почему этот разъярённый народ удалось самодержавию так легко рассеять? Неужели потому, что народ не был ещё уверен в негодности царского правительства? Конечно, нет! Так почему же?

Прежде всего потому, что у народа не было, либо было слишком мало оружия,— как бы вы сознательны ни были, голыми руками против пуль не устоять! Да, справедливо ругали нас, когда говорили: деньги берёте, а оружия не видно.

Во-вторых, потому, что не было у нас обученных красных отрядов, которые повели бы за собой остальных, оружием добыли оружие и вооружили бы народ: в уличных боях народ — герой, но если его не ведут вооружённые братья и не показывают примера, то он может превратиться в толпу.

В-третьих, потому, что восстание было разрозненное и неорганизованное. Когда Москва боролась на

баррикадах, Петербург безмолвствовал. Тифлис и Кутаис готовились к штурму, когда Москва была уже «покорена». Сибирь тогда взялась за оружие, когда Юг и латыши были уже «побеждены». Это значит, что борющийся пролетариат встретил восстание раздроблённым на группы, вследствие чего правительству было сравнительно легко нанести ему «поражение».

В-четвёртых, потому, что наше восстание придерживалось политики обороны, а не нападения. Правительство само вызвало декабрьское восстание, правительство само напало на нас, оно имело свой план, в то время как мы встретили это нападение правительства неподготовленными, у нас не было продуманного плана, мы вынуждены были держаться политики самообороны и, таким образом, плестись в хвосте за событиями. Если бы москвичи вначале же избрали политику нападения, они немедленно захватили бы в руки Николаевский вокзал, правительство не сумело бы перебросить войска из Петербурга в Москву, и, таким образом, московское восстание было бы более продолжительным, что оказало бы соответствующее влияние и на другие города. То же самое надо сказать и относительно латышей: если бы они вначале же стали на путь нападения, то в первую голову захватили бы орудия и подорвали бы силы администрации.

Недаром говорил Маркс:

«Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и переходить в **наступление. Оборона есть смерть всякого вооружённого восстания...** Надо захватить противника врасплох, пока его войска ещё разрозненны; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надёжную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: смелость, смелость и ещё раз смелость» (см. «Исторические очерки» К. Маркса, стр. 95).

Именно этой «смелости» и политики наступления нехватило у декабрьского восстания.

Нам скажут: этим не исчерпываются причины декабрьского «поражения», вы забыли, что в декабре крестьянство не сумело объединиться с пролетариатом, и это тоже одна из главных причин декабрьского отступления. Сущая истина, и мы не собираемся забывать об этом. Но почему крестьянство не сумело объединиться с пролетариатом, в чём была причина? Нам скажут: несознательность. Хорошо, но как же мы должны сделать крестьян сознательными? Распространением брошюр? Конечно, этого недостаточно! Так как же? Борьбой, вовлечением их в борьбу и нашим руководством во время борьбы. Сегодня деревней призван руководить город, крестьянином — рабочий, и если в городах дело восстания не будет организовано, крестьянство никогда в этом деле не пойдёт с передовым пролетариатом.

Таковы факты.

Отсюда само собой ясно, как съезд должен был отнестись к вооружённому восстанию, какие лозунги он должен был дать партийным товарищам.

Партия хромала в деле вооружения, до сих пор вооружение у неё было заброшенным делом,— следовательно, съезд должен был сказать партии: **вооружайтесь,** обратите усиленное внимание на дело вооружения, чтобы хоть сколько-нибудь подготовленными встретить грядущее выступление.

Далее. Партия хромала в деле организации вооружённых отрядов, она не обращала должного внимания на умножение числа красных отрядов,— следовательно, съезд должен был сказать партии: **создавайте красные отряды, распространяйте в народе военные знания,** обратите усиленное внимание на дело организации красных отрядов, чтобы потом можно было оружием добыть оружие и расширить восстание.

Дальше. Декабрьское восстание пролетариат встретил раздроблённым, об организации восстания никто всерьёз не думал,— следовательно, съезд обязан был дать партии лозунг, чтобы она энергично приступила к объединению боевых элементов, приведению их в действие по единому плану, к активной организации вооружённого восстания.

Дальше. До сих пор в вооружённом восстании пролетариат придерживался политики обороны, он никогда не становился на путь наступления, а это обстоятельство мешало победе восстания,— следовательно, съезд обязан был указать партийным товарищам, что близится момент победы восстания и **необходимо перейти к политике наступления.**

Как же поступил съезд и какие лозунги он дал партии?

Съезд говорит, что «...основной задачей партии в настоящий момент является развитие революции путём

расширения и усиления агитационной деятельности в широких слоях пролетариата, крестьянства, мелкой городской буржуазии и среди войск и вовлечения их в активную борьбу с правительством постоянным вмешательством социал-демократии и руководимого ею пролетариата во все проявления политической жизни страны...» Партия «не может принимать на себя возбуждающего ложные надежды обязательства вооружения народа и должна ограничить свои задачи содействием самовооружению населения и организацией и вооружением боевых дружин...» «На обязанности партии лежит противодействие всем попыткам вовлечь пролетариат в вооружённое столкновение при неблагоприятных условиях...» и т. д. и т. п. (см. резолюцию съезда).

Выходит, что **сегодня, в данный момент,** когда мы стоим на пороге нового выступления народа, **для победы восстания самое главное дело — агитация,** а вооружение и организация красных отрядов — нечто несущественное, чем мы не должны увлекаться и в отношении чего свою деятельность мы должны «ограничить» «содействием». А о том, что нужно организовать восстание, а не проводить его разрозненно, о том, что нам необходима политика наступления (вспомните слова Маркса),— об этом съезд не говорит ни слова. Ясно, что для него эти вопросы не имеют значения.

Факты говорят: вооружайтесь и всемерно укрепляйте красные отряды, съезд же отвечает: не очень-то увлекайтесь вооружением и организацией красных отрядов, «ограничьте» свою деятельность в этом отношении, так как самое главное дело — агитация.

Можно подумать, что до сих пор мы много заботились о вооружении, вооружили массу товарищей,

организовали очень много отрядов, агитацию же забросили, — и вот съезд поучает нас: довольно вооружаться, хватит заботиться об этом, главная-де задача — агитация!

Разумеется, одним из главных орудий партии всегда и везде является агитация, но разве агитация будет решать победу предстоящего восстания? Если бы съезд сказал это четыре года тому назад, когда вопрос о восстании у нас не стоял в порядке дня, тогда это было бы ещё понятно, но сегодня, когда мы стоим на пороге вооружённого восстания, когда вопрос о восстании поставлен в порядок дня, когда оно может начаться помимо и вопреки нашей воле,— что может сделать «главным образом» агитация, что можно успеть путём этой «агитации»?

Или ещё: допустим, что мы расширили агитацию, допустим, что народ поднялся, что же дальше? Как может он бороться без оружия? Разве недостаточно пролито крови безоружного народа! Да и к чему народу оружие, если он не умеет им пользоваться, если у него не будет достаточного количества красных отрядов? Нам скажут: мы не отказываемся от вооружения и красных отрядов. Допустим, но если вы не будете обращать должного внимания на дело вооружения, если вы забрасываете его, — это значит, что вы фактически отказываетесь от него.

Мы уж не говорим о том, что съезд даже не заикнулся об **организации** восстания и политике **наступления.** Впрочем, это так и должно было случиться, ибо резолюция съезда на четыре-пять лет отстала от жизни и для съезда восстание всё ещё было теоретическим вопросом.

Что говорили на съезде по этому вопросу большевики?

Они говорили, что «...в пропагандистской и агитационной работе партии **должно быть обращено усиленное внимание** на изучение практического опыта декабрьского восстания, на военную критику его и извлечение непосредственных уроков для будущего», что «следует **развить ещё более энергичную деятельность** по увеличению числа боевых дружин, улучшению организации их и снабжению их всякого рода оружием, причём, согласно указаниям опыта, следует организовать не только партийные боевые дружины, но также примыкающие к партии и совсем беспартийные...», что «ввиду нарастающего крестьянского движения, которое может в самом близком будущем вспыхнуть в целое восстание, желательно направить усилия на **объединение действий рабочих и крестьян для организации по возможности совместных и единовременных боевых выступлений...»**, что, следовательно, «...в силу нарастания и обострения нового политического кризиса открывается **переход от оборонительных к наступательным формам вооружённой борьбы...»**, что необходимы совместно с солдатами **«...самые решительные наступательные действия против правительства...»** и т. д. (см. резолюцию большевиков).

Так говорили большевики.

Но позиция большевиков была отклонена съездом.

После этого нетрудно понять, почему резолюции съезда с таким восторгом были встречены либералами-кадетами (см. «Наша Жизнь» № 432): они поняли, что **эти резолюции** на несколько лет отстали от нынешней революции, что эти резолюции совершенно

не выражают классовых задач пролетариата, что в силу **этих резолюций** пролетариат скорее может стать придатком либералов, нежели самостоятельной силой,— они поняли всё это и потому-то расхваливают их.

Задача партийных товарищей состоит в том, чтобы критически отнестись к резолюциям съезда и в своё время внести в них соответствующие поправки.

Именно эту задачу мы имели в виду, когда брались писать эту брошюру.

Правда, мы здесь коснулись только двух резолюций: «Об отношении к Государственной думе» и «О вооружённом восстании», но несомненно, что эти две резолюции являются основными резолюциями, которые наиболее чётко выражают тактическую позицию съезда.

Таким образом мы пришли к главному выводу, что вопрос поставлен в партии так: **должен ли сознательный пролетариат быть гегемоном в нынешней революции, или он должен плестись в хвосте буржуазных демократов?**

Мы видели, что от того или иного решения этого вопроса зависит решение и всех остальных вопросов. Тем более тщательно должны взвесить товарищи существо этих двух позиций.

Печатается по тексту брошюры, выпущенной издательством «Пролетариат» в 1906 г.
Подпись: Т о в а р и щ К.

Перевод с грузинского

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Союз буржуазии может быть поколеблен только союзом пролетариата.
К. Маркс

Чрезвычайно сложна современная жизнь! Она сплошь пестрит разными классами и группами: крупная, средняя и мелкая буржуазия; крупные, средние и мелкие феодалы; подмастерья, чернорабочие и квалифицированные фабрично-заводские рабочие; высшее, среднее и низшее духовенство; высшая, средняя и мелкая бюрократия; разнородная интеллигенция и другие подобные группы — вот какую пёструю картину представляет собой наша жизнь!

Но очевидно также и то, что чем дальше развивается жизнь, тем яснее в этой сложной жизни выступают две основные тенденции, тем резче эта сложная жизнь делится на два противоположных лагеря — лагерь капиталистов и лагерь пролетариев. Январские экономические стачки (1905 г.) ясно показали, что Россия действительно делится на два лагеря. Ноябрьские стачки в Петербурге (1905 г.) и июньско-июльские стачки по всей России (1906 г.) столкнули между собой вождей того и другого лагеря и тем самым до конца вскрыли современные классовые противоречия. С тех пор лагерь капиталистов не дремлет, в этом лагере ведётся

горячая и беспрестанная подготовка: создаются местные союзы капиталистов, местные союзы объединяются в областные союзы, областные союзы — во всероссийские союзы, основываются кассы и органы печати, созываются всероссийские съезды и конференции капиталистов...

Таким образом капиталисты организуются в отдельный класс с целью обуздания пролетариата.

С другой стороны, не дремлет и лагерь пролетариев. И тут идёт горячая подготовка к грядущей борьбе. Несмотря на преследования реакции, и тут основываются местные профессиональные союзы, местные союзы объединяются в областные союзы, основываются профессиональные кассы, растёт профессиональная пресса, созываются всероссийские съезды и конференции рабочих союзов...

Как видно, пролетарии также организуются в отдельный класс с целью обуздания эксплоатации.

Было время, когда «тишина и спокойствие» царили в жизни. Тогда не было видно и этих классов с их классовыми организациями. Разумеется, борьба происходила и тогда, но эта борьба имела местный, не общеклассовый характер: у капиталистов не было своих союзов, и каждый из них вынужден был справляться со «своими» рабочими собственными силами. Не было таких союзов и у рабочих, и, стало быть, рабочие каждого завода вынуждены были полагаться на свои силы. Правда, местные социал-демократические организации осуществляли руководство экономической борьбой рабочих, но всякий согласится, что это руководство было слабым и случайным: социал-демократические организации не управлялись даже с партийными делами.

Январские же экономические стачки явились поворотным пунктом. Капиталисты засуетились и начали организовывать местные союзы. Союзы капиталистов Петербурга, Москвы, Варшавы, Риги и других городов были вызваны к жизни январскими стачками. Что касается капиталистов нефтяного, марганцевого, каменноугольного и сахарного производств, то они свои старые и «мирные» союзы превратили в союзы «борьбы» и начали укреплять свои позиции. Однако капиталисты этим не удовольствовались. Они решили составить общероссийский союз, и вот, в марте 1905 г., по инициативе Морозова, они собрались на общий съезд в Москве. Это был первый всероссийский съезд капиталистов. Тут они заключили соглашение, в силу которого обязались без договорённости друг с другом не итти на уступки рабочим и «в крайнем» случае — объявлять **локаут** *. С этого момента начинается ожесточённая борьба капиталистов с пролетариями. С этого момента начинается полоса крупных локаутов в России. Для серьёзной борьбы нужен серьёзный союз, и вот капиталисты решили ещё раз собраться для создания более тесного союза. Так, в Москве, спустя три месяца после первого съезда (в июле 1905 г.), был созван второй всероссийский съезд капиталистов. Тут они ещё раз подтвердили резолюции первого съезда, ещё раз признали необходимость локаутов и избрали бюро, которое должно было разработать устав и позаботиться о созыве нового съезда. Тем временем резолюции съездов приводились в исполнение. Факты показали, что

* **Локаут** — это стачка хозяев, заключающаяся в том, что хозяева умышленно закрывают заводы, чтобы сломить сопротивление рабочих и похоронить их требования.

капиталисты точно выполняют эти резолюции. Если вспомните объявленные капиталистами локауты в Риге, Варшаве, Одессе, Москве и других крупных городах, если вспомните ноябрьские дни в Петербурге, когда 72 капиталиста пригрозили жестоким локаутом 200 000 петербургских рабочих,— то легко поймёте, какую крупную силу представляет собой общероссийский союз капиталистов и с какой точностью выполняют они постановления своего союза. Потом, после второго съезда, капиталисты устроили ещё один съезд (в январе 1906 г.), и, наконец, в апреле этого года состоялся уже всероссийский учредительный съезд капиталистов, на котором был принят единый устав и было избрано Центральное бюро. Как сообщают газеты, устав этот уже утверждён правительством.

Таким образом, несомненно, что российская крупная буржуазия уже организовалась в отдельный класс, она имеет свои местные, областные и центральную организации и может по единому плану поднять на ноги капиталистов всей России.

Снижение заработной платы, увеличение рабочего дня, обессиление пролетариата и разрушение его организаций — такова цель всеобщего союза капиталистов.

В то же время росло и развивалось профессиональное движение рабочих. Январские экономические стачки (1905 г.) и тут оказали своё влияние. Движение приняло массовый характер, его запросы расширились, и с течением времени выяснилось, что социал-демократические организации не могут в одно и то же время вести и партийные и профессиональные дела. Необходимо было своего рода разделение труда между пар-

тией и профессиональными союзами. Необходимо было, чтобы партийными делами руководили партийные организации, а профессиональными — профессиональные союзы. И вот, началась организация союзов. В Москве, Петербурге, Варшаве, Одессе, Риге, Харькове, Тифлисе — повсюду основывались союзы. Правда, реакция препятствовала этому, но, тем не менее, нужды движения брали своё, и союзы множились. Вскоре вслед за местными союзами появились областные союзы, и, наконец, дело дошло до того, что в сентябре прошлого года была созвана всероссийская конференция союзов. Это была первая конференция рабочих союзов. Плодом этой конференции, между прочим, было то, что она сблизила между собой союзы разных городов и, наконец, избрала Центральное бюро, которое должно было подготовить созыв всеобщего съезда союзов. Настали октябрьские дни,— и вдвойне усилились профессиональные союзы. Местные и, наконец, областные союзы росли с каждым днём. Правда, «декабрьское поражение» заметно затормозило дело создания союзов, но затем профессиональное движение вновь оправилось, и дело настолько наладилось, что в феврале этого года была созвана вторая конференция союзов в гораздо более широком и полном составе, чем первая конференция. Конференция признала необходимость местных, областных и общероссийского центров, избрала «организационную комиссию» по созыву предстоящего всероссийского съезда и приняла соответствующие резолюции по злободневным вопросам профессионального движения.

Таким образом, несомненно, что, несмотря на разгул реакции, пролетариат также организуется

в отдельный класс, он неустанно крепит свои местные, областные и центральную профессиональные организации и также неустанно старается объединить против капиталистов своих бесчисленных собратьев.

Повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда, обуздание эксплоатации и подрыв союзов капиталистов — такова цель профессиональных союзов рабочих.

Так современное общество раскалывается на два больших лагеря, каждый из лагерей организуется в отдельный класс, разгоревшаяся между ними классовая борьба с каждым днём углубляется и усиливается, и вокруг этих двух лагерей собираются все остальные группы.

Маркс говорил, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Это значит, что если сегодня пролетарии и капиталисты ведут между собой борьбу экономическую, завтра они вынуждены будут вести и политическую борьбу и, таким образом, двоякого рода борьбой защищать свои классовые интересы. У капиталистов имеются свои частные профессиональные интересы. Именно для обеспечения этих интересов существуют их экономические организации. Но, кроме частных профессиональных интересов, у них имеются ещё общеклассовые интересы, заключающиеся в укреплении капитализма. Именно ради этих общих интересов они нуждаются в политической борьбе и политической партии. Российские капиталисты этот вопрос разрешили очень просто: они увидели, что единственная партия, которая «прямо и бесстрашно» защищает их интересы,— это **партия октябристов**, поэтому они решили сплотиться вокруг этой партии и подчиниться её идейному руководству. С тех пор капиталисты ведут свою политическую борьбу под идейным руководством этой партии, с её помощью оказывают влияние на теперешнее правительство (которое закрывает рабочие союзы, но зато поспешно утверждает союзы капиталистов), проводят её кандидатов в Думу и т. д. и т. п.

Таким образом, экономическая борьба при помощи союзов, общеполитическая борьба под идейным руководством партии октябристов — вот какую форму принимает сегодня классовая борьба крупной буржуазии.

С другой стороны, подобные же явления наблюдаются в настоящее время и в классовом движении пролетариата. Для защиты профессиональных интересов пролетариев создаются профессиональные союзы, которые борются за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня и т. п. Но, кроме профессиональных интересов, пролетарии имеют ещё общеклассовые интересы, заключающиеся в социалистической революции и установлении социализма. Совершить же социалистическую революцию невозможно до тех пор, пока пролетариат не завоюет политического господства, как единый и нераздельный класс. Вот тут-то пролетариату и нужна политическая борьба и политическая партия, которая будет осуществлять идейное руководство его политическим движением. Конечно, рабочие союзы большей частью являются беспартийными и нейтральными. Но это означает лишь то, что они независимы от партии только в финансовом и организационном отношениях, т. е. они имеют собственные кассы, имеют собственные руководящие органы,

проводят собственные съезды и формально не обязаны подчиняться решениям политических партий. Что же касается **идейной** зависимости профсоюзов от той или иной политической партии, то такая зависимость безусловно должна существовать и не может не существовать, помимо всего прочего, хотя бы потому, что в союзы входят члены разных партий, которые неизбежно будут вносить туда свои политические убеждения. Ясно, что если пролетариат не может обойтись без политической борьбы, он не может обойтись и без идейного руководства той или иной политической партии. Больше того, он сам должен искать такую партию, которая достойным образом поведёт его союзы в «обетованную землю», к социализму. Но тут пролетариат должен быть начеку и действовать осмотрительно. Он должен внимательно разобраться в идейном багаже политических партий и свободно принять идейное руководство такой партии, которая мужественно и последовательно будет защищать его классовые интересы, которая будет высоко держать красное знамя пролетариата и смело поведёт его к политическому господству, к социалистической революции.

До сих пор такую роль выполняет **Российская соц.-дем. рабочая партия**, и, следовательно, задача профессиональных союзов состоит в том, чтобы принять её идейное руководство.

Как известно, это так и есть на самом деле.

Таким образом, экономические схватки при помощи профессиональных союзов, политические атаки под идейным руководством социал-демократии — вот какую форму приняла сегодня классовая борьба пролетариата.

Нет сомнения, что классовая борьба будет всё сильнее разгораться. Задача пролетариата — внести в свою борьбу систему и дух организованности. А для этого необходимо усиление союзов и объединение их между собой, чему большую службу мог бы сослужить общероссийский съезд союзов. Не «беспартийный рабочий съезд», а съезд профессиональных союзов рабочих нужен нам теперь для того, чтобы пролетариат организовался в единый и нераздельный класс. В то же время пролетариат должен всемерно стараться укреплять и усиливать ту партию, которая будет осуществлять идейно-политическое руководство его классовой борьбой.

Газета «Ахали Дроеба» («Новое Время»)[70] *№ 1, 14 ноября 1906 г.*

Подпись: К о ...

Перевод с грузинского

«ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО» И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА

(По поводу двух законов от 15 ноября)

Было время, когда наше рабочее движение находилось на начальных ступенях. Тогда пролетариат был раздроблён на отдельные группы и не думал об общей борьбе. Железнодорожные рабочие, горнорабочие, фабрично-заводские рабочие, ремесленники, приказчики, конторские служащие — вот на какие группы был раздроблён российский пролетариат. Кроме того, каждая группа в свою очередь распадалась на рабочих различных городов и местечек, между которыми не существовало никакой связи, ни партийной, ни профессиональной. Таким образом, не видно было пролетариата как единого и нераздельного класса. Следовательно, не видно было и пролетарской борьбы как общеклассового наступления. Вот почему царское правительство могло преспокойно продолжать свою «дедовскую» политику. Вот почему, когда в 1893 году в Государственный совет был представлен «проект страхования рабочих», вдохновитель реакции Победоносцев встретил авторов проекта насмешками и с апломбом заявил: «Господа, напрасно утруждали себя, можете быть спокойны: у нас не существует рабочего вопроса...»

Но время шло, экономический кризис приближался, стачки учащались, и разрозненный пролетариат постепенно организовывался в единый класс. Уже стачки 1903 года показали, что «у нас» давно «существует рабочий вопрос». Стачки в январе — феврале 1905 года впервые возвестили миру, что в России зреет и мужает пролетариат как единый класс. Наконец, всеобщие стачки в октябре — декабре 1905 года и «очередные» стачки в июне — июле 1906 года на деле сблизили пролетариев различных городов, на деле спаяли в единый класс приказчиков, конторщиков, ремесленников, промышленных рабочих и, тем самым, громко возвестили миру, что силы некогда разрозненного пролетариата ныне уже стали на путь объединения и организуются в единый класс. Здесь сказалась также сила всеобщей политической стачки как метода общепролетарской борьбы против нынешних порядков... Теперь уже невозможно было отрицать наличие «рабочего вопроса», здесь уже царское правительство было вынуждено считаться с движением. И вот, в кабинетах реакционеров началось составление различных комиссий, проектов «фабричных законов»: комиссия Шидловского [80], комиссия Коковцева [81], закон о союзах [82] (см. «Манифест» 17 октября), циркуляры Витте — Дурново [83], разные проекты и планы и, наконец, два закона от 15 ноября относительно ремесленников и торговых служащих.

Пока движение было беспомощно, пока оно не приняло массового характера, реакция знала против пролетариата только одно средство, это средство — тюрьма, Сибирь, нагайка и виселица. Реакция везде и всегда преследует одну цель: расколоть пролетариат на мелкие группы, сломить его передовой отряд, запугать

и привлечь на свою сторону нейтральную массу и, таким образом, вызвать разброд в лагере пролетариата. Мы видели, что этой цели она отлично достигала с помощью нагаек и тюрем.

Но дело повернулось совершенно иначе, когда движение приняло массовый характер. Теперь реакция имела дело уже не только с «зачинщиками»,— перед ней стояла неисчислимая масса во всём своём революционном величии. И она должна была считаться именно с этой массой. А массу не перевешаешь, не сошлёшь в Сибирь, не вместишь в тюрьмы. Сечь же её нагайками не всегда наруку реакции, почва под которой давно уже заколебалась. Ясно, что наряду со старыми средствами необходимо было новое, «более культурное» средство, которое, по мнению реакции, могло бы углубить разногласия в лагере пролетариата, возбудить ложные надежды у отсталой части рабочих, заставить их отказаться от борьбы и объединить их вокруг правительства.

Именно таким новым средством и является «фабричное законодательство».

Таким образом, царское правительство, не выпуская из рук старого средства, в то же время хочет использовать и «фабричное законодательство» и, следовательно, с помощью нагайки и закона разрешить «злободневный рабочий вопрос». Оно хочет путём разных обещаний насчёт сокращения рабочего дня, охраны детского и женского труда, улучшения гигиенических условий, страхования рабочих, отмены штрафов и других подобных благ завоевать доверие отсталой части рабочих и тем самым вырыть могилу классовому единству пролетариата. Царское правительство хорошо

знает, что подобная «деятельность» для него никогда не была так необходима, как теперь, в данный момент, когда всеобщая стачка в октябре объединила пролетариев различных отраслей и подорвала корни реакции, когда будущая всеобщая стачка может превратиться в вооружённую борьбу и свергнуть старые порядки, когда, следовательно, реакции необходим, как воздух, разброд в рабочем лагере, завоевание доверия отсталых рабочих и привлечение их на свою сторону.

В этом отношении весьма интересен тот факт, что законами от 15 ноября реакция обратила свой милостивый взор только на **приказчиков и ремесленников**, и это в то время, когда лучших сынов **промышленного** пролетариата она отправляет в тюрьмы и на виселицу. Если вдуматься в дело, это и не удивительно. Во-первых, приказчики, ремесленники и служащие торговых заведений не сосредоточены, подобно промышленным рабочим, на крупных фабриках и заводах, они разбросаны по разным мелким предприятиям, они сравнительно более отсталые в смысле сознательности и, следовательно, их легче обмануть, чем других. Во-вторых, приказчики, конторщики и ремесленники составляют значительную часть пролетариата современной России, и, следовательно, отход их от борющихся пролетариев заметно ослабил бы силу пролетариата как в нынешних выборах, так и во время будущего выступления. Наконец, всем известно, что в нынешней революции городская мелкая буржуазия имеет большое значение, всем известно, что для социал-демократии необходимо её революционизирование под гегемонией пролетариата, известно также то, что никто так не сумеет привлечь мелкую буржуазию на свою

сторону, как ремесленники, приказчики и конторские служащие, которые стоят к ней ближе, чем остальные пролетарии. Ясно, что отход приказчиков и ремесленников от пролетариата отдалит от него также и мелкую буржуазию и обречёт его на одиночество в городе, чего так желает царское правительство. После этого само собой понятно, для чего реакция состряпала законы от 15 ноября, затрагивающие только ремесленников, приказчиков и конторщиков. Что касается промышленного пролетариата, то он всё равно не доверяет правительству, «фабричное законодательство» для него ни к чему, и разве только пули могут его образумить. Чего не сделает закон, то должна восполнить пуля!..

Так думает царское правительство.

И таким образом думает не только наше правительство, но и всякое другое антипролетарское правительство — всё равно, будет ли это правительство феодально-самодержавное, буржуазно-монархическое или буржуазно-республиканское. С пролетариатом всюду борются с помощью пуль и закона, и так будет до тех пор, пока не грянет социалистическая революция, пока не будет установлен социализм. Вспомните 1824—25 годы в конституционной Англии, когда разрабатывался закон о свободе стачек и в то же время тюрьмы заполнялись бастующими рабочими. Вспомните республиканскую Францию сороковых годов прошлого столетия, когда велись разговоры о «фабричном законодательстве» и в то же время улицы Парижа заливались кровью рабочих. Вспомните всё это и множество других подобных фактов, и вы увидите, что это именно так и есть.

Это, однако, вовсе не значит, что пролетариат не может использовать подобные законы. Правда, реакция,

издавая «фабричные законы», имеет свои планы,— она хочет обуздать пролетариат, но жизнь шаг за шагом разрушает её планы, и в таких случаях в закон всегда вкрадываются полезные пролетариату статьи. И это происходит потому, что ни один «фабричный закон» не появляется в свет без причин, без борьбы, ни один «фабричный закон» не издаётся правительством до тех пор, пока рабочие не выйдут на борьбу, пока правительство не станет перед необходимостью удовлетворить их требования. История показывает, что каждому «фабричному закону» предшествует частичная или всеобщая стачка. Июньскому закону 1882 года (о найме детей, рабочем времени для них и учреждении фабричной инспекции) предшествовали стачки в Нарве, Перми, Петербурге и Жирардове в том же году. Июньско-октябрьские законы 1886 года (о штрафах, расчётных книжках и т. д.) были прямым результатом стачек 1885—86 годов в центральном районе. Июньскому закону 1897 года (о сокращении рабочего дня) предшествовали стачки 1895—96 годов в Петербурге. Законы 1903 года (об «ответственности предпринимателей» и «фабричных старостах») были прямым результатом «южных стачек» в том же году. Наконец, законы от 15 ноября 1906 года (о сокращении рабочего дня и воскресном отдыхе приказчиков, конторщиков и ремесленников) являются прямым результатом июньско-июльских стачек текущего года по всей России.

Как видите, каждому «фабричному закону» предшествовало движение масс, которые так или иначе добивались удовлетворения своих требований, если не полностью, то хотя бы частично. Отсюда само собой ясно, что в «фабричном законе», каким бы плохим он

ни был, всё же оказывается несколько статей, которыми пролетариат воспользуется для усиления своей борьбы. Нечего и доказывать, что он должен ухватиться за такие статьи и использовать их в качестве орудия для того, чтобы ещё больше укрепить свои организации и пуще прежнего разжечь пролетарскую борьбу, борьбу за социалистическую революцию. Недаром Бебель говорил: «Рубить голову чорту надо его же мечом»...

В этом отношении весьма интересны оба закона от 15 ноября. Там, конечно, имеется много плохих статей, но есть и такие статьи, которые реакция внесла бессознательно и которые **сознательно** должен использовать пролетариат.

Так, например, несмотря на то, что оба закона называются законами «об охране труда», туда внесены такие безобразные статьи, которые в корне отрицают всякую «охрану труда» и которыми кое-где даже хозяева побрезгают воспользоваться. Оба закона устанавливают в торговых и ремесленных заведениях 12-часовой рабочий день, несмотря на то, что во многих местах 12-часовой рабочий день уже упразднён и введён 10- или 8-часовой. Оба закона признают допустимой сверхурочную работу по 2 часа в день (14-часовой рабочий день) в течение 40 дней в торговых предприятиях и 60 дней в мастерских, несмотря на то, что почти везде отменена всякая сверхурочная работа. Вместе с тем, хозяева имеют право по «соглашению с рабочими», т. е. путём принуждения рабочих, продлить сверхурочную работу, доведя рабочий день до 17 часов, и т. д. и т. п.

Конечно, пролетариат не уступит хозяевам ни единого золотника из раз завоёванных прав, и побасенки

упомянутых законов так и останутся смешными побасенками.

С другой стороны, есть и такие статьи, которые пролетариат прекрасно использует для укрепления своих позиций. Оба закона говорят, что там, где работа продолжается не менее 8 часов в день, **работнику предоставляется 2 часа на обед**, причём, как известно, ныне ремесленники, приказчики и конторщики не везде пользуются двухчасовым отдыхом. Оба закона говорят также, что **лицам моложе семнадцати лет предоставляется право, кроме этих 2 часов, отлучаться из магазина или мастерской ещё на 3 часа ежедневно для посещения школы**, что, разумеется, будет большим облегчением для наших молодых товарищей...

Не может быть сомнения, что пролетариат достойным образом использует такие статьи законов от 15 ноября, достойным образом усилит свою пролетарскую борьбу и ещё раз докажет миру, что рубить голову чорту надо его же мечом.

Газета «Ахали Дроеба»
(«Новое Время») № 4,
4 декабря 1906 г.
Подпись: К о ...

Перевод с грузинского

АНАРХИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?[84]

Стержнем современной общественной жизни является классовая борьба. А в ходе этой борьбы каждый класс руководствуется своей идеологией. У буржуазии есть своя идеология — это так называемый **либерализм.** Есть своя идеология и у пролетариата — это, как известно, **социализм.**

Либерализм нельзя считать чем-то цельным и нераздельным: он подразделяется на различные направления соответственно различным прослойкам буржуазии.

Не является цельным и нераздельным и социализм: в нём также имеются различные направления.

Мы не станем здесь заниматься рассмотрением либерализма,— это лучше отложить на другое время. Мы хотим ознакомить читателя только с социализмом и его течениями. По нашему мнению, это для него будет более интересно.

Социализм делится на три главных течения: **реформизм, анархизм** и **марксизм.**

Реформизм (Бернштейн и др.), который считает социализм только отдалённой целью и ничем больше, реформизм, который фактически отрицает социалистическую революцию и пытается установить социализм мирным путём, реформизм, который проповедует не борьбу классов, а их сотрудничество,— этот реформизм изо дня в день разлагается, изо дня в день теряет всякие признаки социализма, и, по нашему мнению, рассмотрение его здесь, в этих статьях, при определении социализма, не представляет никакой надобности.

Совсем иное дело марксизм и анархизм: оба они в настоящее время признаются социалистическими течениями, оба ведут ожесточённую борьбу между собой, оба они стараются представить себя в глазах пролетариата учениями подлинно социалистическими, и, конечно, рассмотрение и противопоставление их друг другу будет для читателя гораздо более интересным.

Мы не принадлежим к тем людям, которые при упоминании слова «анархизм» презрительно отворачиваются и, махнув рукою, говорят: «Охота вам заниматься им, даже и говорить-то о нём не стоит!» Мы полагаем, что такая дешёвая «критика» является и недостойной, и бесполезной.

Мы не принадлежим и к тем людям, которые утешают себя тем, что у анархистов-де «нет массы и поэтому они не так уж опасны». Дело не в том, за кем сегодня идёт бо́льшая или меньшая «масса»,— дело в существе учения. Если «учение» анархистов выражает истину, тогда оно, само собой разумеется, обязательно проложит себе дорогу и соберёт вокруг себя массу. Если же оно несостоятельно и построено на ложной основе, оно долго не продержится и повиснет в воздухе. Несостоятельность же анархизма должна быть доказана.

Некоторые считают, что у марксизма и у анархизма одни и те же принципы, что между ними лишь

тактические разногласия, так что, по их мнению, совершенно невозможно противопоставлять друг другу эти два течения.

Но это большая ошибка.

Мы считаем, что анархисты являются настоящими врагами марксизма. Стало быть, мы признаём и то, что с настоящими врагами надо вести и настоящую борьбу. А поэтому необходимо рассмотреть «учение» анархистов с начала и до конца и основательно взвесить его со всех сторон.

Дело в том, что марксизм и анархизм построены на совершенно различных принципах, несмотря на то, что оба они выступают на арене борьбы под социалистическим флагом. Краеугольный камень анархизма — **личность,** освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива. По мнению анархизма, освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, ввиду чего его лозунг: «Всё для личности». Краеугольным же камнем марксизма является **масса,** освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности. То есть, по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего его лозунг: «Всё для массы».

Ясно, что здесь мы имеем два принципа, отрицающие друг друга, а не только тактические разногласия.

Цель наших статей — сопоставить эти два противоположных принципа, сравнить между собой марксизм и анархизм и тем самым осветить их достоинства и недостатки. При этом, мы считаем нужным здесь же ознакомить читателя с планом статей.

Мы начнём с характеристики марксизма, попутно коснёмся взглядов анархистов на марксизм, а потом перейдём к критике самого анархизма. А именно: изложим диалектический метод, взгляды анархистов на этот метод и нашу критику; материалистическую теорию, взгляды анархистов и нашу критику (здесь же будет сказано о социалистической революции, социалистической диктатуре, программе-минимум и вообще о тактике); философию анархистов и нашу критику; социализм анархистов и нашу критику; тактику и организацию анархистов — и в заключение дадим наши выводы.

Мы постараемся доказать, что анархисты как проповедники социализма мелких общин не являются подлинными социалистами.

Мы постараемся также доказать, что анархисты, поскольку они отрицают диктатуру пролетариата, не являются и подлинными революционерами...

Итак, приступим к делу.

I

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД

В мире всё движется... Изменяется жизнь, растут производительные силы, рушатся старые отношения.

К. Маркс

Марксизм — это не только теория социализма, это — цельное мировоззрение, философская система, из которой само собой вытекает пролетарский социализм Маркса. Эта философская система называется диалектическим материализмом.

Поэтому изложить марксизм — это значит изложить и диалектический материализм.

Почему эта система называется диалектическим материализмом?

Потому, что **метод** её — диалектический, а **теория** — материалистическая.

Что такое диалектический метод?

Говорят, что общественная жизнь находится в состоянии непрестанного движения и развития. И это верно: жизнь нельзя считать чем-то неизменным и застывшим, она никогда не останавливается на одном уровне, она находится в вечном движении, в вечном процессе разрушения и созидания. Поэтому в жизни всегда существует **новое** и **старое, растущее** и **умирающее**, революционное и контрреволюционное.

Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно такой, какова она в действительности. Мы видели, что жизнь находится в непрестанном движении, следовательно, мы должны рассматривать жизнь в её движении и ставить вопрос: куда идёт жизнь? Мы видели, что жизнь представляет картину постоянного разрушения и созидания, следовательно, наша обязанность — рассматривать жизнь в её разрушении и созидании и ставить вопрос: что разрушается и что созидается в жизни?

То, что в жизни рождается и изо дня в день растёт,— неодолимо, остановить его движение вперёд невозможно. То есть, если, например, в жизни рождается пролетариат как класс и он изо дня в день растёт, то как бы слаб и малочислен ни был он **сегодня**, в конце концов он всё же победит. Почему? Потому, что он растёт, усиливается и идёт вперёд. Наоборот, то, что

в жизни стареет и идёт к могиле, неизбежно должно потерпеть поражение, хотя бы оно **сегодня** представляло из себя богатырскую силу. То есть, если, например, буржуазия постепенно теряет почву под ногами и с каждым днём идёт вспять, то как бы сильна и многочисленна ни была она сегодня, в конце концов она всё же потерпит поражение. Почему? Да потому, что она как класс разлагается, слабеет, стареет и становится лишним грузом в жизни.

Отсюда и возникло известное диалектическое положение: всё то, что действительно существует, т. е. всё то, что изо дня в день растёт,— разумно, а всё то, что изо дня в день разлагается,— неразумно и, стало быть, не избегнет поражения.

Пример. В восьмидесятых годах прошлого столетия в среде русской революционной интеллигенции возник большой спор. Народники утверждали, что главная сила, которая может взять на себя «освобождение России»,— это мелкая буржуазия деревни и города. Почему? — спрашивали их марксисты. Потому, говорили народники, что мелкая буржуазия деревни и города составляет теперь большинство и, кроме того, она бедна и живёт в нищете.

Марксисты отвечали: верно, что мелкая буржуазия деревни и города теперь составляет большинство и что она действительно бедна, но разве в этом дело? Мелкая буржуазия уже давно составляет большинство, но до сих пор она без помощи пролетариата никакой инициативы в борьбе за «свободу» не проявляла. А почему? Да потому, что мелкая буржуазия как класс не растёт, наоборот, она изо дня в день разлагается и распадается на буржуа и пролетариев. С другой стороны, разумеется,

и бедность не имеет тут решающего значения: «босяки» беднее мелкой буржуазии, но никто не скажет, что они могут взять на себя «освобождение России».

Как видите, дело заключается не в том, какой класс сегодня составляет большинство или какой класс беднее,— а в том, какой класс крепнет и какой разлагается.

И так как пролетариат — это единственный класс, который непрерывно растёт и крепнет, который двигает вперёд общественную жизнь и собирает вокруг себя все революционные элементы, то наша обязанность — признать его главной силой в современном движении, стать в его ряды и сделать его передовые стремления своими стремлениями.

Так отвечали марксисты.

Очевидно, марксисты диалектически смотрели на жизнь, тогда как народники рассуждали метафизически,— они представляли общественную жизнь застывшей на одной точке.

Так смотрит диалектический метод на развитие жизни.

Но есть движение и движение. Было движение в общественной жизни в «декабрьские дни», когда пролетариат, разогнув спину, нападал на склады оружия и шёл в атаку на реакцию. Но общественным движением надо назвать и движение предыдущих лет, когда пролетариат в условиях «мирного» развития ограничивался отдельными забастовками и созданием мелких профсоюзов.

Ясно, что движение имеет различные формы.

И вот диалектический метод говорит, что движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную.

Движение эволюционно, когда прогрессивные элементы стихийно продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, **количественные,** изменения.

Движение революционно, когда те же элементы объединяются, проникаются единой идеей и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь **качественные** изменения, установить новые порядки.

Эволюция подготовляет революцию и создаёт для неё почву, а революция завершает эволюцию и содействует её дальнейшей работе.

Такие же процессы имеют место и в жизни природы. История науки показывает, что диалектический метод является подлинно научным методом: начиная с астрономии и кончая социологией — везде находит подтверждение та мысль, что в мире нет ничего вечного, что всё изменяется, всё развивается. Следовательно, всё в природе должно рассматриваться с точки зрения движения, развития. А это означает, что дух диалектики пронизывает всю современную науку.

Что же касается форм движения, что касается того, что, согласно диалектике, мелкие, **количественные,** изменения в конце концов приводят к большим, **качественным,** изменениям,— то этот закон в равной мере имеет силу и в истории природы. Менделеевская «периодическая система элементов» ясно показывает, какое большое значение в истории природы имеет возникновение качественных изменений из изменений количественных. Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неодарвинизм.

Мы ничего не говорим о других фактах, с достаточной полнотой освещённых Ф. Энгельсом в его «Анти-Дюринге».

Таково содержание диалектического метода.

* * *

Как смотрят анархисты на диалектический метод?

Всем известно, что родоначальником диалектического метода был Гегель. Маркс очистил и улучшил этот метод. Конечно, это обстоятельство известно и анархистам. Они знают, что Гегель был консерватором, и вот, пользуясь случаем, они во-всю бранят Гегеля как сторонника «реставрации», они с увлечением «доказывают», что «Гегель — философ реставрации... что он восхваляет бюрократический конституционализм в его абсолютной форме, что общая идея его философии истории подчинена и служит философскому направлению эпохи реставрации», и так далее и тому подобное (см. «Нобати»[85] № 6. Статья В. Черкезишвили).

То же самое «доказывает» в своих сочинениях известный анархист Кропоткин (см., например, его «Науку и анархизм» на русском языке).

Кропоткину в один голос вторят наши кропоткинцы, начиная от Черкезишвили вплоть до Ш. Г. (см. номера «Нобати»).

Правда, об этом никто с ними не спорит, наоборот, каждый согласится с тем, что Гегель не был революционером. Сами Маркс и Энгельс раньше всех доказали в своей «Критике критической критики», что исторические взгляды Гегеля в корне противоречат самодержавию народа. Но, несмотря на это, анархисты

всё же «доказывают» и считают нужным каждый день «доказывать», что Гегель — сторонник «реставрации». Для чего они это делают? Вероятно, для того, чтобы всем этим дискредитировать Гегеля и дать почувствовать читателю, что у «реакционера» Гегеля и метод не может не быть «отвратительным» и ненаучным.

Таким путём анархисты думают опровергнуть диалектический метод.

Мы заявляем, что таким путём они не докажут ничего, кроме своего собственного невежества. Паскаль и Лейбниц не были революционерами, но открытый ими математический метод признан ныне научным методом. Майер и Гельмгольц не были революционерами, но их открытия в области физики легли в основу науки. Не были революционерами также Ламарк и Дарвин, но их эволюционный метод поставил на ноги биологическую науку... Почему же нельзя признать тот факт, что, несмотря на консерватизм Гегеля, ему, Гегелю, удалось разработать научный метод, именуемый диалектическим?

Нет, **этим путём** анархисты не докажут ничего, кроме собственного невежества.

Пойдём дальше. По мнению анархистов, «диалектика — это метафизика», а так как они «хотят освободить науку от метафизики, философию от теологии», то они и отвергают диалектический метод (см. «Нобати» №№ 3 и 9. Ш. Г. См. также «Наука и анархизм» Кропоткина).

Ну и анархисты! Как говорится, «с больной головы на здоровую». Диалектика созрела в борьбе с метафизикой, в этой борьбе она стяжала себе славу, а по мнению анархистов выходит, что диалектика — это метафизика!

Диалектика говорит, что в мире нет ничего вечного, в мире всё преходяще и изменчиво, изменяется природа, изменяется общество, меняются нравы и обычаи, меняются понятия о справедливости, меняется сама истина,— поэтому-то диалектика и смотрит на всё критически, поэтому-то она и отрицает раз навсегда установленную истину, следовательно, она отрицает и отвлечённые «догматические положения, которые остаётся только зазубрить, раз они открыты» (см. **Ф. Энгельс,** «Людвиг Фейербах»)[86].

Метафизика же говорит нам совершенно другое. Для неё мир есть нечто вечное и неизменное (см. **Ф. Энгельс,** «Анти-Дюринг»), он раз и навсегда определён кем-то или чем-то,— вот почему у метафизиков всегда на языке «вечная справедливость» и «неизменная истина».

«Родоначальник» анархистов Прудон говорил, что в мире существует **раз навсегда определённая неизменная справедливость**, которая должна быть положена в основу будущего общества. В связи с этим Прудона называли метафизиком. Маркс боролся против Прудона с помощью диалектического метода и доказывал, что раз в мире всё изменяется, то должна изменяться и «справедливость», и, следовательно, «неизменная справедливость» — это метафизический бред (см. **К. Маркс,** «Нищета философии»). Грузинские же ученики метафизика Прудона твердят нам: «Диалектика Маркса — это метафизика»!

Метафизика признаёт различные туманные догмы, как например, «непознаваемое», «вещь в себе», и в конце концов переходит в бессодержательное богословие. В противоположность Прудону и Спенсеру Энгельс боролся против этих догм при помощи диалектического

метода (см. «Людвиг Фейербах»). А анархисты — ученики Прудона и Спенсера — говорят нам, что Прудон и Спенсер — учёные, а Маркс и Энгельс — метафизики!

Одно из двух: либо анархисты обманывают самих себя, либо не ведают, что говорят.

Во всяком случае, несомненно то, что анархисты смешивают **метафизическую** систему Гегеля с его **диалектическим** методом.

Нечего и говорить, что **философская система** Гегеля, опирающаяся на неизменную идею, является от начала до конца **метафизической.** Но ясно также и то, что **диалектический метод** Гегеля, отрицающий всякую неизменную идею, является от начала до конца **научным** и **революционным.**

Вот почему Карл Маркс, подвергший метафизическую систему Гегеля уничтожающей критике, в то же время с похвалой отзывался о его диалектическом методе, который, по словам Маркса, «ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критичен и революционен» (см. «Капитал», т. I. Послесловие).

Вот почему Энгельс усматривает большое различие между методом Гегеля и его системой. «Человек, дороживший преимущественно **системой** Гегеля, мог быть довольно консервативным в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический **метод,** мог и в политике и в религии принадлежать к самой крайней оппозиции» (см. «Людвиг Фейербах»).

Анархисты не видят этого различия и необдуманно твердят, что «диалектика — это метафизика».

Пойдём дальше. Анархисты говорят, что диалектический метод — «хитросплетение», «метод софизмов»,

«логического сальтомортале» (см. «Нобати» № 8. Ш. Г.), «при помощи которого одинаково легко доказываются и истина и ложь» (см. «Нобати» № 4. Статья В. Черкезишвили).

Итак, по мнению анархистов, диалектический метод одинаково доказывает истину и ложь.

На первый взгляд может показаться, что обвинение, выдвинутое анархистами, не лишено основания. Послушайте, например, что говорит Энгельс о последователе метафизического метода:

«...Речь его состоит из «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга...» (см. «Анти-Дюринг». Введение).

Как же так! — горячатся анархисты. — Разве возможно, чтобы один и тот же предмет в одно и то же время был и хорошим и плохим?! Ведь это «софизм», «игра слов», ведь это значит, что «вы хотите с одинаковой лёгкостью доказать истину и ложь»!..

Однако, вдумаемся в суть дела.

Сегодня мы требуем демократической республики. Можем ли мы сказать, что демократическая республика во всех отношениях хороша или во всех отношениях плоха? Нет, не можем! Почему? Потому, что демократическая республика хороша только с одной стороны, когда она разрушает феодальные порядки, но зато она плоха с другой стороны, когда она укрепляет буржуазные порядки. Поэтому мы и говорим: поскольку демократическая республика разрушает феодальные порядки, постольку она хороша, — и мы боремся за неё,

но поскольку она укрепляет буржуазные порядки, постольку она плоха, — и мы боремся против неё.

Выходит, что одна и та же демократическая республика в одно и то же время и «хороша» и «плоха» — и «да» и «нет».

То же самое можно сказать о восьмичасовом рабочем дне, который в одно и то же время и «хорош», поскольку он усиливает пролетариат, и «плох», поскольку он укрепляет систему наёмного труда.

Именно такие **факты** имел в виду Энгельс, когда он приведёнными выше словами характеризовал диалектический метод.

Анархисты же не поняли этого, и совершенно ясная мысль показалась им туманным «софизмом».

Конечно, анархисты вольны замечать или не замечать эти **факты**, они даже могут на песчаном берегу не замечать песка, — это их право. Но при чём тут диалектический метод, который, в отличие от анархизма, не смотрит на жизнь закрытыми глазами, чувствует биение пульса жизни и прямо говорит: коль скоро жизнь изменяется и находится в движении, — всякое жизненное явление имеет две тенденции: положительную и отрицательную, из коих первую мы должны защищать, а вторую отвергнуть.

Пойдём ещё дальше. По мнению наших анархистов, «диалектическое развитие есть развитие катастрофическое, посредством которого сначала полностью уничтожается прошлое, а затем совершенно обособленно утверждается будущее... Катаклизмы Кювье порождались неизвестными причинами, катастрофы же Маркса — Энгельса порождаются диалектикой» (см. «Нобати» № 8. Ш. Г.).

А в другом месте тот же автор пишет: «Марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически» (см. «Нобати» № 6).

Обратите внимание!

Кювье отрицает дарвиновскую эволюцию, он признаёт только катаклизмы, а катаклизм — **неожиданный** взрыв, «порождаемый **неизвестными** причинами». Анархисты говорят, что марксисты **примыкают к** Кювье и, следовательно, **отвергают дарвинизм.**

Дарвин отрицает катаклизмы Кювье, он признаёт постепенную эволюцию. И вот те же анархисты говорят, что «марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически», т. е. марксисты отрицают **катаклизмы Кювье.**

Одним словом, анархисты обвиняют марксистов в том, что они примыкают к Кювье, и в то же время упрекают их в том, что они примыкают к Дарвину, а не к Кювье.

Вот она — анархия! Как говорится: унтер-офицерская вдова сама себя высекла! Ясно, что Ш. Г. из восьмого номера «Нобати» забыл о том, что говорил Ш. Г. из шестого номера.

Который из них прав: восьмой или шестой номер?

Обратимся к фактам. Маркс говорит:

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности... Тогда наступает эпоха социальной революции». Но «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для

которых она даёт достаточно простора...» (см. **К. Маркс,** «К критике политической экономии». Предисловие)[87].

Если применить этот тезис Маркса к современной общественной жизни, то получится, что между современными производительными силами, имеющими **общественный** характер, и формой присвоения продуктов, имеющей **частный** характер, существует коренной конфликт, который должен завершиться социалистической революцией (см. **Ф. Энгельс,** «Анти-Дюринг». Вторая глава третьего раздела).

Как видите, по мнению Маркса и Энгельса, революцию порождают не «неизвестные причины» Кювье, а совершенно определённые и жизненные общественные причины, называемые «развитием производительных сил».

Как видите, по мнению Маркса и Энгельса, революция совершается только тогда, когда достаточно созреют производительные силы, а не **неожиданно,** как это думал Кювье.

Ясно, что между катаклизмами Кювье и диалектическим методом Маркса нет ничего общего.

С другой стороны, дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятое развитие, включающее революцию, тогда как с точки зрения диалектического метода эволюция и революция, количественное и качественное изменения,— это две необходимые формы одного и того же движения.

Очевидно нельзя утверждать и того, что «марксизм... некритически относится к дарвинизму».

Выходит, что «Нобати» ошибается в обоих случаях, как в шестом, так и в восьмом номере.

Наконец, анархисты упрекают нас в том, что «диалектика... не даёт возможности ни выйти или

выскочить из себя, ни перепрыгнуть через самого себя» (см. «Нобати» № 8. Ш. Г.).

Вот это, гг. анархисты, сущая истина, тут вы, почтенные, совершенно правы: диалектический метод действительно не даёт такой возможности. Но почему не даёт? А потому, что «выскакивать из себя и перепрыгивать через самого себя» — это занятие диких коз, диалектический же метод создан для людей.

Вот в чём секрет!..

Таковы в общем взгляды анархистов на диалектический метод.

Ясно, что анархисты не поняли диалектического метода Маркса и Энгельса,— они выдумали свою собственную диалектику и именно с нею и сражаются так беспощадно.

Нам же остаётся только смеяться, глядя на это зрелище, ибо нельзя не смеяться, когда видишь, как человек борется со своей собственной фантазией, разбивает свои собственные вымыслы и в то же время с жаром уверяет, что он разит противника.

II
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».
К. Маркс

С диалектическим методом мы уже знакомы.

Что такое материалистическая теория?

Всё в мире изменяется, всё в жизни развивается, но **как** происходит это изменение и **в каком виде** совершается это развитие?

Мы знаем, например, что земля некогда представляла раскалённую огненную массу, затем она постепенно остыла, затем возникли растения и животные, за развитием животного мира последовало появление определённого рода обезьян, и потом за всем этим последовало появление человека.

Так происходило в общем развитие природы.

Знаем также и то, что и общественная жизнь также не стояла на одном месте. Было время, когда люди жили на первобытно-коммунистических началах; в то время они поддерживали своё существование первобытной охотой, они бродили по лесам и так добывали себе пищу. Наступило время, когда первобытный коммунизм сменился матриархатом,— в это время люди удовлетворяли свои потребности преимущественно посредством первобытного земледелия. Затем матриархат сменился патриархатом, когда люди поддерживали своё существование преимущественно скотоводством. Затем патриархат сменился рабовладельческим строем,— тогда люди поддерживали своё существование сравнительно более развитым земледелием. За рабовладельческим строем последовало крепостничество, а потом за всем этим последовал буржуазный строй.

Так происходило в общем развитие общественной жизни.

Да, всё это известно... Но как совершалось это развитие: сознание ли вызывало развитие «природы» и «общества», или, наоборот, развитие «природы» и «общества» вызывало развитие сознания?

Так ставит вопрос материалистическая теория.

Некоторые говорят, что «природе» и «общественной жизни» предшествовала мировая идея, которая потом

легла в основу их развития, так что развитие явлений «природы» и «общественной жизни» является, так сказать, внешней формой, простым выражением развития мировой идеи.

Таково было, например, учение **идеалистов**, которые со временем разделились на несколько течений.

Другие же говорят, что в мире изначально существуют две друг друга отрицающие силы — идея и материя, сознание и бытие, и что, в соответствии с этим, явления также делятся на два ряда — идеальный и материальный, которые отрицают друг друга и борются между собой, так что развитие природы и общества — это постоянная борьба между идеальными и материальными явлениями.

Таково было, например, учение **дуалистов**, которые со временем, подобно идеалистам, разделились на несколько течений.

Материалистическая теория в корне отрицает как дуализм, так и идеализм.

Конечно, в мире существуют идеальные и материальные явления, но это вовсе не означает того, будто они отрицают друг друга. Наоборот, идеальная и материальная стороны суть две различные формы одной и той же природы или общества, их нельзя представить друг без друга, они существуют вместе, развиваются вместе, и, следовательно, у нас нет никакого основания думать, что они отрицают друг друга.

Таким образом, так называемый дуализм оказывается несостоятельным.

Единая и неделимая природа, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной; единая и неделимая общественная жизнь, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеаль-

ной, — вот как мы должны смотреть на развитие природы и общественной жизни.

Таков монизм материалистической теории.

В то же время материалистическая теория отрицает и идеализм.

Неправильна та мысль, будто идеальная сторона, и вообще сознание, в своём развитии предшествует развитию материальной стороны. Ещё не было живых существ, но уже существовала так называемая внешняя, «неживая» природа. Первое живое существо не обладало никаким сознанием, оно обладало лишь свойством **раздражимости** и первыми зачатками **ощущения**. Затем у животных постепенно развивалась способность ощущения, медленно переходя в **сознание**, в соответствии с развитием строения их организма и нервной системы. Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок её — человек — не мог бы свободно пользоваться своими лёгкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания. Или ещё: если бы обезьяна не стала на задние ноги, то потомок её — человек — был бы вынужден всегда ходить на четвереньках, смотреть вниз и оттуда черпать свои впечатления; он не имел бы возможности смотреть вверх и вокруг себя и, следовательно, не имел бы возможности доставить своему мозгу больше впечатлений, чем их имеет четвероногое животное. Всё это коренным образом задержало бы развитие человеческого сознания.

Выходит, что для развития сознания необходимо то или иное строение организма и развитие его нервной системы.

Выходит, что развитию идеальной стороны, развитию сознания, **предшествует** развитие материальной стороны, развитие внешних условий: сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материальная сторона, а **затем** соответственно изменяется сознание, идеальная сторона.

Таким образом, история развития природы в корне подрывает так называемый идеализм.

То же самое надо сказать и об истории развития человеческого общества.

История показывает, что если в разные времена люди проникались различными мыслями и желаниями, то причина этого в том, что в разные времена люди по-разному боролись с природой для удовлетворения своих потребностей, и, в соответствии с этим, по-разному складывались их экономические отношения. Было время, когда люди боролись с природой сообща, на первобытно-коммунистических началах, тогда и их собственность была коммунистической, и поэтому они тогда почти не различали «моё» и «твоё», их сознание было коммунистическим. Наступило время, когда в производство проникло различение «моего» и «твоего»,— тогда и собственность приняла частный, индивидуалистический характер, и поэтому сознание людей прониклось чувством частной собственности. Наступает время, нынешнее время, когда производство вновь принимает общественный характер, следовательно, скоро и собственность примет общественный характер,— и именно поэтому сознание людей постепенно проникается социализмом.

Простой пример. Представьте себе сапожника, который имел крохотную мастерскую, но не выдержал конкуренции с крупными хозяевами, прикрыл мастерскую и, скажем, нанялся на обувную фабрику в Тифлисе к Адельханову. Он поступил на фабрику Адельханова, но не для того, чтобы превратиться в постоянного наёмного рабочего, а с целью накопить денег, сколотить капиталец, а затем вновь открыть свою мастерскую. Как видите, у этого сапожника положение **уже** пролетарское, но сознание его **пока ещё** не пролетарское, оно насквозь мелкобуржуазное. Иначе говоря, мелкобуржуазное положение этого сапожника **уже** исчезло, его нет больше, но его мелкобуржуазное сознание **ещё** не исчезло, оно отстало от его фактического положения.

Ясно, что и здесь, в общественной жизни, сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется положение людей, а затем соответственно изменяется их сознание.

Но вернёмся к нашему сапожнику. Как мы уже знаем, он предполагает накопить денег, а затем открыть свою мастерскую. Работает пролетаризированный сапожник и видит, что скопить деньги — дело очень трудное, так как заработка едва хватает даже на существование. Кроме того, он замечает, что и открытие частной мастерской не так уж заманчиво: плата за помещение, капризы клиентов, безденежье, конкуренция крупных хозяев и тому подобные хлопоты — вот сколько забот терзают частного мастера. Между тем пролетарий сравнительно более свободен от таких забот, его не беспокоит ни клиент, ни плата за помещение, он утром приходит на фабрику, «преспокойно» уходит вечером и в субботу так же преспокойно кладёт в карман «получку». Здесь-то впервые и подрезываются крылья мелкобуржуазным мечтам нашего

сапожника, здесь впервые и зарождаются у него в душе пролетарские стремления.

Время идёт, и наш сапожник видит, что денег нехватает на самое необходимое, что ему крайне необходимо увеличение заработной платы. В то же время он замечает, что его товарищи поговаривают о каких-то союзах и стачках. Здесь-то и осознаёт наш сапожник, что для улучшения своего положения необходимо бороться с хозяевами, а не открывать собственную мастерскую. Он вступает в союз, включается в стачечное движение и вскоре приобщается к социалистическим идеям...

Таким образом, за изменением материального положения сапожника **в конце концов** последовало изменение его сознания: сначала изменилось его материальное положение, а затем, спустя некоторое время, соответственно изменилось и его сознание.

То же самое надо сказать о классах и об обществе в целом.

В общественной жизни также сначала изменяются внешние условия, сначала изменяются материальные условия, а затем в соответствии с этим изменяются и мышление людей, их нравы, обычаи, их мировоззрение.

Поэтому Маркс говорит:

«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Если материальную сторону, внешние условия, бытие и другие подобные явления мы назовём **содержанием**, тогда идеальную сторону, сознание и другие подобные явления мы можем назвать **формой**. Отсюда возникло известное материалистическое положение: в процессе развития содержание предшествует форме, форма отстаёт от содержания.

И так как, по мнению Маркса, экономическое развитие является «материальной основой» общественной жизни, её **содержанием**, а юридически-политическое и религиозно-философское развитие является «идеологической формой» этого содержания, его «надстройкой»,— то Маркс делает вывод: «С изменением экономической основы **более или менее быстро** происходит переворот во всей громадной надстройке».

Конечно, это вовсе не означает, будто, по мнению Маркса, возможно содержание без формы, как это померещилось Ш. Г. (см. «Нобати» № 1. «Критика монизма»). Содержание без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, ввиду её отставания от своего содержания, никогда **полностью** не соответствует этому содержанию, и, таким образом, новое содержание «вынуждено» временно облечься в старую форму, что вызывает конфликт между ними. В настоящее время, например, **общественному** содержанию производства не соответствует форма присвоения продуктов производства, которая имеет **частный** характер, и именно на этой почве происходит современный социальный «конфликт».

С другой стороны, та мысль, что сознание является формой бытия, вовсе не означает, будто сознание по своей природе есть та же материя. Так думали только вульгарные материалисты (например, Бюхнер и Молешотт), теории которых в корне противоречат материализму Маркса и которых справедливо высмеивал Энгельс в своём «Людвиге Фейербахе». Согласно

материализму Маркса, сознание и бытие, идея и материя — это две различные формы одного и того же явления, которое, вообще говоря, называется природой или обществом. Стало быть, они и не отрицают друг друга * и в то же время не представляют собой одного и того же явления. Дело лишь в том, что в развитии природы и общества сознанию, т. е. тому, что совершается в нашей голове, предшествует соответствующее материальное изменение, т. е. то, что совершается вне нас,— за тем или иным материальным изменением рано или поздно неизбежно последует соответствующее идеальное изменение.

Прекрасно, скажут нам, может быть это и правильно в отношении истории природы и общества. Но каким образом рождаются в нашей голове в настоящее время различные представления и идеи? Существуют ли в действительности так называемые внешние условия, или же существуют только наши представления об этих внешних условиях? И если существуют внешние условия, то в какой мере возможно их восприятие и познание?

По этому поводу материалистическая теория говорит, что наши представления, наше «я» существует лишь постольку, поскольку существуют внешние условия, вызывающие впечатления в нашем «я». Тот, кто необдуманно говорит, что не существует ничего, кроме наших представлений, вынужден отрицать какие бы то

* Это вовсе не противоречит той мысли, что между формой и содержанием существует конфликт. Дело в том, что конфликт существует *не между содержанием и формой вообще*, а *между* **старой** формой и **новым** содержанием, которое ищет новую форму и стремится к ней.

ни было внешние условия и, стало быть, отрицать существование остальных людей, допуская существование лишь своего «я», что абсурдно и в корне противоречит основам науки.

Очевидно, что внешние условия действительно существуют, эти условия существовали до нас и будут существовать после нас, причём их восприятие и познание возможно тем легче, чем чаще и сильнее они будут воздействовать на наше сознание.

Что касается того, каким образом рождаются **в настоящее время** в нашей голове различные представления и идеи, то мы должны заметить, что здесь вкратце повторяется то же, что происходит в истории природы и общества. И в данном случае предмет, находящийся вне нас, предшествовал нашему представлению об этом предмете, и в данном случае наше представление, форма, отстаёт от предмета — от своего содержания. Если я смотрю на дерево и вижу его,— это означает лишь то, что ещё до того, как в моей голове родилось представление о дереве, существовало само дерево, которое вызвало у меня соответствующее представление...

Таково вкратце содержание материалистической теории Маркса.

Нетрудно понять, какое значение должна иметь материалистическая теория для практической деятельности людей.

Если **сначала** изменяются экономические условия, а **затем** соответственно изменяется сознание людей, то ясно, что обоснование того или иного идеала мы должны искать не в мозгу людей, не в их фантазии, а в развитии их экономических условий. Хорош и приемлем только тот идеал, который создан на основании

изучения экономических условий. Негодны и неприемлемы все те идеалы, которые не считаются с экономическими условиями, не опираются на их развитие.

Таков первый практический вывод материалистической теории.

Если сознание людей, их нравы и обычаи определяются внешними условиями, если негодность юридических и политических форм зиждется на экономическом содержании, то ясно, что мы должны способствовать коренному переустройству экономических отношений, чтобы вместе с ними в корне изменились нравы и обычаи народа и его политические порядки.

Вот что говорит об этом Карл Маркс:

«Не требуется большого остроумия, чтобы усмотреть связь между учением материализма... и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и проч. из чувственного мира... то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нём истинно-человеческое, чтобы он привыкал в нём воспитывать в себе человеческие свойства... Если человек несвободен в материалистическом смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления... Если характер человека создаётся обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными» (см. «Людвиг Фейербах», приложение «К. Маркс о французском материализме XVIII века»)[88].

Таков второй практический вывод материалистической теории.

* * *

Как смотрят анархисты на материалистическую теорию Маркса и Энгельса?

Если диалектический метод берёт своё начало от Гегеля, то материалистическая теория является развитием материализма Фейербаха. Это хорошо известно анархистам, и они пытаются использовать недостатки Гегеля и Фейербаха для того, чтобы очернить диалектический материализм Маркса и Энгельса. В отношении Гегеля и диалектического метода мы уже указывали, что такие уловки анархистов не могут доказать ничего, кроме их собственного невежества. То же самое надо сказать и в отношении их нападок на Фейербаха и на материалистическую теорию.

Вот, например, анархисты с большим апломбом говорят нам, что «Фейербах был пантеистом...», что он «обожествил человека...» (см. «Нобати» № 7. Д. Деленди), что, «по мнению Фейербаха, человек есть то, что он ест...», что отсюда Маркс якобы сделал такой вывод: «Следовательно, самым главным и самым первым является экономическое положение...» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Правда, в пантеизме Фейербаха, в обожествлении им человека и в других подобных его ошибках никто не сомневается. Наоборот, Маркс и Энгельс первые вскрыли ошибки Фейербаха. Но анархисты, тем не менее, считают нужным снова «разоблачить» уже разоблачённые ошибки. Почему? Вероятно, потому, что, браня Фейербаха, косвенно хотят очернить материалистическую теорию Маркса и Энгельса. Конечно, если мы беспристрастно посмотрим на дело, то, наверное,

найдём, что у Фейербаха наряду с неправильными мыслями были и правильные, точно так же, как это случалось в истории со многими учёными. Но анархисты всё же продолжают «разоблачать»...

Ещё раз заявляем, что подобными уловками они не докажут ничего, кроме своего собственного невежества.

Интересно, что (как мы это увидим ниже) анархисты вздумали критиковать материалистическую теорию по наслышке, без всякого знакомства с нею. Вследствие этого они часто противоречат друг другу и опровергают друг друга, что, конечно, ставит наших «критиков» в смешное положение. Вот, например, если послушать г-на Черкезишвили, то оказывается, что Маркс и Энгельс ненавидели монистический материализм, что их материализм был вульгарным, а не монистическим:

«Та великая наука натуралистов с её системой эволюции, трансформизмом и монистическим материализмом, которую **так сильно ненавидит Энгельс...** избегала диалектики» и т. д. (см. «Нобати» № 4. В. Черкезишвили).

Выходит, что естественно-научный материализм, который одобряет Черкезишвили и который «ненавидел» Энгельс, был монистическим материализмом, и, **следовательно**, он заслуживает одобрения, а материализм Маркса и Энгельса не является монистическим и, понятно, не заслуживает признания.

Другой же анархист говорит, что материализм Маркса и Энгельса является монистическим, а **потому** и заслуживает быть отвергнутым.

«Историческая концепция Маркса является атавизмом Гегеля. Монистический материализм абсолютного объективизма вообще и экономический монизм Маркса в частности невозможны в природе и ошибочны в теории... Монистический материализм является плохо прикрытым дуализмом и компромиссом между метафизикой и наукой...» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Выходит, что монистический материализм неприемлем, Маркс и Энгельс не ненавидят его, а, напротив, сами являются монистическими материалистами,— вследствие чего монистический материализм необходимо отвергнуть.

Кто в лес, кто по дрова! Поди разберись, кто говорит правду: первый или второй! Сами ещё не столковались между собой о достоинствах или недостатках материализма Маркса, сами ещё не поняли, является ли он монистическим или нет, сами ещё не разобрались в том, что более приемлемо: вульгарный или монистический материализм,— а уже оглушают нас своим бахвальством: мы разгромили, мол, марксизм!

Да, да, если у гг. анархистов и впредь один будет так усердно громить взгляды другого, то, нечего и говорить, будущее будет принадлежать анархистам...

Не менее смехотворен и тот факт, что некоторые «знаменитые» анархисты, несмотря на свою «знаменитость», ещё не ознакомились с различными направлениями в науке. Они, оказывается, не знают, что в науке есть разные виды материализма, что между ними имеются большие различия: есть, например, вульгарный материализм, отрицающий значение идеальной стороны и её воздействие на материальную сторону, но есть и так называемый монистический материализм — материалистическая теория Маркса, — который научно рассматривает взаимоотношение идеальной и материальной

сторон. А анархисты **смешивают** эти разные виды материализма, не видят даже явных различий между ними и в то же время с большим апломбом заявляют: мы возрождаем науку!

Вот, например, П. Кропоткин в своих «философских» работах самоуверенно заявляет, что коммунистический анархизм опирается на «современную материалистическую философию», однако он ни одним словом не поясняет, на какую же «материалистическую философию» опирается коммунистический анархизм: на вульгарную, монистическую, или какую-либо другую. Он очевидно не знает, что между различными течениями материализма существует коренное противоречие, он не понимает, что смешивать друг с другом эти течения — значит не «возрождать науку», а проявлять прямое невежество (см. **Кропоткин**, «Наука и анархизм», а также «Анархия и её философия»).

То же самое нужно сказать и о грузинских учениках Кропоткина. Послушайте:

«По мнению Энгельса, а также и по мнению Каутского, Маркс оказал человечеству большую услугу тем, что он...», между прочим, открыл «материалистическую концепцию. Верно ли это? Не думаем, ибо знаем... что все историки, учёные и философы, которые придерживаются того взгляда, будто общественный механизм приводится в движение географическими, климатически-теллурическими, космическими, антропологическими и биологическими условиями, — **все они являются материалистами**» (см. «Нобати» № 2).

Выходит, что между «материализмом» Аристотеля и Гольбаха или между «материализмом» Маркса и Молешотта нет никакого различия! Вот так критика!

И вот люди, обладающие такими познаниями, задумали обновить науку! Недаром говорят: «Беда, коль пироги начнёт печь сапожник!..»

Далее. Наши «знаменитые» анархисты где-то прослышали, что материализм Маркса — это «теория желудка», и упрекают нас, марксистов:

«По мнению Фейербаха, человек есть то, что он ест. Эта формула магически подействовала на Маркса и Энгельса», вследствие чего Маркс сделал тот вывод, что «самым главным и самым первым является экономическое положение, производственные отношения...» Затем анархисты философически нас поучают: «Сказать, что **единственным** средством для этой цели (общественной жизни) является **еда** и экономическое производство, было бы ошибкой... Если бы главным образом, монистически, **едой** и экономическим положением **определялась идеология**, — то некоторые обжоры были бы гениями» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Вот как легко, оказывается, опровергнуть материализм Маркса и Энгельса. Достаточно услышать от какой-нибудь институтки уличные сплетни по адресу Маркса и Энгельса, достаточно эти уличные сплетни с философским апломбом повторить на страницах какой-то «Нобати», чтобы сразу заслужить славу «критика» марксизма!

Но скажите, господа: где, когда, на какой планете и какой Маркс сказал, что **«еда определяет идеологию»**? Почему вы не привели ни единой фразы, ни единого слова из сочинений Маркса в подтверждение вашего заявления? Правда, Маркс говорил, что экономическое положение людей определяет их сознание, их идеологию, но кто вам сказал, что еда и экономическое

положение — одно и то же? Неужели вы не знаете, что физиологическое явление, каким является, например, **еда**, в корне отличается от социологического явления, каким является, например, **экономическое положение** людей? Смешивать между собой эти два различных явления простительно, скажем, какой-нибудь институтке, но как могло случиться, что вы, «сокрушители социал-демократии», «возродители науки», так беззаботно повторяете ошибку институток?

Да и как это еда может определять общественную идеологию? А ну-ка вдумайтесь в свои же слова: еда, форма еды не изменяется, и в старину люди так же ели, разжёвывали и переваривали пищу, как и теперь, а идеология всё время изменяется. Античная, феодальная, буржуазная, пролетарская — вот, между прочим, какие формы имеет идеология. Мыслимо ли, чтобы то, **что не изменяется**, определяло собой то, **что всё время изменяется?**

Пойдём дальше. По мнению анархистов, материализм Маркса «есть тот же параллелизм...» Или ещё: «монистический материализм является плохо прикрытым дуализмом и компромиссом между метафизикой и наукой...» «Маркс впадает в дуализм потому, что он изображает производственные отношения как материальное, а человеческие стремления и волю — **как иллюзию и утопию**, которая **не имеет значения**, хотя и существует» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Во-первых, монистический материализм Маркса не имеет ничего общего с бестолковым параллелизмом. С точки зрения этого материализма, материальная сторона, содержание, необходимо **предшествует** идеальной стороне, форме. Параллелизм же отвергает этот взгляд

и решительно заявляет, что **ни** материальная, **ни** идеальная сторона **не предшествует** одна другой, что обе они развиваются вместе, параллельно.

Во-вторых, хотя бы даже на самом деле «Маркс изображал производственные отношения как материальное, а человеческие стремления и волю как иллюзию и утопию, не имеющую значения»,— разве это означает, что Маркс — дуалист? Дуалист, как известно, приписывает **равное** значение идеальной и материальной сторонам как двум противоположным принципам. Но если, по вашим словам, Маркс ставит выше материальную сторону и, наоборот, не придаёт значения идеальной стороне как «утопии», то тогда откуда же вы выудили, г-да «критики», дуализм Маркса?

В-третьих, какая может быть связь между материалистическим монизмом и дуализмом, когда и ребёнок знает, что монизм исходит из **одного принципа** — природы или бытия, имеющего материальную и идеальную формы, тогда как дуализм исходит из **двух принципов** — материального и идеального, которые, согласно дуализму, отрицают друг друга?

В-четвёртых, когда это Маркс «изображал человеческие стремления и волю как утопию и иллюзию»? Правда, Маркс объяснял «человеческие стремления и волю» экономическим развитием, и когда стремления некоторых кабинетных людей не соответствовали экономической обстановке, он называл их утопическими. Но разве это означает, что, по мнению Маркса, человеческие стремления вообще являются утопическими? Неужели и это требует пояснений? Неужели вы не читали слов Маркса: **«Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить»** (см.

предисловие к «К критике политической экономии»), т.е., вообще говоря, человечество не преследует утопических целей. Ясно, что наш «критик» либо не понимает того, о чём он говорит, либо умышленно искажает факты.

В-пятых, кто вам сказал, будто, по мнению Маркса и Энгельса, «человеческие стремления и воля не имеют значения»? Почему вы не указываете, где они об этом говорят? Разве в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», в «Классовой борьбе во Франции», в «Гражданской войне во Франции» и в других подобных брошюрах Маркс не говорит о значении «стремлений и воли»? Почему же тогда Маркс старался в социалистическом духе развить «волю и стремления» пролетариев, для чего он вёл пропаганду среди них, если он не придавал значения «стремлениям и воле»? Или, о чём говорит Энгельс в своих известных статьях за 1891—94 годы, как не о «значении воли и стремлений»? Правда, по мнению Маркса, «воля и стремления» людей черпают своё содержание из экономического положения, но разве это значит, что сами они не оказывают никакого влияния на развитие экономических отношений? Неужели анархистам так трудно понять столь простую мысль?

Ещё одно «обвинение» гг. анархистов: «нельзя представить форму без содержания...», поэтому нельзя сказать, что «форма **следует** за содержанием (отстаёт от содержания. **К.**) ...они «сосуществуют»... В противном случае монизм является абсурдом» (см. «Нобати» № 1. Ш. Г.).

Опять наш «учёный» запутался малость. Что содержание немыслимо без формы,— это правильно. Но правильно также и то, что **существующая форма** никогда полностью не соответствует **существующему содержанию:** первая отстаёт от второго, новое содержание в известной мере всегда облечено в старую форму, вследствие чего между старой формой и новым содержанием всегда существует конфликт. Именно на этой почве происходят революции, и в этом выражается, между прочим, *революционный* дух материализма Маркса. «Знаменитые» же анархисты этого не поняли, в чём, разумеется, повинны они сами, а не материалистическая теория.

Таковы взгляды анархистов на материалистическую теорию Маркса и Энгельса, если только их вообще можно назвать взглядами.

III

ПРОЛЕТАРСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Мы теперь знакомы с теоретическим учением Маркса: знакомы с его **методом,** знакомы также и с его **теорией.**

Какие практические выводы мы должны сделать из этого учения?

Какова связь между диалектическим материализмом и пролетарским социализмом?

Диалектический метод говорит, что только тот класс может быть до конца прогрессивным, только тот класс может разбить ярмо рабства, который растёт изо дня в день, всегда идёт вперёд и неустанно борется за лучшее будущее. Мы видим, что единственный класс, который неуклонно растёт, всегда идёт вперёд и борется за будущее,— это городской и сельский пролетариат. Следовательно, мы должны служить пролетариату и на него возлагать свои надежды.

Таков первый практический вывод из теоретического учения Маркса.

Но служение служению рознь. Пролетариату «служит» и Бернштейн, когда он проповедует ему забыть о социализме. Пролетариату «служит» и Кропоткин, когда он предлагает ему распылённый, лишённый широкой промышленной базы, общинный «социализм». Пролетариату служит и Карл Маркс, когда он зовёт его к пролетарскому социализму, опирающемуся на широкую базу современной крупной промышленности.

Как мы должны поступать, чтобы наша работа шла на пользу пролетариату? Каким образом мы должны служить пролетариату?

Материалистическая теория говорит, что тот или иной идеал может оказать пролетариату прямую услугу только в том случае, если этот идеал не противоречит экономическому развитию страны, если он полностью соответствует требованиям этого развития. Экономическое развитие капиталистического строя показывает, что современное производство принимает общественный характер, что общественный характер производства в корне отрицает существующую капиталистическую собственность, следовательно, наша главная задача — содействовать свержению капиталистической собственности и установлению социалистической собственности. А это означает, что учение Бернштейна, который проповедует забыть о социализме, в корне противоречит требованиям экономического развития, — оно принесёт пролетариату вред.

Экономическое развитие капиталистического строя показывает далее, что современное производство с каждым днём расширяется, оно не укладывается в пределах отдельных городов и губерний, непрестанно ломает эти пределы и охватывает территорию всего государства,— следовательно, мы должны приветствовать расширение производства и признать основой будущего социализма не отдельные города и общины, а целую и неделимую территорию всего государства, которая в будущем, конечно, будет всё более и более расширяться. А это означает, что учение Кропоткина, замыкающее будущий социализм в рамки отдельных городов и общин, противоречит интересам мощного расширения производства,— оно принесёт пролетариату вред.

Бороться за **широкую** социалистическую жизнь, как за **главную** цель,— вот как мы должны служить пролетариату.

Таков второй практический вывод из теоретического учения Маркса.

Ясно, что пролетарский социализм является прямым выводом из диалектического материализма.

Что такое пролетарский социализм?

Современный строй является капиталистическим. Это значит, что мир разделён на два противоположных лагеря, на лагерь небольшой горстки капиталистов и лагерь большинства,— пролетариев. Пролетарии работают день и ночь, но тем не менее они остаются попрежнему бедными. Капиталисты не работают, но тем не менее они богаты. И это происходит не потому, что пролетариям, будто бы, нехватает ума, а капиталисты гениальны,— а потому, что капиталисты забирают плоды труда пролетариев, потому, что капиталисты эксплоатируют пролетариев.

Почему плоды труда пролетариев забирают именно капиталисты, а не сами пролетарии? Почему

капиталисты эксплоатируют пролетариев, а не пролетарии — капиталистов?

Потому, что капиталистический строй зиждется на товарном производстве: здесь всё принимает вид товара, везде господствует принцип купли-продажи. Здесь вы можете купить не только предметы потребления, не только продукты питания, но также и рабочую силу людей, их кровь, их совесть. Капиталисты знают всё это и покупают рабочую силу пролетариев, нанимают их. А это означает, что капиталисты становятся хозяевами купленной ими рабочей силы. Пролетарии же теряют право на эту проданную рабочую силу. То есть то, что вырабатывается этой рабочей силой, не принадлежит уже пролетариям, а принадлежит только капиталистам и идёт в их карман. Возможно, что проданная вами рабочая сила производит за день товаров на 100 рублей, но это вас не касается и не принадлежит вам, это касается только капиталистов и принадлежит им,— вы должны получить только свою дневную заработную плату, которая, может быть, будет достаточной для удовлетворения ваших необходимых потребностей,— если вы, конечно, будете жить экономно. Короче: капиталисты покупают рабочую силу пролетариев, они нанимают пролетариев, и именно поэтому капиталисты забирают плоды труда пролетариев, именно поэтому капиталисты эксплоатируют пролетариев, а не пролетарии капиталистов.

Но почему именно капиталисты покупают рабочую силу пролетариев? Почему пролетарии нанимаются капиталистами, а не капиталисты — пролетариями?

Потому, что главной основой капиталистического строя является частная собственность на орудия и

средства производства. Потому, что фабрики, заводы, земля и её недра, леса, железные дороги, машины и другие средства производства превращены в частную собственность небольшой горстки капиталистов. Потому, что пролетарии лишены всего этого. Вот почему капиталисты нанимают пролетариев, чтобы пустить в ход фабрики и заводы,— в противном случае их орудия и средства производства не приносили бы никакой прибыли. Вот почему пролетарии продают свою рабочую силу капиталистам, — в противном случае они умерли бы с голоду.

Всё это проливает свет на общий характер капиталистического производства. Во-первых, само собой понятно, что капиталистическое производство не может быть чем-то единым и организованным: оно сплошь раздроблено на частные предприятия отдельных капиталистов. Во-вторых, ясно также и то, что прямой целью этого раздроблённого производства является не удовлетворение потребностей населения, а производство товаров для продажи с целью увеличения прибыли капиталистов. Но так как всякий капиталист стремится к увеличению своей прибыли, то каждый из них старается производить как можно больше товаров, вследствие чего рынок быстро переполняется, цены на товары падают — и наступает общий кризис.

Таким образом, кризисы, безработица, перерывы в производстве, анархия производства и тому подобное являются прямым результатом неорганизованности современного капиталистического производства.

И если этот неорганизованный общественный строй пока ещё не разрушен, если он пока ещё крепко противостоит атакам пролетариата, то это прежде всего

объясняется тем, что его защищает капиталистическое государство, капиталистическое правительство.

Такова основа современного капиталистического общества.

* * *

Нет сомнения в том, что будущее общество будет построено на совершенно иной основе.

Будущее общество — общество социалистическое. Это означает прежде всего то, что там не будет никаких классов: не будет ни капиталистов, ни пролетариев, — не будет, стало быть, и эксплоатации. Там будут только коллективно работающие труженики.

Будущее общество — общество социалистическое. Это означает также и то, что там вместе с эксплоатацией будут уничтожены товарное производство и купля-продажа, поэтому там не будет места покупателям и продавцам рабочей силы, нанимателям и нанимающимся, — там будут только свободные труженики.

Будущее общество — общество социалистическое. Это означает, наконец, то, что там вместе с наёмным трудом будет уничтожена всякая частная собственность на орудия и средства производства, там не будет ни бедняков-пролетариев, ни богачей-капиталистов, — там будут только труженики, коллективно владеющие всей землёй и её недрами, всеми лесами, всеми фабриками и заводами, всеми железными дорогами и т. д.

Как видите, главная цель будущего производства — непосредственное удовлетворение потребностей общества, а не производство товаров для продажи ради увеличения прибыли капиталистов. Здесь не будет места для товарного производства, борьбы за прибыли и т. д.

Ясно также и то, что будущее производство будет социалистически организованным, высокоразвитым производством, которое будет учитывать потребности общества и будет производить ровно столько, сколько нужно обществу. Здесь не будет места ни распылённости производства, ни конкуренции, ни кризисам, ни безработице.

Там, где нет классов, там, где нет богатых и бедных, — там нет надобности и в государстве, там нет надобности и в политической власти, которая притесняет бедных и защищает богатых. Стало быть, в социалистическом обществе не будет надобности в существовании политической власти.

Поэтому Карл Маркс говорил ещё в 1846 году:

«Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую **ассоциацию**, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже **никакой собственно политической власти...»** (см. «Нищета философии») [89].

Поэтому Энгельс говорил в 1884 году:

«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определённой ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало... необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. **С исчезновением классов исчезнет**

неизбежно и государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» (см. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»)[90].

В то же время, само собой понятно, что для ведения общих дел, наряду с местными бюро, в которых будут сосредоточиваться различные сведения, социалистическому обществу необходимо будет центральное статистическое бюро, которое должно собирать сведения о потребностях всего общества и затем соответственно распределять различную работу между трудящимися. Необходимы будут также конференции и, в особенности, съезды, решения которых будут безусловно обязательными до следующего съезда для оставшихся в меньшинстве товарищей.

Наконец, очевидно, что свободный и товарищеский труд должен повлечь за собой такое же товарищеское и полное удовлетворение всех потребностей в будущем социалистическом обществе. А это означает, что если будущее общество потребует от каждого своего члена ровно столько труда, сколько он может дать, то оно, в свою очередь, должно будет каждому предоставить столько продуктов, сколько ему нужно. От каждого по его способностям, каждому по его потребностям! — вот на какой основе должен быть создан будущий коллективистический строй. Разумеется, на **первой** ступени социализма, когда к новой жизни приобщатся ещё не привыкшие к труду элементы, производительные силы также не будут достаточно развиты и будет

ещё существовать «чёрная» и «белая» работа, — осуществление принципа — «каждому по его потребностям», — несомненно, будет сильно затруднено, ввиду чего общество вынуждено будет **временно** стать на какой-то другой, средний путь. Но ясно также и то, что когда будущее общество войдёт в своё русло, когда пережитки капитализма будут уничтожены с корнем, — единственным принципом, соответствующим социалистическому обществу, будет вышеуказанный принцип.

Поэтому Маркс говорил в 1875 году:

«На высшей фазе коммунистического (т. е. социалистического) общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы... лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своём знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»» (см. «Критика Готской программы»)[91].

Такова в общем картина будущего социалистического общества по теории Маркса.

Всё это хорошо. Но мыслимо ли осуществление социализма? Можно ли предположить, что человек сумеет вытравить в себе свои «дикие привычки»?

Или ещё: если каждый будет получать по потребностям, то можно ли предположить, что уровень производительных сил социалистического общества будет для этого достаточным?

Социалистическое общество предполагает достаточно развитые производительные силы и социалистическое сознание людей, их социалистическое просвещение. Развитию современных производительных сил препятствует существующая капиталистическая собственность, но, если иметь в виду, что в будущем обществе не будет этой собственности, — то само собой ясно, что производительные силы вдесятеро возрастут. Не следует также забывать того обстоятельства, что в будущем обществе сотни тысяч нынешних дармоедов, а также безработные возьмутся за дело и пополнят ряды трудящихся, что сильно продвинет развитие производительных сил. Что касается «диких» чувств и взглядов людей, то они не так уж вечны, как это некоторые предполагают: было время, время первобытного коммунизма, когда человек не признавал частной собственности; наступило время, время индивидуалистического производства, когда частная собственность овладела чувствами и разумом людей; наступает новое время, время социалистического производства, — и что же удивительного, если чувства и разум людей проникнутся социалистическими стремлениями. Разве бытие не определяет собой «чувства» и взгляды людей?

Но где доказательства неизбежности установления социалистического строя? Неизбежно ли за развитием современного капитализма последует социализм? Или, говоря иначе: откуда мы знаем, что пролетарский социализм Маркса не является лишь сладкой мечтой, фантазией? Где научные доказательства этого?

История показывает, что форма собственности находится в прямой зависимости от формы производства, вследствие чего с изменением формы производства рано

или поздно неизбежно меняется и форма собственности. Было время, когда собственность имела коммунистический характер, когда леса и поля, в которых бродили первобытные люди, принадлежали всем, а не отдельным лицам. Почему тогда существовала коммунистическая собственность? Потому, что производство было коммунистическим, труд был общий, коллективный, — все трудились сообща и не могли обойтись друг без друга. Наступило другое время, время мелкобуржуазного производства, когда собственность приняла индивидуалистический (частный) характер, когда всё то, что необходимо человеку (за исключением, конечно, воздуха, солнечного света и т. п.), было признано частной собственностью. Почему произошло такое изменение? Потому, что производство стало индивидуалистическим, каждый стал трудиться сам на себя, забившись в свой угол. Наконец, наступает время, время крупного капиталистического производства, когда сотни и тысячи рабочих собираются под одной кровлей, на одной фабрике и заняты общим трудом. Здесь вы не увидите старой работы в одиночку, когда каждый тянул в свою сторону, — здесь каждый рабочий и все рабочие каждого цеха тесно связаны по работе как с товарищами из своего цеха, так и с другими цехами. Достаточно остановиться какому-нибудь цеху, чтобы рабочие всей фабрики остались без дела. Как видите, процесс производства, труд, уже принял общественный характер, приобрёл социалистический оттенок. И так происходит не только на отдельных фабриках, но и в целых отраслях и между отраслями производства: достаточно забастовать рабочим железной дороги, чтобы производство очутилось в тяжёлом положении, достаточно

остановиться производству нефти и каменного угля, чтобы спустя некоторое время закрылись целые фабрики и заводы. Ясно, что здесь процесс производства принял общественный, коллективистический характер. И так как общественному характеру производства не соответствует частный характер присвоения, так как современный коллективистический труд неизбежно должен привести к коллективной собственности, то само собой ясно, что социалистический строй с такой же неизбежностью последует за капитализмом, как за ночью следует день.

Так обосновывает история неизбежность пролетарского социализма Маркса.

* * *

История говорит нам, что тот класс или та социальная группа, которая играет главную роль в общественном производстве и которая держит в своих руках главные функции производства, с течением времени неизбежно должна стать хозяином этого производства. Было время, время матриархата, когда женщины считались хозяевами производства. Чем объяснить это? Тем, что в тогдашнем производстве, в первобытном земледелии, женщины в производстве играли главную роль, они выполняли главные функции, тогда как мужчины бродили по лесам в поисках зверя. Наступило время, время патриархата, когда господствующее положение в производстве перешло в руки мужчин. Почему произошло такое изменение? Потому, что в тогдашнем производстве, скотоводческом хозяйстве, где главными орудиями производства были копьё, аркан, лук и стрела, главную роль играли мужчины... Наступает время, время крупного капиталистического производства, когда пролетарии начинают играть главную роль в производстве, когда все главные производственные функции переходят в их руки, когда без них производство не может существовать ни одного дня (вспомним всеобщие стачки), когда капиталисты не только не нужны для производства, но даже мешают ему. А что это означает? Это означает, что либо совершенно должна разрушиться всякая общественная жизнь, либо пролетариат, рано или поздно, но неизбежно, должен стать хозяином современного производства, его единственным собственником, его социалистическим собственником.

Современные промышленные кризисы, которые поют отходную капиталистической собственности и решительно ставят вопрос: **либо** капитализм, **либо** социализм,— делают этот вывод совершенно очевидным, наглядно вскрывают паразитизм капиталистов и неизбежность победы социализма.

Вот как ещё обосновывает история неизбежность пролетарского социализма Маркса.

Не на сентиментальных чувствах, не на отвлечённой «справедливости», не на любви к пролетариату, а на приведённых выше научных основаниях строится пролетарский социализм.

Вот почему пролетарский социализм называется также «научным социализмом».

Энгельс ещё в 1877 году говорил:

«Если бы наша уверенность относительно надвигающегося переворота в современном способе распределения продуктов труда... опиралась только на сознание, что этот способ распределения несправедлив и что

справедливость должна же когда-нибудь восторжествовать, то наше дело обстояло бы плохо и нам пришлось бы долго ждать...» Самое главное в этом деле заключается в том, что «порождённые современным капиталистическим способом производства производительные силы и созданная им система распределения хозяйственных благ пришли в вопиющее противоречие с этим самым способом производства, притом в такой степени, что необходим переворот в способе производства и распределения, который устранил бы все классовые различия, если хотят избежать гибели всего современного общества. На этом осязательном материальном факте... а не на представлениях того или другого кабинетного мыслителя о правом и неправом, основана уверенность в победе современного социализма» (см. «Анти-Дюринг»)[92].

Это, конечно, не означает того, что раз капитализм разлагается, то социалистический строй можно установить в любое время, — когда только захотим. Так думают только анархисты и другие мелкобуржуазные идеологи. Социалистический идеал не является идеалом всех классов. Это идеал только пролетариата, и в осуществлении его непосредственно заинтересованы не все классы, а только пролетариат. А это значит, что пока пролетариат составляет небольшую часть общества, до тех пор установление социалистического строя невозможно. Гибель старой формы производства, дальнейшее укрупнение капиталистического производства и пролетаризация большинства общества — вот какие условия необходимы для осуществления социализма. Но этого ещё не достаточно. Большинство общества может быть уже пролетаризировано, но социализм, тем не менее, может ещё не осуществиться. И это потому, что для осуществления социализма, кроме всего этого, необходимо ещё классовое сознание, сплочение пролетариата и умение руководить своим собственным делом. Для приобретения же всего этого, в свою очередь, необходима так называемая политическая свобода, т. е. свобода слова, печати, стачек и союзов, словом, свобода классовой борьбы. Политическая же свобода обеспечена не везде одинаково. Поэтому пролетариату не безразлично, в каких условиях ему придётся вести борьбу: в самодержавно-крепостнических (Россия), монархически-конституционных (Германия), крупнобуржуазно-республиканских (Франция) или в демократически-республиканских условиях (которых требует российская социал-демократия). Наилучшим образом и наиболее полно политическая свобода обеспечена в демократической республике, разумеется, поскольку она вообще может быть обеспечена при капитализме. Поэтому все сторонники пролетарского социализма обязательно добиваются введения демократической республики как наилучшего «моста» к социализму.

Вот почему марксистская программа в современных условиях делится на две части: **программу-максимум**, ставящую целью социализм, и **программу-минимум**, имеющую целью проложить путь к социализму через демократическую республику.

* * *

Как должен действовать пролетариат, на какой путь он должен стать для того, чтобы сознательно осуществить свою программу, свергнуть капитализм и построить социализм?

Ответ ясный: пролетариат не сможет достигнуть социализма примирением с буржуазией,— он обязательно должен стать на путь борьбы, и эта борьба должна быть классовой борьбой, борьбой всего пролетариата против всей буржуазии. Либо буржуазия с её капитализмом, либо пролетариат с его социализмом! Вот на чём должны основываться действия пролетариата, его классовая борьба.

Но классовая борьба пролетариата имеет многообразные формы. Классовой борьбой является, например, стачка — всё равно, будет она частичной или всеобщей. Классовой борьбой являются, несомненно, бойкот, саботаж. Классовой борьбой являются также манифестации, демонстрации, участие в представительных учреждениях и пр. — всё равно, будут ли это общие парламенты или местные самоуправления. Всё это различные формы одной и той же классовой борьбы. Мы не будем здесь выяснять, какая из форм борьбы имеет большее значение для пролетариата в его классовой борьбе, заметим только, что в своё время и на своём месте каждая из них безусловно нужна пролетариату, как необходимое средство для развития его самосознания и организованности. А самосознание и организованность необходимы пролетариату, как воздух. Но следует также заметить и то, что для пролетариата все эти формы борьбы являются только **подготовительными** средствами, что ни одна из этих форм, отдельно взятая, не представляет собой **решающего** средства, при помощи которого пролетариат сумеет разрушить капитализм. Нельзя разрушить капитализм только всеобщей стачкой: всеобщая стачка может подготовить только некоторые условия для разрушения капитализма. Немыслимо, чтобы пролетариат мог свергнуть капитализм только своим участием в парламенте: при помощи парламентаризма могут быть подготовлены только некоторые условия для свержения капитализма.

В чём же заключается то **решающее** средство, при помощи которого пролетариат свергнет капиталистический строй?

Таким средством является **социалистическая революция.**

Забастовки, бойкот, парламентаризм, манифестация, демонстрация — все эти формы борьбы хороши, как средства, подготавливающие и организующие пролетариат. Но ни одно из этих средств не в состоянии уничтожить существующего неравенства. Необходимо, чтобы все эти средства сосредоточились в одном главном и решающем средстве, необходимо пролетариату подняться и повести решительную атаку на буржуазию, чтобы до основания разрушить капитализм. Именно таким главным и решающим средством является социалистическая революция.

Социалистическую революцию нельзя рассматривать, как неожиданный и кратковременный удар, это длительная борьба пролетарских масс, которые наносят буржуазии поражение и захватывают её позиции. И так как победа пролетариата в то же время будет господством над побеждённой буржуазией, так как **во время столкновения классов** поражение одного класса означает господство другого,— то первой ступенью социалистической революции будет политическое господство пролетариата над буржуазией.

Социалистическая **диктатура пролетариата**, захват власти пролетариатом — вот чем должна начаться социалистическая революция.

А это значит, что **пока буржуазия полностью не побеждена**, пока богатство у неё не будет конфисковано, пролетариат обязательно должен иметь в своём распоряжении военную силу, у него обязательно должна быть своя «пролетарская гвардия», с помощью которой он отразит контрреволюционные атаки умирающей буржуазии, точно так же, как это было у парижского пролетариата во время Коммуны.

Социалистическая же диктатура пролетариата необходима для того, чтобы при её помощи пролетариат мог экспроприировать буржуазию, чтобы при её помощи конфисковать у всей буржуазии землю, леса, фабрики и заводы, машины, железные дороги и т. д.

Экспроприация буржуазии — вот к чему должна привести социалистическая революция.

Таково то главное и решающее средство, при помощи которого пролетариат низвергнет современный капиталистический строй.

Поэтому Карл Маркс ещё в 1847 году говорил: «...Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс... Пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках... пролетариата, организованного как господствующий класс...» (см. «Коммунистический манифест»).

Вот каким путём должен итти пролетариат, если он хочет осуществить социализм.

Из этого общего принципа вытекают и все остальные тактические взгляды. Забастовки, бойкот, демонстрации, парламентаризм только постольку имеют значение, поскольку они способствуют организации пролетариата, укреплению и расширению его организаций для совершения социалистической революции.

* * *

Итак, для осуществления социализма необходима социалистическая революция, а социалистическая революция должна начаться диктатурой пролетариата, т. е. пролетариат должен захватить в свои руки политическую власть, чтобы при её помощи экспроприировать буржуазию.

Но для всего этого необходимы организованность пролетариата, сплочение пролетариата, его объединение, создание крепких пролетарских организаций и их непрерывный рост.

Какие формы должны принять организации пролетариата?

Самые распространённые и массовые организации — это профессиональные союзы и рабочие кооперативы (преимущественно производственно-потребительские кооперативы). Цель союзов — борьба (главным образом) против промышленного капитала за улучшение положения рабочих в рамках современного капитализма. Цель кооперативов — борьба (главным образом) против торгового капитала за расширение потребления рабочих путём снижения цен на предметы первой необходимости, разумеется, в рамках того же капитализма. Как профсоюзы, так и кооперативы безусловно необходимы пролетариату как средства, организующие

пролетарскую массу. Поэтому, с точки зрения пролетарского социализма Маркса и Энгельса, пролетариат должен ухватиться за обе эти формы организации, укрепить и усилить их, — конечно, поскольку это позволяют существующие политические условия.

Но одни только профессиональные союзы и кооперативы не могут удовлетворить организационных нужд борющегося пролетариата. И это потому, что упомянутые организации не могут выйти за рамки капитализма, ибо целью их является улучшение положения рабочих в рамках капитализма. Но рабочие хотят полного освобождения от капиталистического рабства, они хотят разбить эти самые рамки, а не только вращаться в рамках капитализма. Следовательно, нужна ещё такая организация, которая соберёт вокруг себя сознательные элементы рабочих **всех** профессий, превратит пролетариат в сознательный класс и поставит своей главнейшей целью разгром капиталистических порядков, подготовку социалистической революции.

Такой организацией является социал-демократическая партия пролетариата.

Эта партия должна быть классовой партией, совершенно независимой от других партий, — и это потому, что она есть партия класса пролетариев, освобождение которых может совершиться только их же собственными руками.

Эта партия должна быть революционной партией, — и это потому, что освобождение рабочих возможно только революционным путём, при помощи социалистической революции.

Эта партия должна быть интернациональной партией, двери партии должны быть открыты для каждого

сознательного пролетария, — и это потому, что освобождение рабочих — это не национальный, а социальный вопрос, имеющий одинаковое значение как для пролетария-грузина, так и для русского пролетария и для пролетариев других наций.

Отсюда ясно, что чем теснее сплотятся пролетарии различных наций, чем основательнее разрушатся воздвигнутые между ними национальные перегородки, тем сильнее будет партия пролетариата, тем больше будет облегчена организация пролетариата в один нераздельный класс.

Поэтому необходимо, насколько это возможно, провести в организациях пролетариата принцип централизма в противоположность федералистской раздроблённости, — всё равно, будут ли этими организациями партия, союзы или кооперативы.

Ясно также и то, что все эти организации должны строиться на демократической основе, разумеется, поскольку этому не помешают какие-либо политические и иные условия.

Каковы должны быть взаимоотношения между партией, с одной стороны, и кооперативами и союзами — с другой? Должны ли эти последние быть партийными или беспартийными? Решение этого вопроса зависит от того, где и в каких условиях приходится бороться пролетариату. Во всяком случае, несомненно, что и союзы и кооперативы развиваются тем полнее, чем в более дружественных отношениях они находятся с социалистической партией пролетариата. И это потому, что обе эти экономические организации, если они не стоят близко к крепкой социалистической партии, нередко мельчают, предают забвению общеклассовые интересы

в пользу узко профессиональных интересов и тем приносят большой вред пролетариату. Поэтому необходимо при всех случаях обеспечить идейно-политическое влияние партии на союзы и кооперативы. Только при этом условии упомянутые организации превратятся в ту социалистическую школу, которая организует в сознательный класс распылённый на отдельные группы пролетариат.

Таковы в общем характерные черты пролетарского социализма Маркса и Энгельса.

Как смотрят на пролетарский социализм анархисты?

Прежде всего необходимо знать, что пролетарский социализм представляет не просто философское учение. Он является учением пролетарских масс, их знаменем, его почитают и перед ним «преклоняются» пролетарии мира. Следовательно, Маркс и Энгельс являются не просто родоначальниками какой-либо философской «школы» — они живые вожди живого пролетарского движения, которое растёт и крепнет с каждым днём. Кто борется против этого учения, кто хочет его «ниспровергнуть», тот должен хорошо учесть всё это, чтобы зря не расшибить себе лоб в неравной борьбе. Это хорошо известно гг. анархистам. Поэтому в борьбе с Марксом и Энгельсом они прибегают к совершенно необычному, своего рода новому оружию.

Что же это за новое оружие? Новое ли это исследование капиталистического производства? Опровержение ли это «Капитала» Маркса? Конечно, нет! Или, быть может, они, вооружившись «новыми фактами» и «индуктивным» методом, «научно» опровергают «евангелие» социал-демократии — «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса? Опять же нет! Так что же представляет собой это необыкновенное средство?

Это — обвинение Маркса и Энгельса в «литературном воровстве»! Что бы вы думали? Оказывается, у Маркса и Энгельса нет ничего своего, научный социализм есть выдумка, и это потому, что «Коммунистический манифест» Маркса — Энгельса от начала до конца «украден» из «Манифеста» Виктора Консидерана. Это, конечно, очень смешно, но «несравненный вождь» анархистов В. Черкезишвили с таким апломбом повествует нам эту забавную историю, а некий Пьер Рамус, этот легкомысленный «апостол» Черкезишвили, и наши доморощенные анархисты с таким рвением повторяют это «открытие», что стоит хотя бы вкратце остановиться на этой «истории».

Послушайте-ка Черкезишвили:

«Вся теоретическая часть «Коммунистического манифеста», а именно первая и вторая главы... взяты у В. Консидерана. Следовательно, «Манифест» Маркса и Энгельса — эта библия легальной революционной демократии — представляет собой лишь неуклюжую перефразировку «Манифеста» В. Консидерана. Маркс и Энгельс присвоили не только содержание «Манифеста» Консидерана, но... позаимствовали даже отдельные заголовки» (см. сборник статей Черкезишвили, Рамуса и Лабриолы, изданный на немецком языке под названием: «Происхождение «Коммунистического манифеста»», стр. 10).

То же самое повторяет другой анархист, П. Рамус:

«Можно решительно утверждать, что главное их (Маркса — Энгельса) произведение («Коммунистический

манифест») просто кража (плагиат), бессовестная кража, но они списали его не слово в слово, как поступают обыкновенные воры, а украли только мысли и теории...» (см. там же, стр. 4).

То же самое повторяют и наши анархисты в «Нобати», «Муша» [93], «Хма» [94] и т. д.

Итак, оказывается, научный социализм с его теоретическими основами «украден» из «Манифеста» Консидерана.

Существуют ли какие-либо основания для подобного утверждения?

Кто такой В. Консидеран?

Кто такой Карл Маркс?

В. Консидеран, умерший в 1893 году, был **учеником** утописта Фурье и остался неисправимым **утопистом**, который видел «спасение Франции» в **примирении** классов.

Карл Маркс, умерший в 1883 году, был материалистом, **врагом утопистов**, он видел залог освобождения человечества в развитии производительных сил и в **борьбе** классов.

Что общего между ними?

Теоретической основой научного социализма является материалистическая теория Маркса — Энгельса. С точки зрения этой теории, развитие общественной жизни полностью определяется развитием производительных сил. Если за помещичье-крепостническим строем последовал буржуазный строй, то «виной» этому было то, что развитие производительных сил сделало неизбежным возникновение буржуазного строя. Или ещё: если за современным буржуазным строем неизбежно последует социалистический строй, то это потому,

что этого требует развитие современных производительных сил. Отсюда проистекает историческая необходимость разрушения капитализма и установления социализма. Отсюда же проистекает то марксистское положение, что свои идеалы мы должны искать в истории развития производительных сил, а не в головах людей.

Такова **теоретическая** основа **«Коммунистического манифеста»** Маркса — Энгельса (см. «Коммунистический манифест», главы I, II).

Говорит ли что-либо подобное **«Демократический манифест»** В. Консидерана? Стоит ли Консидеран на материалистической точке зрения?

Мы утверждаем, что ни Черкезишвили, ни Рамус, ни наши «нобатисты» не приводят из «Демократического манифеста» Консидерана **ни одного** заявления, **ни одного** слова, которое бы подтверждало, что Консидеран был материалистом и эволюцию общественной жизни основывал на развитии производительных сил. Наоборот, мы очень хорошо знаем, что Консидеран известен в истории социализма как идеалист-утопист (см. **Поль Луи**, «История социализма во Франции»).

Так что же побуждает этих странных «критиков» к пустой болтовне, зачем берутся они за критику Маркса и Энгельса, если они неспособны даже отличить идеализм от материализма? Неужели для того, чтобы людей насмешить?..

Тактической основой научного социализма является учение о непримиримой классовой борьбе, ибо это — **лучшее** оружие в руках пролетариата. Классовая борьба пролетариата — это то оружие, при помощи которого он завоюет политическую власть и затем экспроприирует буржуазию для установления социализма.

Такова **тактическая** основа научного социализма, изложенного в «Манифесте» Маркса — Энгельса.

Говорится ли что-либо подобное в «Демократическом манифесте» Консидерана? Признаёт ли Консидеран классовую борьбу лучшим оружием в руках пролетариата?

Как видно из статей Черкезишвили и Рамуса (см. указанный выше сборник), в «Манифесте» Консидерана об этом нет ни слова,— в нём лишь отмечается борьба классов как печальный факт. Что же касается классовой борьбы, как средства разрушения капитализма, то вот что говорит об этом Консидеран в своём «Манифесте»:

«Капитал, труд и таланты — вот три основных элемента производства, три источника богатства, три колеса промышленного механизма... Три класса, которые представляют их, имеют «общие интересы»; их задача состоит в том, чтобы заставить машины работать на капиталистов и на народ... Перед ними... великая цель **объединения всех классов единством** нации...» (см. брошюру К. Каутского «Коммунистический манифест — плагиат», стр. 14, где приводится это место из «Манифеста» Консидерана).

Все классы, соединяйтесь! — вот какой лозунг провозглашает В. Консидеран в своём «Демократическом манифесте».

Что общего между этой тактикой **примирения** классов и тактикой непримиримой классовой **борьбы** Маркса — Энгельса, которые решительно призывают: **пролетарии всех стран, соединяйтесь против всех антипролетарских классов?**

Конечно, нет ничего общего!

Так что за вздор мелют эти гг. Черкезишвили и их легкомысленные подголоски! Не принимают ли они нас за покойников? Неужели они думают, что мы не выведем их на чистую воду?!

Наконец, интересно ещё одно обстоятельство. В. Консидеран прожил до 1893 года. В 1843 году он издал свой «Демократический манифест». В конце 1847 года Маркс и Энгельс написали свой «Коммунистический манифест». С тех пор «Манифест» Маркса — Энгельса неоднократно переиздавался на всех европейских языках. Всем известно, что Маркс и Энгельс своим «Манифестом» создали эпоху. Несмотря на это, **нигде, ни разу** ни Консидеран, ни его друзья не заявляли, при жизни Маркса и Энгельса, что Маркс и Энгельс украли «социализм» из «Манифеста» Консидерана. Не странно ли это, читатель?

Так что же побуждает этих «индуктивных» выскочек... извините,— «учёных» — болтать чепуху? От чьего имени они говорят? Неужели они лучше Консидерана знают его «Манифест»? Или, может быть, они полагают, что В. Консидеран и его сторонники не читали «Коммунистического манифеста»?

Однако довольно... Довольно, так как и сами анархисты не обращают серьёзного внимания на донкихотский поход Рамуса — Черкезишвили: слишком уж очевиден бесславный конец этого смехотворного похода, чтобы уделять ему много внимания...

Перейдём к критике по существу.

* * *

Анархисты одержимы одним недугом: они очень любят «критиковать» партии своих противников, но

не дают себе труда хоть сколько-нибудь ознакомиться с этими партиями. Мы видели, что анархисты так именно и поступили, «критикуя» диалектический метод и материалистическую теорию социал-демократов (см. главы I и II). Они так же поступают и тогда, когда касаются теории научного социализма социал-демократов.

Возьмём хотя бы следующий факт. Кому не известно, что между эсерами и социал-демократами существуют принципиальные расхождения. Кому не известно, что первые отрицают марксизм, материалистическую теорию марксизма, его диалектический метод, его программу, классовую борьбу,— тогда как социал-демократы всецело опираются на марксизм? Для того, кто хоть краем уха слышал о полемике между «Революционной Россией» (орган эсеров) и «Искрой» (орган социал-демократов), само собой должно стать очевидным это принципиальное различие. Но что вы скажете о тех «критиках», которые не видят этого различия и кричат, будто и эсеры и социал-демократы являются марксистами? Так, например, анархисты утверждают, что «Революционная Россия» и «Искра» — оба эти органа являются **марксистскими органами** (см. сборник анархистов «Хлеб и воля», стр. 202).

Таково «знакомство» анархистов с принципами социал-демократии!

После этого, само собой ясно, насколько основательна их «научная критика»...

Рассмотрим и эту «критику».

Главное «обвинение» анархистов состоит в том, что они не признают социал-демократов подлинными **социалистами**, вы — не социалисты, вы — враги социализма, твердят они.

Вот что пишет об этом Кропоткин:

«...Мы приходим к другим заключениям, чем большинство экономистов... социал-демократической школы... Мы... доходим до вольного коммунизма, тогда как большинство социалистов (подразумевай и социал-демократов. **Автор**) доходит до государственного капитализма и коллективизма» (см. **Кропоткин**, «Современная наука и анархизм», стр. 74—75).

В чём же заключается «государственный капитализм» и «коллективизм» социал-демократов?

Вот что пишет об этом Кропоткин:

«Немецкие социалисты говорят, что все накопленные богатства должны быть сосредоточены в руках государства, которое предоставит их рабочим ассоциациям, организует производство и обмен и будет следить за жизнью и работой общества» (см. **Кропоткин**, «Речи бунтовщика», стр. 64).

И дальше:

«В своих проектах... коллективисты делают... двойную ошибку. Они хотят уничтожить капиталистический строй, и вместе с тем сохраняют два учреждения, которые составляют основание этого строя: представительное правление и наёмный труд» (см. «Завоевание хлеба», стр. 148)... «Коллективизм, как известно... сохраняет... наёмный труд. Только... представительное правительство... становится на место хозяина...» Представители этого правительства «оставляют за собою право употреблять в интересах всех прибавочную ценность, получаемую от производства. Кроме того, в этой системе устанавливают различие... между трудом рабочего и трудом человека обучавшегося: труд чернорабочего, на взгляд коллективиста,— труд **простой**,

тогда как ремесленник, инженер, учёный и пр. занимаются тем, что̀ Маркс называет трудом **сложным**, и имеют право на высшую заработную плату» (там же, стр. 52). Таким образом рабочие будут получать необходимые им продукты не по их потребностям, а по «пропорционально оказанным обществу услугам» (см. там же, стр. 157).

То же самое, только с бо̀льшим апломбом, повторяют и грузинские анархисты. Среди них особенно выделяется своей бесшабашностью г-н Bâton. Он пишет:

«Что такое коллективизм социал-демократов? Коллективизм, или, вернее говоря, государственный капитализм, основывается на следующем принципе: каждый должен работать столько, сколько хочет, или столько, сколько определит государство, получая в виде вознаграждения стоимость своего труда товаром...» Значит, здесь «необходимо законодательное собрание... необходима (также) исполнительная власть, т. е. министры, всякие администраторы, жандармы и шпионы, возможно, и войско, если будет слишком много недовольных» (см. «Нобати» № 5, стр. 68—69).

Таково первое «обвинение» г-д анархистов против социал-демократии.

* * *

Итак, из рассуждений анархистов следует, что:

1. По мнению социал-демократов, социалистическое общество невозможно якобы без правительства, которое в качестве главного хозяина будет нанимать рабочих и обязательно будет иметь «министров... жандармов, шпионов». 2. В социалистическом обществе, по мнению социал-демократов, не будет якобы уничтожено деление на «чёрную» и «белую» работу, там будет отвергнут принцип: «каждому по его потребностям» — и будет признаваться другой принцип: «каждому по его заслугам».

На этих двух пунктах построено «обвинение» анархистов против социал-демократии.

Имеет ли это «обвинение», выдвигаемое гг. анархистами, какое-либо основание?

Мы утверждаем: всё, что говорят в данном случае анархисты, является либо результатом недомыслия, либо недостойной сплетней.

Вот факты.

Ещё в 1846 году Карл Маркс говорил: «Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую **ассоциацию**, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже **никакой собственно политической власти...»** (см. «Нищета философии»).

Спустя год ту же мысль высказали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» («Коммунистический манифест», глава II).

В 1877 году Энгельс писал: «Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность,— будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою... Государство не «отменяется», оно **отмирает»** («Анти-Дюринг»).

В 1884 году тот же Энгельс писал: «Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о

государстве... На определённой ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало... необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. **С исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство.** Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» (см. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

То же самое Энгельс повторяет в 1891 году (см. Введение к «Гражданской войне во Франции»).

Как видите, по мнению социал-демократов, социалистическое общество — это такое общество, в котором не будет места так называемому государству, политической власти с её министрами, губернаторами, жандармами, полицейскими и солдатами. Последним этапом существования государства будет период социалистической революции, когда пролетариат захватит в свои руки государственную власть и создаст своё собственное правительство (диктатуру) для окончательного уничтожения буржуазии. Но когда буржуазия будет уничтожена, когда будут уничтожены классы, когда утвердится социализм, тогда не нужно будет никакой политической власти, — и так называемое государство отойдёт в область истории.

Как видите, указанное «обвинение» анархистов представляет сплетню, лишённую всякого основания.

Что касается второго пункта «обвинения», то об этом Карл Маркс говорит следующее:

«На высшей фазе коммунистического (т. е. социалистического) общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда **исчезнет** вместе с этим **противоположность умственного и физического труда;** когда труд... станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы... лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своём знамени: **«Каждый по способностям, каждому по потребностям»»** («Критика Готской программы»).

Как видите, по мнению Маркса, высшая фаза коммунистического (т. е. социалистического) общества — это такой строй, в котором деление на «чёрную» и «белую» работу и противоречие между умственным и физическим трудом полностью устранены, труд уравнен и в обществе господствует подлинно коммунистический принцип: от каждого по его способностям, каждому по его потребностям. Здесь нет места наёмному труду.

Ясно, что и это «обвинение» лишено всякого основания.

Одно из двух: либо г-да анархисты и в глаза не видели вышеуказанных работ Маркса и Энгельса и занимаются «критикой» по наслышке, либо они знакомы с указанными трудами Маркса и Энгельса, но заведомо лгут.

Такова судьба первого «обвинения».

* * *

Второе «обвинение» анархистов заключается в том, что они отрицают **революционность** социал-демократии. Вы — не революционеры, вы отрицаете насильственную революцию, вы хотите установить социализм только посредством избирательных бюллетеней,— говорят нам г-да анархисты.

Послушайте:

«...Социал-демократы... любят декламировать на тему «революция», «революционная борьба», «борьба с оружием в руках»... Но если вы, по простоте душевной, попросите у них оружия, они вам торжественно подадут билетик для подачи голоса при выборах...» Они уверяют, что «единственно целесообразная тактика, приличная революционерам,— мирный и легальный парламентаризм с присягой верности капитализму, установленной власти и всему существующему буржуазному строю» (см. сборник «Хлеб и воля», стр. 21, 22—23).

То же самое говорят грузинские анархисты, разумеется, с ещё бо́льшим апломбом. Возьмите хотя бы Bâton'а, который пишет:

«Вся социал-демократия... открыто заявляет, что борьба при помощи винтовки и оружия является буржуазным методом революции и что только посредством избирательных бюллетеней, только посредством всеобщих выборов, партии могут завладеть властью и затем через парламентское большинство и законодательство преобразовать общество» (см. «Захват государственной власти», стр. 3—4).

Так говорят г-да анархисты о марксистах.

Имеет ли это «обвинение» какое-либо основание?

Мы заявляем, что анархисты и здесь проявляют своё невежество и страсть к сплетням.

Вот факты.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс ещё в конце 1847 года писали:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что **их цели могут быть достигнуты лишь путём насильственного ниспровержения** всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. **Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»** (см. «Манифест коммунистической партии». В некоторых легальных изданиях в переводе пропущено несколько слов).

В 1850 году, в ожидании нового выступления в Германии, Карл Маркс писал тогдашним немецким товарищам:

«Оружие и боевые припасы ни под каким предлогом они не должны сдавать... **рабочие** должны... **организоваться в виде самостоятельной пролетарской гвардии, с командиром и генеральным штабом...»** И это «должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания» (см. «Кёльнский процесс». Обращение Маркса к коммунистам)[95].

В 1851—52 годах Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали: «...Раз восстание начато, надо **действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление.** Оборона есть смерть всякого вооружённого восстания... Надо захватить противника врасплох, пока его войска ещё разрознены; надо ежедневно добиваться

новых, хотя бы и небольших, успехов... надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя. Одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: смелость, смелость и ещё раз смелость» («Революция и контрреволюция в Германии»).

Мы думаем, что здесь речь идёт не только об «избирательных бюллетенях».

Наконец, вспомните историю Парижской Коммуны, вспомните, как мирно действовала Коммуна, когда она, удовольствовавшись победой в Париже, отказалась от нападения на Версаль, на это гнездо контрреволюции. Как вы думаете: что говорил тогда Маркс? Призывал ли он парижан на выборы? Одобрял ли он беспечность парижских рабочих (весь Париж был в руках рабочих), одобрял ли он их великодушное отношение к побеждённым версальцам? Послушайте Маркса:

«Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания... они восстают под прусскими штыками... История не знает ещё примера подобного героизма! Если они окажутся побеждёнными, виной будет не что иное, как их «великодушие». **Надо было сейчас же идти на Версаль,** как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской Национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели **начинать гражданской войны,** как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал её уже своей попыткой обезоружить Париж!» («Письма к Кугельману»)[96].

Так думали и действовали Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Так думают и действуют социал-демократы.

А анархисты всё твердят: Маркса и Энгельса и их последователей интересуют только избирательные бюллетени,— они не признают насильственных революционных действий!

Как видите, это «обвинение» также представляет собой сплетню, вскрывающую невежество анархистов насчёт существа марксизма.

Такова судьба второго «обвинения».

* * *

Третье «обвинение» анархистов заключается в том, что они отрицают народный характер социал-демократии, изображают социал-демократов бюрократами и утверждают, что социал-демократический план диктатуры пролетариата есть смерть для революции, причём поскольку социал-демократы стоят за такую диктатуру, они на деле хотят установить не диктатуру пролетариата, а свою собственную диктатуру над пролетариатом.

Послушайте г. Кропоткина:

«Мы, анархисты, произнесли окончательный приговор над диктатурой... Мы знаем, что всякая диктатура, как бы честны ни были её намерения, ведёт к смерти революции. Мы знаем... что идея диктатуры есть не что иное, как зловредный продукт правительственного фетишизма, который... всегда стремился увековечить рабство» (см. **Кропоткин,** «Речи бунтовщика», стр. 131). Социал-демократы признают не только революционную диктатуру, но они «сторонники диктатуры над

пролетариатом... Рабочие интересны для них постольку, поскольку они являются дисциплинированной армией в их руках... Социал-демократия стремится, посредством пролетариата, забрать в свои руки государственную машину» (см. «Хлеб и воля», стр. 62, 63).

То же самое говорят грузинские анархисты:

«Диктатура пролетариата в прямом смысле совершенно невозможна, так как сторонники диктатуры являются государственниками и их диктатура будет не свободной деятельностью всего пролетариата, а установлением во главе общества той же представительной власти, которая существует и ныне» (см. **Bâton**, «Захват государственной власти», стр. 45). Социал-демократы стоят за диктатуру не для того, чтобы содействовать освобождению пролетариата, но для того, чтобы... **«своим господством установить новое рабство»** (см. «Нобати» № 1, стр. 5. Bâton).

Таково третье «обвинение» гг. анархистов.

Не требуется много труда, чтобы разоблачить эту очередную клевету анархистов, рассчитанную на обман читателя.

Мы не будем здесь заниматься разбором глубоко ошибочного взгляда Кропоткина, согласно которому всякая диктатура — смерть для революции. Об этом мы поговорим потом, когда будем разбирать тактику анархистов. Сейчас мы хотим коснуться только лишь самого «обвинения».

Ещё в конце 1847 года Карл Маркс и Фридрих Энгельс говорили, что для установления социализма пролетариат должен завоевать политическую диктатуру, чтобы при помощи этой диктатуры отразить контрреволюционные атаки буржуазии и отобрать у неё средства

производства, что эта диктатура должна быть диктатурой не нескольких лиц, а диктатурой всего пролетариата, как класса:

«Пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках... пролетариата, организованного как господствующий класс...» (см. «Коммунистический манифест»).

То есть диктатура пролетариата будет диктатурой всего класса пролетариата над буржуазией, а не господством нескольких лиц над пролетариатом.

В дальнейшем они повторяют эту же мысль почти во всех своих произведениях, как, например, в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», в «Классовой борьбе во Франции», в «Гражданской войне во Франции», в «Революции и контрреволюции в Германии», в «Анти-Дюринге» и в других своих работах.

Но это не всё. Для уяснения того, как понимали Маркс и Энгельс диктатуру пролетариата, для уяснения того, насколько осуществимой они считали эту диктатуру, для всего этого очень интересно знать их отношение к Парижской Коммуне. Дело в том, что диктатура пролетариата встречает нарекания не только среди анархистов, но среди городских мелких буржуа, в том числе всяких мясников и трактирщиков — среди всех тех, кого Маркс и Энгельс называли филистерами. Вот что говорит Энгельс о диктатуре пролетариата, обращаясь к таким филистерам:

«В последнее время немецкий филистер опять начинает испытывать спасительный ужас при словах: **диктатура пролетариата.** Хотите ли знать, милостивые

государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» (см. «Гражданская война во Франции». Введение Энгельса)[97].

Как видите, Энгельс представлял себе диктатуру пролетариата в виде Парижской Коммуны.

Ясно, что всякий, кто хочет узнать, что такое в представлении марксистов диктатура пролетариата, тот должен ознакомиться с Парижской Коммуной. Обратимся и мы к Парижской Коммуне. Если окажется, что Парижская Коммуна действительно была диктатурой отдельных лиц над пролетариатом,— тогда долой марксизм, долой диктатуру пролетариата! Но если мы увидим, что Парижская Коммуна на самом деле была диктатурой пролетариата над буржуазией,— тогда... тогда от всей души посмеёмся над анархистскими сплетниками, которым в борьбе с марксистами ничего не остаётся делать, как выдумывать сплетни.

История Парижской Коммуны имеет два периода: первый период, когда делами в Париже руководил известный «Центральный комитет», и второй период, когда по исчерпании полномочий «Центрального комитета» руководство делами было передано только что избранной Коммуне. Что представлял собой «Центральный комитет», из кого он состоял? Перед нами лежит «Народная история Парижской Коммуны» Артура **Арну**, которая, по словам Арну, кратко отвечает на этот вопрос. Борьба ещё только начиналась, когда около 300 000 парижских рабочих, организовавшись в роты и батальоны, избрали из своей среды делегатов. Так был составлен «Центральный комитет».

«Все эти граждане (члены «Центрального комитета»), выбранные частичными выборами своих рот или батальонов,— говорит Арну,— были известны только тем небольшим группам, чьими делегатами они являлись. Что это за люди, каковы они и что они хотят делать?» Это было «анонимное правительство, состоящее почти исключительно из простых рабочих и мелких служащих, три четверти имён которых не были известны за пределами их улицы или конторы... Традиция была нарушена. Нечто неожиданное произошло в мире. Там не было ни одного члена правящих классов. Вспыхнула революция, которая не была представлена ни **адвокатом**, ни **депутатом**, ни **журналистом**, ни **генералом**. Вместо них **рудокоп** из Крезо, **переплётчик**, **повар** и т. д.» (см. «Народная история Парижской Коммуны», стр. 107).

Артур Арну продолжает:

«Мы, — заявляли члены «Центрального комитета»,— неизвестные органы, послушное орудие в руках атакованного народа... Мы... служители народной воли, мы тут, чтобы быть его эхом, чтобы доставить ему торжество. Народ хочет Коммуны и мы останемся, чтобы приступить к выборам Коммуны. Ни больше, ни меньше. Эти диктаторы не поднимались выше и не спускались ниже толпы. Чувствовалось, что они живут с ней, в ней, посредством неё, что они советуются с ней каждую секунду, что они слушают и передают то, что слышат, стремясь только в сжатой форме... передать мнения трёхсот тысяч человек» (см. там же, стр. 109).

Так вела себя Парижская Коммуна в первый период своего существования.

Такова была Парижская Коммуна.

Такова диктатура пролетариата.

Перейдём теперь ко второму периоду Коммуны, когда вместо «Центрального комитета» действовала Коммуна. Говоря об этих двух периодах, продолжавшихся два месяца, Арну восторженно восклицает, что это была подлинная диктатура народа. Послушайте:

«Величественное зрелище, которое представлял этот народ в течение двух месяцев, даёт нам силу и надежду... смотреть в глаза будущему. В течение этих двух месяцев в Париже была истинная диктатура, самая полная и бесспорная, диктатура не одного человека, **а всего народа,** — единственного господина положения... Эта диктатура продолжалась более двух месяцев без перерыва, с 18-го марта по 22-ое мая (1871 г.)...» Сама по себе «...Коммуна являлась только моральной властью и не имела другой материальной силы, кроме всеобщего сочувствия... граждан, **народ явился властителем,** единственным властителем, сам создал свою полицию и магистратуру...» (см. там же, стр. 242, 244).

Так характеризует Парижскую Коммуну член Коммуны, активный участник её рукопашных боёв, **Артур Арну.**

Так же характеризует Парижскую Коммуну другой её член и такой же активный её участник, **Лиссагарэ** (см. его книгу «История Парижской Коммуны»).

Народ как «единственный властитель», «не диктатура одного человека, а всего народа» — вот чем была Парижская Коммуна.

«Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата», — восклицал Энгельс к сведению филистеров.

Вот, оказывается, что такое диктатура пролетариата в представлении Маркса и Энгельса.

Как видите, гг. анархисты так же знакомы с диктатурой пролетариата, с Парижской Коммуной, с марксизмом, который то и дело они «критикуют», как мы с вами, читатель, — с китайской грамотой.

Ясно, что диктатура бывает двоякого рода. Бывает диктатура меньшинства, диктатура небольшой группы, диктатура Треповых и Игнатьевых, направленная против народа. Во главе такой диктатуры стоит обычно камарилья, принимающая тайные решения и затягивающая петлю на шее у большинства народа.

Марксисты являются врагами такой диктатуры, причём они борются против такой диктатуры гораздо более упорно и самоотверженно, чем наши крикливые анархисты.

Есть диктатура и другого рода, диктатура пролетарского большинства, диктатура массы, направленная против буржуазии, против меньшинства. Здесь во главе диктатуры стоит масса, здесь нет места ни камарилье, ни тайным решениям, здесь всё делается открыто, на улице, на митингах, — и это потому, что это — диктатура улицы, массы, диктатура, направленная против всяких угнетателей.

Такую диктатуру марксисты поддерживают «обеими руками», — и это потому, что такая диктатура есть величественное начало великой социалистической революции.

Гг. анархисты спутали эти две взаимно друг друга отрицающие диктатуры и потому-то очутились в смешном положении: они борются не с марксизмом,

а со своей собственной фантазией, они сражаются не с Марксом и Энгельсом, а с ветряными мельницами, как это делал в своё время блаженной памяти Дон-Кихот...

Такова судьба третьего «обвинения».

(Продолжение следует.) *

Газеты: «Ахали Дроеба» («Новое Время»)
№№ 5, 6, 7 и 8; 11, 18, 25 декабря 1906 г.
и 1 января 1907 г.
«Чвени Цховреба» («Наша Жизнь»)
№№ 3, 5, 8 и 9; 21, 23, 27 и
28 февраля 1907 г.
«Дро» («Время») №№ 21, 22, 23 и 26;
4, 5, 6 и 10 апреля 1907 г.
Подпись: К о ...

Перевод с грузинского

* Продолжение не появилось в печати, так как в середине 1907 года товарищ Сталин был переведён Центральным Комитетом партии в Баку на партийную работу, где он, спустя несколько месяцев, был арестован, а записи по последним главам работы «Анархизм или социализм?» были утеряны при обыске. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНАРХИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

I

Мы не принадлежим к тем людям, которые при упоминании слова «анархизм» презрительно отворачиваются и, махнув рукою, говорят: «Охота вам заниматься им, даже и говорить-то о нём не стоит!» Мы полагаем, что такая дешёвая «критика» является и недостойной, и бесполезной.

Мы не принадлежим и к тем людям, которые утешают себя тем, что у анархистов-де «нет массы и поэтому они не так уж опасны». Дело не в том, за кем сегодня идёт бо́льшая или меньшая «масса»,— дело в существе учения. Если «учение» анархистов выражает истину, тогда оно, само собой разумеется, обязательно проложит себе дорогу и соберёт вокруг себя массу. Если же оно несостоятельно и построено на ложной основе, оно долго не продержится и повиснет в воздухе. Несостоятельность же анархизма должна быть доказана.

Мы считаем, что анархисты являются настоящими врагами марксизма. Стало быть, мы признаём и то, что с настоящими врагами надо вести и настоящую борьбу. А поэтому необходимо рассмотреть «учение» анархистов с начала и до конца и основательно взвесить его со всех сторон.

Но наряду с критикой анархизма необходимо разъяснить и нашу собственную позицию и, таким образом, в общих чертах изложить учение Маркса и Энгельса. Это тем более необходимо, что некоторые анархисты распространяют ложное представление о марксизме и вносят путаницу в головы читателей.

Итак, приступим к делу.

В мире всё движется... Изменяется жизнь, растут производительные силы, рушатся старые отношения... Вечное движение и вечное разрушение-созидание — такова сущность жизни.

К. Маркс

(см. «Нищету философии»)

Марксизм — это не только теория социализма, это цельное мировоззрение, философская система, из которой логически вытекает пролетарский социализм Маркса. Эта философская система называется диалектическим материализмом. Ясно, что изложить марксизм — это значит изложить и диалектический материализм.

Почему эта система называется диалектическим материализмом?

Потому, что **метод** её — диалектический, а **теория** — материалистическая.

Что такое диалектический метод?

Что такое материалистическая теория?

Говорят, что жизнь заключается в непрерывном росте и развитии,— и это верно: общественная жизнь не является чем-то неизменным и застывшим, она никогда не останавливается на одном уровне — она находится в вечном движении, в вечном процессе разрушения и созидания. Недаром Маркс говорил, что вечное движение и вечное разрушение-созидание — такова сущность жизни. Поэтому-то в жизни всегда существует **новое** и **старое**, растущее и умирающее, революция и реакция,— в ней непременно всегда что-нибудь умирает и в то же время непременно всегда что-нибудь рождается...

Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно такой, какова она есть в действительности. Жизнь находится в непрерывном движении, стало быть, мы и должны рассматривать жизнь в её движении, в разрушении и созидании. Куда идёт жизнь, что умирает и что рождается в жизни, что разрушается и что созидается — вот какие вопросы прежде всего должны нас интересовать.

Таков первый вывод диалектического метода.

То, что в жизни рождается и изо дня в день растёт,— непобедимо, остановить его движение вперёд невозможно, его победа неизбежна. То есть, если, например, в жизни рождается пролетариат и он изо дня в день растёт, то как бы слаб и малочислен ни был он сегодня, в конце концов он всё же победит. И наоборот, то, что в жизни умирает и идёт к могиле, неизбежно должно потерпеть поражение, т. е., если, например, буржуазия теряет почву под ногами и изо дня в день идёт назад, то как бы сильна и многочисленна ни была она сегодня, в конце концов она всё же должна потерпеть поражение и сойти в могилу. Отсюда и возникло известное диалектическое положение: всё то, что действительно существует, т. е. всё то, что изо дня в день растёт, — разумно.

Таков второй вывод диалектического метода.

В восьмидесятых годах XIX столетия в среде русской революционной интеллигенции возник замечательный спор. Народники говорили, что главная сила, которая может взять на себя «освобождение России», — это бедное крестьянство. Почему? — спрашивали их марксисты. Потому, говорили они, что крестьянство многочисленнее всех и в то же время беднее всех в русском обществе. Марксисты отвечали: верно, что крестьянство сегодня составляет большинство и что оно очень бедно, но разве дело в этом? Крестьянство уже давно составляет большинство, но до сих пор оно без помощи пролетариата никакой инициативы в борьбе за «свободу» не проявляло. А почему? Потому, что крестьянство как сословие **изо дня в день разрушается**, распадается на пролетариат и буржуазию, тогда как пролетариат как класс **изо дня в день растёт** и крепнет. И бедность не имеет тут решающего значения: «босяки» беднее крестьян, но никто не скажет, что они могут взять на себя «освобождение России». Дело лишь в том, кто растёт и кто стареет в жизни. И так как пролетариат есть единственный класс, который непрерывно растёт и крепнет, то наш долг — стать рядом с ним и признать его главной силой в русской революции,— так отвечали марксисты. Как видите, марксисты смотрели на вопрос с диалектической точки зрения, тогда как народники рассуждали метафизически, потому что они на явления жизни смотрели как на

«неизменные, застывшие, раз навсегда данные» (см. **Ф. Энгельс**, «Философия, политическая экономия, социализм»).

Так смотрит диалектический метод на движение жизни.

Но есть движение и движение. Было общественное движение в «декабрьские дни», когда пролетариат, разогнув спину, нападал на склады оружия и наступал на реакцию. Но общественным движением надо назвать и движение предыдущих лет, когда пролетариат в условиях «мирного» развития ограничивался отдельными забастовками и созданием мелких профсоюзов. Ясно, что движение имеет разные формы. И вот диалектический метод говорит, что движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную. Движение эволюционно, когда прогрессивные элементы стихийно продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, **количественные**, изменения. Движение революционно, когда те же элементы объединяются, проникаются единой идеей и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне уничтожить старый порядок с его **качественными** чертами и установить новый порядок. Эволюция подготовляет революцию и создаёт для неё почву, а революция увенчивает эволюцию и содействует её дальнейшей работе.

Такие же процессы имеют место и в жизни природы. История науки показывает, что диалектический метод является подлинно научным методом: начиная с астрономии и кончая социологией — везде находит подтверждение та мысль, что в мире нет ничего вечного, что всё изменяется, всё развивается. Следовательно, всё в природе должно рассматриваться с точки зрения движения, развития. А это означает, что дух диалектики пронизывает всю современную науку.

Что же касается форм движения, что касается того, что, согласно диалектике, мелкие, **количественные**, изменения в конце концов приводят к большим, **качественным**, изменениям,— то этот закон в равной мере имеет силу и в истории природы. Менделеевская «периодическая система элементов» ясно показывает, какое большое значение в истории природы имеет возникновение качественных изменений из изменений количественных. Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неодарвинизм.

Мы ничего не говорим о других фактах, с достаточной полнотой освещённых Ф. Энгельсом в его «Анти-Дюринге».

* * *

Итак, мы теперь знакомы с диалектическим методом. Мы знаем, что, согласно этому методу, мир находится в вечном движении, в вечном процессе разрушения и созидания и что, следовательно, всякое явление как в природе, так и в обществе надо рассматривать в его движении, в процессе разрушения и созидания, а не как застывшее и неподвижное. Мы знаем также и то, что само это движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную...

Как же смотрят на диалектический метод наши анархисты?

Родоначальником диалектического метода, как известно, был Гегель. Маркс только очистил и улучшил этот метод. Это обстоятельство известно анархистам; они знают также, что Гегель был консерватором, и вот, пользуясь «случаем», они яростно бранят Гегеля, смешивают его с грязью как «реакционера» и сторонника «реставрации», они усердно доказывают, что «Гегель... философ реставрации... что он восхваляет бюрократический конституционализм в его абсолютной форме, что общая идея его философии истории подчинена и служит философскому направлению эпохи реставрации» и так далее и тому подобное (см. «Нобати» № 6. Статья В. Черкезишвили). Правда, об этом никто с ними не спорит, наоборот, каждый согласится с тем, что Гегель не был революционером, что он был сторонником монархии, но анархисты всё же «доказывают» и считают нужным «доказывать» без конца, что Гегель — сторонник «реставрации». Для чего? Вероятно, для того, чтобы всем этим дискредитировать Гегеля, дать почувствовать читателю, что и метод «реакционера» Гегеля «отвратителен» и ненаучен. Если это действительно так, если гг. анархисты думают **этим путём** опровергнуть диалектический метод, то я должен сказать, что **этим путём** они ничего не докажут, кроме своей собственной незадачливости. Паскаль и Лейбниц не были революционерами, но открытый ими математический метод признан ныне научным методом; Майер и Гельмгольц не были революционерами, но их открытия в области физики легли в основу науки; не были

революционерами также Ламарк и Дарвин, но их эволюционный метод поставил на ноги биологическую науку... Да, **этим путём** гг. анархисты не докажут ничего, кроме своей собственной незадачливости.

Пойдём дальше. По мнению анархистов, «диалектика — это метафизика» (см. «Нобати» № 9. Ш. Г.), а так как они «хотят освободить науку от метафизики, философию от теологии» (см. «Нобати» № 3. Ш. Г.), то они и отвергают диалектический метод.

Ну и анархисты! Как говорится: «с больной головы на здоровую». Диалектика созрела в борьбе с метафизикой, в этой борьбе она стяжала себе славу, а по мнению анархистов выходит, что «диалектика — это метафизика»! «Родоначальник» анархистов Прудон верил в то, что в мире существует **раз навсегда** установленная, «неизменная справедливость» (см. «Анархизм» Эльцбахера, стр. 64—68, заграничное издание), за что Прудона называли метафизиком. Маркс боролся против Прудона при помощи диалектического метода и доказывал, что раз в мире всё изменяется, то должна изменяться и «справедливость», и, следовательно, «неизменная справедливость» — это метафизическая фантазия (см. «Нищету философии» Маркса). Грузинские же ученики метафизика Прудона выступают и «доказывают», что «диалектика — это метафизика», что метафизика признаёт «непознаваемое» и «вещь в себе» и в конце концов переходит в бессодержательную теологию. В противоположность Прудону и Спенсеру Энгельс при помощи диалектического метода боролся как с метафизикой, так и с теологией (см. «Людвиг Фейербах» и «Анти-Дюринг» Энгельса). Он доказывал их смехотворную бессодержательность. Наши же анархисты «доказывают», что Прудон и Спенсер — учёные, а Маркс и Энгельс — метафизики. Одно из двух: либо гг. анархисты обманывают самих себя, либо они не понимают, что такое метафизика. Во всяком случае, диалектический метод здесь ни в чём не повинен.

В чём ещё гг. анархисты обвиняют диалектический метод? Они говорят, что диалектический метод — это «хитросплетение», «метод софизмов», «логическое и мыслительное сальтомортале» (см. «Нобати» № 8. Ш. Г.), «при помощи которого одинаково легко доказываются и истина и ложь» (см. «Нобати» № 4. В. Черкезишвили).

На первый взгляд может показаться, что обвинение, выдвинутое анархистами, правильно. Послушайте, что говорит Энгельс о последователе метафизического метода: «...речь его состоит из «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга...» (см. «Анти-Дюринг». Введение). Как же так! — горячится анархист.— Разве возможно, чтобы один и тот же предмет в одно и то же время был и хорошим и плохим?! Ведь это «софизм», «игра слов», ведь это значит, что «вы хотите с одинаковой лёгкостью доказать и истину и ложь!..»

Однако вдумаемся в суть дела. Сегодня мы требуем демократической республики, демократическая же республика укрепляет буржуазную собственность; можно ли сказать, что демократическая республика везде и всегда хороша? Нет, нельзя! Почему? Потому, что демократическая республика хороша **только «сегодня»**, когда мы разрушаем феодальную собственность, но **«завтра»**, когда мы приступим к разрушению буржуазной и установлению социалистической собственности, демократическая республика уже не будет хороша, наоборот, она превратится в оковы, которые мы разобьём и отбросим прочь; а так как жизнь находится в постоянном движении, так как нельзя разрывать прошлое и настоящее, так как мы **одновременно** боремся и против феодалов и против буржуазии,— то мы и говорим: поскольку демократическая республика уничтожает феодальную собственность, постольку она хороша, и мы защищаем её; но поскольку она укрепляет буржуазную собственность, постольку она нехороша, и поэтому мы критикуем её. Выходит, что демократическая республика одновременно и «хороша» и «плоха», и, таким образом, на поставленный вопрос можно ответить и «да» и «нет». Именно такие **факты** имел в виду Энгельс, когда он приведёнными выше словами доказывал правильность диалектического метода. Анархисты же не поняли этого и приняли это за «софизм»! Анархисты, конечно, вольны замечать или не замечать этих **фактов**, они даже могут на песчаном берегу не замечать песка,— это их право. Но при чём тут диалектический метод, который, в отличие от анархистов, не смотрит на жизнь

закрытыми глазами, чувствует биение пульса жизни и прямо говорит: раз жизнь изменяется, раз жизнь движется,— всякое жизненное явление имеет две тенденции: положительную и отрицательную; первую из них мы должны защищать, а вторую отвергать? Удивительный народ анархисты: они всё время твердят о «справедливости», а с диалектическим методом обращаются весьма несправедливо!

Пойдём дальше. По мнению наших анархистов, «диалектическое развитие есть развитие катастрофическое, согласно которому сначала полностью уничтожается прошлое, а затем совершенно обособленно утверждается будущее... Катаклизмы Кювье порождались неизвестными причинами, катастрофы же Маркса — Энгельса порождаются диалектикой» (см. «Нобати» № 8. Ш. Г.). А в другом месте тот же автор говорит, что «марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически» (см. «Нобати» № 6).

Вдумайтесь хорошенько, читатель!

Кювье отрицает дарвиновскую эволюцию, он признаёт только катаклизмы, а катаклизм — **неожиданный** взрыв, «порождаемый **неизвестными** причинами». Анархисты говорят, что марксисты **примыкают к Кювье** и, следовательно, **отвергают дарвинизм.**

Дарвин отвергает катаклизмы Кювье, он признаёт постепенную эволюцию. И вот те же анархисты говорят, что «марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически», следовательно, марксисты **не являются сторонниками катаклизмов Кювье.**

Вот она — анархия! Как говорится: унтер-офицерская вдова сама себя высекла! Ясно, что Ш. Г. из восьмого номера «Нобати» забыл о том, что говорил Ш. Г. из шестого номера. Который же из них прав: шестой или восьмой номер? Или оба они лгут?

Обратимся к фактам. Маркс говорит: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности... Тогда наступает эпоха социальной революции». Но «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора...» (см. **К. Маркс,** «К критике политической экономии». Предисловие). Если применить мысли Маркса к современной общественной жизни, то получится, что между современными производительными силами, имеющими **общественный** характер, и присвоением продуктов, имеющим **частный** характер, существует коренной конфликт, который должен завершиться социалистической революцией (см. **Ф. Энгельс,** «Анти-Дюринг». Вторая глава третьего раздела). Как видите, по мнению Маркса и Энгельса, «революцию» («катастрофу») порождают не «неизвестные причины» Кювье, а совершенно определённые и жизненные общественные причины, называемые «развитием производительных сил». Как видите, по мнению Маркса и Энгельса, революция совершается только тогда, когда достаточно созреют производительные силы, а не **неожиданно,** как это казалось Кювье. Ясно, что между катаклизмами Кювье и диалектическим методом нет ничего общего. С другой стороны, дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятую революцию, в то время как, согласно диалектическому методу, эволюция и революция, количественное и качественное изменения,— это две необходимые формы одного и того же движения. Ясно, что никак нельзя сказать и того, что «марксизм... некритически относится к дарвинизму». Выходит, что «Нобати» лжёт в обоих случаях, как в шестом, так и в восьмом номере.

И вот, эти лгунишки-«критики» пристают к нам и твердят: хочешь не хочешь, а наша ложь лучше вашей правды! Они, вероятно, полагают, что анархисту всё простительно.

Гг. анархисты ещё одного не могут простить диалектическому методу: «Диалектика... не даёт возможности ни выйти или выскочить из себя, ни перепрыгнуть через самого себя» (см. «Нобати» № 8. Ш. Г.). Вот это, гг. анархисты, сущая истина, тут вы, почтенные, совершенно правы: диалектический метод не даёт такой возможности. Но почему не даёт? А потому, что «выскакивать из себя и перепрыгивать через самого себя» — это занятие диких коз, диалектический же метод создан для людей. Вот в чём секрет!..

Таковы в общем взгляды наших анархистов на диалектический метод.

Ясно, что анархисты не поняли диалектического метода Маркса и Энгельса,— они выдумали свою собственную диалектику и именно с нею сражаются так беспощадно.

Нам же остаётся только смеяться, глядя на это зрелище, ибо как не посмеяться, когда видишь, что человек борется со своей фантазией, разбивает свои собственные вымыслы и в то же время с жаром уверяет, что он разит врага.

II

«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

К. Маркс

Что такое материалистическая теория?

Всё на свете изменяется, всё в мире движется, но **как** происходит это изменение и в **каком виде** совершается это движение,— вот в чём вопрос. Мы знаем, например, что земля некогда представляла из себя раскалённую огненную массу, затем она постепенно остыла, затем возник животный мир, за развитием животного мира последовало появление такого рода обезьян, из которого впоследствии произошёл человек. Но как совершалось это развитие? Некоторые говорят, что природе и её развитию предшествовала мировая идея, которая потом легла в основу этого развития, так что ход явлений природы оказывается пустой **формой** развития идей. Этих людей называли идеалистами, которые впоследствии разделились на несколько направлений. Некоторые же говорят, что в мире изначально существуют две противоположные друг другу силы — идея и материя, что, в соответствии с этим, явления делятся на два ряда — идеальный и материальный, между ними происходит постоянная борьба; так что развитие явлений природы, оказывается, представляет из себя постоянную борьбу между идеальными и материальными явлениями. Этих людей называют дуалистами, которые, подобно идеалистам, делятся на различные направления.

Материалистическая теория Маркса в корне отрицает как дуализм, так и идеализм. Конечно, в мире действительно существуют идеальные и материальные явления, но это вовсе не означает того, что они будто бы отрицают друг друга. Наоборот, идеальное и материальное суть две различные формы одного и того же явления; они вместе существуют и вместе развиваются, между ними существует тесная связь. Стало быть, у нас нет никакого основания думать, что они друг друга отрицают. Таким образом, так называемый дуализм в корне рушится. Единая и неделимая природа, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной,— вот как надо смотреть на развитие природы. Единая и неделимая жизнь, выраженная в двух различных формах — в идеальной и материальной,— вот как нужно нам смотреть на развитие жизни.

Таков монизм материалистической теории Маркса.

В то же время Маркс отрицает и идеализм. Неправильна та мысль, будто идея, и вообще духовная сторона, в своём развитии **предшествует** природе и вообще материальной стороне. Ещё не было на свете живых существ, когда уже существовала так называемая внешняя, неорганическая природа. Первое живое существо — протоплазма — не обладало никаким сознанием (идеей),— оно обладало лишь свойством раздражимости и первыми зачатками ощущения. Затем у животных постепенно развивалась способность ощущения, медленно переходя в сознание сообразно с тем, как развивалась их нервная система. Если бы обезьяна не разогнула своей спины, если бы она всегда ходила на четвереньках, то потомок её — человек — не мог бы свободно пользоваться своими лёгкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что существенно задержало бы развитие его сознания. Или ещё: если бы обезьяна не стала на задние ноги, то потомок её — человек — был бы вынужден всегда смотреть только вниз и только оттуда черпать свои впечатления; он не имел бы возможности посмотреть вверх и вокруг себя и, следовательно, не имел бы возможности доставить своему мозгу больше материала (впечатлений), чем обезьяна; и таким образом существенно задержалось бы развитие его сознания. Выходит, что для развития самой духовной стороны необходимо соответствующее строение организма и развитие его

нервной системы. Выходит, что развитию духовной стороны, развитию идей, **предшествует** развитие материальной стороны, развитие бытия. Ясно, что сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материя, а **затем** соответственно изменяются сознание и другие духовные явления,— развитие идеальной стороны **отстаёт** от развития материальных условий. Если материальную сторону, если внешние условия, если бытие и т. п. мы назовём **содержанием,** тогда идеальную сторону, сознание и другие подобные явления мы должны назвать **формой.** Отсюда возникает известное материалистическое положение: в процессе развития содержание предшествует форме, форма отстаёт от содержания.

То же самое нужно сказать и про общественную жизнь. И здесь материальное развитие предшествует идеальному развитию, и здесь форма отстаёт от своего содержания. Научного социализма ещё не было и в помине, когда уже существовал капитализм и велась усиленная классовая борьба; ещё нигде не возникала социалистическая идея, а процесс производства уже имел общественный характер.

Поэтому Маркс говорит: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (см. **К. Маркс,** «К критике политической экономии»). По мнению Маркса, экономическое развитие является материальной основой общественной жизни, **её содержанием,** а юридически-политическое и религиозно-философское развитие является **«идеологической формой»** этого содержания, её «надстройкой»,— поэтому Маркс говорит: «С изменением экономической основы **более или менее быстро** происходит переворот во всей громадной надстройке» (см. там же).

Да и в общественной жизни сначала изменяются внешние, материальные условия, а **затем** мышление людей, их мировоззрение. Развитие содержания предшествует возникновению и развитию формы. Конечно, это вовсе не значит, будто, по мнению Маркса, возможно содержание без формы, как это показалось Ш. Г. (см. «Нобати» № 1. «Критика монизма»). Содержание без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, ввиду её отставания от содержания, никогда **полностью** не соответствует этому содержанию, и, таким образом, часто новое содержание «вынуждено» временно облечься в старую форму, что

вызывает конфликт между ними. В настоящее время, например, **общественному** содержанию производства не соответствует частный характер присвоения продуктов производства, и как раз на этой почве происходит современный социальный «конфликт». С другой стороны, та мысль, что идея является формой существования, вовсе не означает, будто сознание по своей природе — это та же самая материя. Так думали только вульгарные материалисты (например, Бюхнер и Молешотт), теории которых в корне противоречат материализму Маркса и над которыми справедливо насмехался Энгельс в своём «Людвиге Фейербахе». Согласно материализму Маркса, сознание и бытие, дух и материя,— это две различные формы одного и того же явления, которое, вообще говоря, называется природой; следовательно, они и не отрицают друг друга* и, вместе с тем, не представляют собой одного и того же явления. Дело лишь в том, что в развитии природы и общества сознанию, т. е. тому, что совершается в нашей голове, предшествует соответствующее материальное изменение, т. е. то, что совершается вне нас. За тем или иным материальным изменением рано или поздно неизбежно следует соответствующее идеальное изменение, поэтому мы и говорим, что идеальное изменение является формой соответствующего материального изменения.

Таков в общем монизм диалектического материализма Маркса и Энгельса.

Хорошо, скажут нам некоторые, это всё правильно по отношению к истории природы и общества. Но каким образом в нашей голове рождаются различные представления и идеи о тех или иных предметах в настоящее время? И существуют ли в действительности так называемые внешние условия, или же существуют лишь наши представления об этих внешних условиях? И если существуют внешние условия, то в какой мере возможно их восприятие и познание?

---

* Это вовсе не противоречит той мысли, что между формой и содержанием существует конфликт. Дело в том, что этот конфликт существует не между содержанием и формой вообще, а между **старой** формой и **новым** содержанием, которое ищет новой формы и стремится к ней.

По этому поводу мы говорим, что наши представления, наше «я» существует *лишь постольку, поскольку существуют* внешние условия, вызывающие впечатления в нашем «я». Те, которые необдуманно говорят, что не существует ничего, кроме наших представлений, вынуждены отрицать наличие каких бы то ни было внешних условий и, стало быть, отрицать и существование остальных людей, кроме своего «я», что в корне противоречит основным началам науки и жизненной деятельности. Да, внешние условия действительно существуют; эти условия существовали до нас и будут существовать после нас, их восприятие и познание возможно тем скорее и легче, чем чаще и сильнее воздействуют они на наше сознание. Что касается того, каким образом рождаются **в настоящее время** в нашей голове различные представления и идеи о тех или иных предметах, то по этому поводу мы должны заметить, что здесь вкратце повторяется то же, что происходит в истории природы и общества. И в данном случае предмет, находящийся вне нас, предшествует нашему представлению об этом предмете, и в данном случае наше представление, форма, отстаёт от предмета, как от своего содержания, и т. д. Если я смотрю на дерево и вижу его, это означает лишь то, что ещё до того, как в моей голове родилось представление о дереве, существовало само дерево, которое вызвало у меня соответствующее представление.

Нетрудно понять, какое значение должен иметь монистический материализм Маркса и Энгельса для практической деятельности людей. Если наше мировоззрение, наши нравы и обычаи вызваны внешними условиями, если негодность юридических и политических форм зиждется на экономическом содержании, тогда ясно, что мы должны содействовать коренному переустройству экономических отношений, чтобы вместе с ними в корне изменились нравы и обычаи народа и политический строй страны.

Вот что об этом говорит Карл Маркс:

«Не требуется большого остроумия, чтобы усмотреть связь между учением материализма... и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и проч. из чувственного мира... то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нём истинно человеческое, чтобы он привыкал в нём воспитывать в себе человеческие свойства... Если человек *несвободен в материалистическом* смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления... *Если характер человека создаётся обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными*» (см. «Людвиг Фейербах». Приложение «К. Маркс о французском материализме XVIII века»).

Такова связь между материализмом и практической деятельностью людей.

* * *

Как смотрят анархисты на монистический материализм Маркса и Энгельса?

Если диалектика Маркса берёт своё начало от Гегеля, то его материализм является развитием материализма Фейербаха. Это хорошо известно анархистам, и они пытаются, используя недостатки Гегеля и Фейербаха, очернить диалектический материализм Маркса — Энгельса. В отношении Гегеля мы уже указывали, что такие уловки анархистов не могут доказать ничего, кроме их собственного полемического бессилия. То же самое надо сказать и в отношении Фейербаха. Вот, например, они усиленно подчёркивают, что «Фейербах был пантеистом...», что он «обожествил человека...» (см. «Нобати» № 7. Д. Деленди), что, «по мнению Фейербаха, человек есть то, что он ест...», что отсюда Маркс якобы сделал такой вывод: «Следовательно, самым главным и самым первым является экономическое положение» и т. д. (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.). Правда, в пантеизме Фейербаха, в обожествлении им человека и в других подобных его ошибках никто из нас не сомневается, наоборот, Маркс и Энгельс первые вскрыли ошибки Фейербаха, но анархисты, тем не менее, считают нужным снова «разоблачать» уже разоблачённые ошибки Фейербаха. Почему? Вероятно, потому, что, браня Фейербаха, хотят как-нибудь очернить и материализм, который Маркс

заимствовал у Фейербаха и затем научно развил его. Разве у Фейербаха не могли быть наряду с ошибочными мыслями и правильные? Мы утверждаем, что такими уловками анархисты нисколько не поколеблют монистического материализма, разве только докажут своё собственное бессилие.

В среде самих анархистов существует разноголосица во взглядах на материализм Маркса. Если послушать г-на Черкезишвили, то оказывается, что Маркс и Энгельс ненавидят монистический материализм; по его мнению, их материализм вульгарный, а не монистический: «Та великая наука натуралистов с её системой эволюции, трансформизмом и монистическим материализмом, **которую так сильно ненавидит Энгельс...** избегала диалектики» и т. д. (см. «Нобати» № 4. В. Черкезишвили). Выходит, что естественно-научный материализм, который нравится Черкезишвили и который ненавидел Энгельс, был монистическим материализмом. Другой же анархист говорит нам, что материализм Маркса и Энгельса является монистическим, а поэтому и заслуживает того, чтобы его отвергнуть. «Историческая концепция Маркса является атавизмом Гегеля. Монистический материализм абсолютного объективизма вообще и экономический монизм Маркса в частности невозможны в природе и ошибочны в теории... Монистический материализм является плохо прикрытым дуализмом и компромиссом между метафизикой и наукой...» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.). Выходит, что монистический материализм неприемлем, так как Маркс и Энгельс не только не ненавидели его, а, напротив, сами были монистическими материалистами, вследствие чего монистический материализм надо отвергнуть.

Вот анархия! Сами ещё не разобрались в существе материализма Маркса, сами ещё не поняли, является он монистическим материализмом или нет, сами ещё не столковались между собой о его достоинствах и недостатках, а уж оглушают нас своим бахвальством: мы, мол, критикуем и сравниваем с землёй материализм Маркса. Уже из этого видно, насколько основательной может быть их «критика».

Пойдём дальше. Некоторые анархисты, оказывается, даже не знают того, что в науке есть разные виды материализма и между ними имеется большое различие: есть, например, вульгарный материализм (в естествознании и истории), отрицающий значение идеальной стороны и её воздействие на материальную сторону; но есть и так называемый монистический материализм, который научно рассматривает взаимоотношение идеальной и материальной сторон. Некоторые анархисты смешивают всё это и в то же время с большим апломбом заявляют: хочешь — не хочешь, а материализм Маркса и Энгельса мы критикуем основательно! Послушайте: «По мнению Энгельса, а также и по мнению Каутского, Маркс оказал человечеству большую услугу тем, что он...», между прочим, открыл «материалистическую концепцию». «Верно ли это? Не думаем, ибо знаем... что все историки, учёные и философы, которые придерживаются того взгляда, будто общественный механизм приводится в движение географическими, климатически-теллурическими, космическими, антропологическими и биологическими условиями,— **все они являются материалистами»** (см. «Нобати» № 2. Ш. Г.). Вот и разговаривай с ними! Выходит, что нет разницы между «материализмом» Аристотеля и Монтескьё, между «материализмом» Маркса и Сен-Симона. Вот это называется понять противника и основательно его раскритиковать!..

Некоторые анархисты где-то прослышали, что материализм Маркса — это «теория желудка»,— и принялись популяризировать эту «мысль», вероятно, потому, что бумага недорого ценится в редакции «Нобати» и эта операция ей дёшево обойдётся. Послушайте: «По мнению Фейербаха, человек есть то, что он ест. Эта формула магически подействовала на Маркса и Энгельса»,— и вот, по мнению анархистов, отсюда Маркс и заключил, что, «следовательно, самым главным и самым первым является экономическое положение, производственные отношения...» Далее анархисты философски поучают нас: «Сказать, что единственным средством для этой цели (общественной жизни) является еда и экономическое производство, было бы ошибкой... Если бы главным образом, монистически, **едой** и экономическим бытием **определялась идеология,** — то некоторые обжоры были бы гениями» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.). Вот как легко, оказывается, раскритиковать материализм Маркса: достаточно услышать от какой-нибудь институтки уличную сплетню по адресу Маркса и Энгельса, достаточно эту уличную сплетню

с философическим апломбом повторить на страницах какой-то «Нобати», чтобы сразу заслужить славу «критика». Но скажите одно, господа: где, когда, в какой стране и какой Маркс сказал, что «еда определяет идеологию»? Почему вы не привели ни единой фразы, ни единого слова из сочинений Маркса в подтверждение вашего обвинения? Разве экономическое бытие и еда — одно и то же? Смешивать эти совершенно различные понятия простительно, скажем, какой-нибудь институтке, но как могло случиться, что вы, «сокрушители социал-демократии», «возродители науки», — что и вы так беззаботно повторяете ошибку институток? Да и как это еда может определить общественную идеологию? А ну-ка, вдумайтесь в свои же слова: еда, форма еды не изменяется, и в старину люди так же ели, разжёвывали и переваривали пищу, как и теперь, в то время как форма идеологии всё время изменяется и развивается. Античная, феодальная, буржуазная, пролетарская - вот, между прочим, какие формы имеет идеология. Разве допустимо, чтобы то, что, вообще говоря, не изменяется, определяло собой то, что всё время изменяется? Идеологию определяет экономическое бытие — это действительно говорит Маркс, и это легко понять, но разве еда и экономическое бытие — одно и то же? Почему вам заблагорассудилось навязывать Марксу ваше собственное недомыслие?..

Пойдём дальше. По мнению наших анархистов, материализм Маркса «есть тот же параллелизм...»; или ещё: «монистический материализм является плохо прикрытым дуализмом и компромиссом между метафизикой и наукой...» «Маркс впадает в дуализм потому, что изображает производственные отношения как материальные, а человеческие стремления и волю — как иллюзию и утопию, которая не имеет значения, хотя и существует» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.). Во-первых, монистический материализм Маркса не имеет ничего общего с бестолковым параллелизмом. В то время как с точки зрения материализма материальная сторона, содержание необходимо **предшествует** идеальной стороне, форме,— параллелизм отвергает этот взгляд и решительно заявляет, что ни материальная, ни идеальная сторона **не предшествует** одна другой, что обе они движутся вместе, параллельно. Во-вторых, что общего между монизмом Маркса и дуализмом,

когда нам хорошо известно (должно быть известно и вам, гг. анархисты, если вы читаете марксистскую литературу!), что первый исходит из **одного принципа** — природы, имеющей материальную и идеальную формы, в то время как второй исходит из **двух принципов** — материального и идеального, которые, согласно дуализму, взаимно отрицают друг друга? В-третьих, кто сказал, будто «человеческие стремления и воля не имеют значения»? Почему вы не укажете, где об этом говорит Маркс? Разве не о значении «стремлений и воли» говорит Маркс в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», в «Классовой борьбе во Франции», в «Гражданской войне во Франции» и в других брошюрах? Почему же тогда Маркс старался в социалистическом духе развить «волю и стремления» пролетариев, зачем он вёл пропаганду среди них, если он не признавал значения «стремлений и воли»? Или, о чём говорит Энгельс в своих известных статьях за 1891—94 годы, как не о «значении стремлений и воли»? Человеческие стремления и воля берут своё содержание из экономического бытия, но это вовсе не значит, что они не оказывают никакого влияния на развитие экономических отношений. Неужели нашим анархистам так трудно переварить эту простую мысль? Да, да, недаром говорят, что одно дело — страсть к критике, а другое дело — сама критика!..

Ещё одно обвинение, выдвинутое гг. анархистами: «нельзя представить форму без содержания...», поэтому нельзя сказать, что «форма отстаёт от содержания... они «сосуществуют»... В противном случае монизм является абсурдом» (см. «Нобати» № 1. Ш. Г.). Запутались малость гг. анархисты. Содержание без формы немыслимо, но **существующая форма** никогда полностью не соответствует существующему содержанию, новое содержание в известной мере всегда облечено в старую форму, вследствие чего между старой формой и новым содержанием всегда существует конфликт. Именно на этой почве происходят революции, и в этом, между прочим, выражается революционный дух материализма Маркса. Анархисты же этого не поняли и упрямо повторяют, что содержания без формы не бывает...

Таковы взгляды анархистов на материализм. Мы ограничимся сказанным. И так достаточно ясно, что анархисты выдумали собственного Маркса и приписали ему свой,

выдуманный ими «материализм», а потом сражаются с ним. В настоящего же Маркса и в настоящий материализм не попадает ни одна пуля...

Какова связь между диалектическим материализмом и пролетарским социализмом?

Газета «Ахали Цховреба» («Новая Жизнь») №№ 2, 4, 7 и 16; 21, 24, 28 июня и 9 июля 1906 г.

Подпись: Коба

Перевод с грузинского

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **«Брдзола»** («Борьба») — первая нелегальная грузинская газета тифлисской социал-демократической организации, её ленинско-искровской группы. Инициатором создания газеты «Брдзола» был И. В. Сталин. Выход газеты «Брдзола» явился результатом той борьбы, которую вело с 1898 года революционное меньшинство первой грузинской социал-демократической организации «Месаме-даси» (И. В. Сталин, В. З. Кецховели, А. Г. Цулукидзе) против её оппортунистического большинства (Жордания и др.) по вопросу о создании нелегальной революционной марксистской печати. «Брдзола» печаталась в Баку в подпольной типографии, организованной по поручению революционного крыла тифлисской социал-демократической организации ближайшим соратником И. В. Сталина В. З. Кецховели. На него же была возложена практическая работа по выпуску газеты. Руководящие статьи в «Брдзоле» по вопросам программы и тактики революционной марксистской партии принадлежат И. В. Сталину. Вышло четыре номера «Брдзолы»: № 1 — в сентябре 1901 года, № 2-3 — в ноябре — декабре 1901 года и № 4 — в декабре 1902 года. «Брдзола» — лучшая после «Искры» марксистская газета в России — отстаивала неразрывную связь революционной борьбы закавказского пролетариата с революционной борьбой рабочего класса всей России. Защищая теоретические основы революционного марксизма, «Брдзола», как и ленинская «Искра», пропагандировала необходимость

перехода социал-демократических организаций к массовой политической агитации, к политической борьбе с самодержавием, отстаивала ленинскую идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Борясь с «экономистами», «Брдзола» обосновывала необходимость создания единой революционной партии рабочего класса, разоблачала либеральную буржуазию, националистов и оппортунистов всех мастей. Ленинская «Искра» отметила выход в свет № 1 «Брдзолы» как событие большой важности. — ***3.***

2 **«Рабочая Мысль»** — газета, откровенно проводившая оппортунистические взгляды «экономистов»; выходила с октября 1897 года по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. — ***17.***

3 Закон 2 июня 1897 года устанавливал рабочий день для рабочих промышленных предприятий и железнодорожных мастерских продолжительностью в $11^1/_2$ часов; законом одновременно было сокращено число праздничных дней для рабочих. — ***17.***

4 Имеются в виду «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений», утверждённые правительством 29 июля 1899 года. На основании этих правил студенты, участники коллективных выступлений против полицейского режима, установленного в высших учебных заведениях, исключались из них и зачислялись рядовыми в царскую армию на срок от одного года до трёх лет. — ***24.***

5 **«Сакартвело»** («Грузия») — газета заграничной группы грузинских националистов, ставшей ядром буржуазно-националистической партии социал-федералистов; издавалась в Париже на грузинском и французском языках с 1903 по 1905 год.

В партию грузинских федералистов (оформилась в апреле 1904 года в Женеве) вошли, кроме группы «Сакартвело», анархисты, эсеры, национал-демократы. Основное требование федералистов — национальная автономия Грузии в пределах российского помещичье-буржуазного государства. В годы реакции они стали открытыми противниками революции. — ***35.***

6 «Армянская социал-демократическая рабочая организация» была создана армянскими национал-федералистскими элементами вскоре после II съезда РСДРП. В. И. Ленин отмечал тесную связь этой организации с Бундом. «Это — **бундовская креатура,** ничего более, специально выдуманная для питания кавказского бундизма. ...Кавказские товарищи все против этой шайки литераторов-дезорганизаторов», — писал В. И. Ленин членам Центрального Комитета 7 сентября (н. ст.) 1905 года (см. Ленинский сборник V, стр. 493). — ***37.***

7 Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) — еврейская мелкобуржуазная оппортунистическая организация. Образовался в октябре 1897 года на съезде в Вильно. Бунд вёл работу преимущественно среди еврейских ремесленников. Войдя в РСДРП на I съезде в 1898 году «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата», Бунд выступил носителем национализма и сепаратизма в рабочем движении России. Буржуазно-националистическая позиция Бунда подверглась резкой критике со стороны ленинской «Искры». Кавказские искровцы всецело поддерживали В. И. Ленина в его борьбе с Бундом. — ***40.***

8 Имеются в виду комитеты партии, объединившиеся в марте 1903 года в Тифлисе на I съезде социал-демократических рабочих организаций Кавказа в Кавказский союз РСДРП. На съезде были представлены организации Тифлиса, Баку, Батума, Кутаиса, Гурии и др. Съезд одобрил политическую линию ленинской «Искры», принял для руководства проект программы «Искры» и «Зари», разработал и утвердил специальный устав Союза. Первый съезд Кавказского союза положил основание интернациональному построению

социал-демократических организаций на Кавказе. Съезд создал руководящий партийный орган — Кавказский союзный комитет РСДРП, в состав которого был избран заочно И. В. Сталин, находившийся тогда в заключении в батумской тюрьме. После побега из ссылки и возвращения в Тифлис в начале 1904 года И. В. Сталин становится во главе Кавказского союзного комитета РСДРП. — ***40.***

9 Два письма И. В. Сталина из Кутаиса были найдены среди переписки В. И. Ленина и Н. К. Крупской с большевистскими организациями в России. Письма эти были написаны И. В. Сталиным во время его пребывания в сентябре — октябре 1904 года в Кутаисе и адресованы его товарищу по революционной работе в Закавказье М. Давиташвили, жившему тогда в Лейпциге (Германия) и входившему в лейпцигскую группу большевиков. Об одном из этих писем другой участник лейпцигской группы большевиков Д. Сулиашвили в своих воспоминаниях писал: «Вскоре Михаил Давиташвили получил из Сибири письмо от Иосифа Сталина. В письме он с восторгом и увлечением отзывался о Ленине, о выставленных им революционно-большевистских тезисах, желал ему победы и бодрости и называл его «горным орлом».

Это письмо мы переслали Ленину. Вскоре от него мы получили ответ для переотправки Сталину. В письме он называл Сталина «пламенным колхидцем»» (см. Д. Сулиашвили. Воспоминания о Сталине. Журнал «Мнатоби» № 9, 1935 г., стр. 163, на грузинском языке). Грузинские подлинники писем И. В. Сталина не найдены. — ***56.***

10 Имеется в виду новая, меньшевистская «Искра». После II съезда РСДРП меньшевики, захватив при содействии Плеханова «Искру» в свои руки, использовали её для борьбы с В. И. Лениным и большевиками. Они стали открыто пропагандировать на её страницах свои оппортунистические взгляды. Меньшевистская «Искра» выходила по октябрь 1905 года. — ***56.***

11 Осенью 1904 года, после захвата меньшевиками редакции «Искры», по поручению В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич организовал специальное издательство, задачей которого являлся выпуск «партийной литературы, в особенности посвящённой защите принципиальной позиции большинства второго партийного съезда». Совет партии и Центральный Комитет, оказавшиеся к тому времени в руках меньшевиков, всячески препятствовали печатанию и распространению большевистской литературы. В связи с этим конференция кавказских большевистских комитетов, состоявшаяся в ноябре 1904 года, приняла следующую резолюцию «О литературе большинства»: «Конференция предлагает ЦК доставить комитетам партии литературу группы Бонч-Бруевича и Ленина наряду с прочей партийной литературой, выясняющей партийные разногласия». В конце декабря 1904 года издательская деятельность перешла к организованной В. И. Лениным газете «Вперёд». — ***56.***

12 «Декларация 22-х» — написанное В. И. Лениным обращение «К партии». Обращение было принято на совещании большевиков, происходившем под руководством Ленина в августе 1904 года в Швейцарии. Упоминаемая в письме И. В. Сталина брошюра «К партии» содержит, кроме обращения «К партии», резолюции Рижского и Московского комитетов, а также женевской большевистской группы, присоединившихся к решениям совещания 22 большевиков. Обращение «К партии» стало для большевиков программой борьбы за III съезд. Большинство комитетов РСДРП выразило свою солидарность с решениями большевистского совещания. В сентябре 1904 года Кавказский союзный, Тифлисский и Имеретино-Мингрельский комитеты присоединились к «Декларации 22-х» и развернули агитацию за немедленный созыв III съезда партии. — ***56.***

13 Статья В. И. Ленина «Шаг вперёд, два шага назад» написана в сентябре 1904 года. Статья является ответом на фельетон Розы Люксембург «Организационные вопросы русской социал-демократии», опубликованный в № 69 «Искры» и в

№№ 42, 43 «Neue Zeit», а также на письмо К. Каутского, напечатанное в № 66 «Искры». Свой ответ Ленин предназначал для помещения в «Neue Zeit», но редакция, сочувствовавшая меньшевикам, отказалась опубликовать его. — *56.*

14 «Протоколы 2-го очередного съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии»; изданы Лигой в 1904 году в Женеве. — *56.*

15 Книга В. И. Ленина «Шаг вперёд, два шага назад» написана в феврале — мае и вышла в свет 6 (19) мая 1904 года (см. Сочинения, т. VI, стр. 155—336). — *56.*

16 Имеется в виду книга В. И. Ленина «Что делать?» (см. Сочинения, т. IV, стр. 359—508). — *57.*

17 Совет партии по уставу, принятому II съездом РСДРП, являлся высшим партийным учреждением. Совет партии состоял из пяти человек: по два члена Совета назначали ЦК и ЦО, пятый член Совета избирался съездом. Основная задача Совета заключалась в согласовании и объединении деятельности ЦК и ЦО. Вскоре после II съезда РСДРП в Совете партии получили преобладание меньшевики, превратившие его в свой фракционный орган. Третий съезд РСДРП устранил многоцентрие в партии, создав единый партийный центр — Центральный Комитет — с разделением его на заграничную и русскую части. По уставу, принятому III съездом, редактор ЦО назначался ЦК из состава членов ЦК. — *61.*

18 Брошюра В. И. Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» с предисловием и послесловием автора вышла в 1904 году в Женеве в издании ЦК РСДРП (см. Сочинения, т. V, стр. 179—192). — *61.*

19 Костров; Ан — псевдонимы Н. Жордания. — *61.*

20 **«Квали»** («Борозда») — еженедельная газета на грузинском языке, орган либерально-националистического направления. В период 1893—1897 годов предоставляла свои страницы начинающим литераторам из «Месаме-даси». В конце 1897 года газета перешла в руки большинства «Месаме-даси» (Н. Жордания и др.) и стала рупором «легального марксизма». После возникновения внутри РСДРП фракций большевиков и меньшевиков «Квали» стала органом грузинских меньшевиков. Газета закрыта правительством в 1904 году. — *61.*

21 **«Пролетариатис Брдзола»** («Борьба Пролетариата») — грузинская нелегальная газета, орган Кавказского союза РСДРП; выходила с апреля — мая 1903 года по октябрь 1905 года; была закрыта после выхода 12-го номера. По возвращении из ссылки, в 1904 году, редакцию газеты возглавил И. В. Сталин. В состав редакции входили также А. Г. Цулукидзе, С. Г. Шаумян и др. Руководящие статьи в газете писал И. В. Сталин. «Пролетариатис Брдзола» являлась преемницей газеты «Брдзола». Первый съезд Кавказского союза РСДРП решил объединить с газетой «Брдзола» армянскую социал-демократическую газету «Пролетариат» в один общий орган, издаваемый на трёх языках: грузинском («Пролетариатис Брдзола»), армянском («Пролетариати Крив») и русском («Борьба Пролетариата»). Содержание газеты на всех трёх языках было тождественным. Порядок номеров сохранялся от предшествующего издания на данном языке. «Пролетариатис Брдзола» была самой крупной после «Вперёд» и «Пролетария» нелегальной большевистской газетой, последовательно отстаивавшей идеологические, организационные и тактические основы марксистской партии. Редакция «Пролетариатис Брдзола» поддерживала тесную связь с В. И. Лениным и большевистским заграничным центром. Когда в декабре 1904 года вышло извещение об издании газеты «Вперёд», Кавказский союзный комитет образовал литературную группу для поддержки «Вперёд». В ответ на приглашение Союзного комитета сотрудничать в «Пролетариатис Брдзола» В. И. Ленин в письме от 20 декабря (н. ст.) 1904 года писал: «Дорогие товарищи! Получил Ваше письмо насчёт «Борьбы Пролетариата». Постараюсь писать и передам товарищам по редакции» (см. Ленинский сборник XV, стр. 267). «Пролетариатис Брдзола» систематически перепечатывала на

своих страницах статьи и материалы из ленинской «Искры», а затем из «Вперёд» и «Пролетария». В газете публиковались статьи В. И. Ленина. В «Пролетарии» неоднократно давались положительные рецензии и отзывы о «Пролетариатис Брдзола», а также перепечатывались из неё статьи и корреспонденции. В № 12 «Пролетария» отмечается выход № 1 «Борьбы Пролетариата» на русском языке. В конце заметки говорится: «Нам ещё придётся вернуться к содержанию этой интересной газеты. Горячо приветствуем расширение издательской деятельности Кавказского союза и желаем ему дальнейших успехов в восстановлении партийности на Кавказе». — ***61.***

22 Имеется в виду статья И. В. Сталина «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» (см. настоящий том, стр. 32). — ***61.***

23 «Именной высочайший указ» царя Николая II от 12 декабря 1904 года вместе с особым правительственным сообщением был опубликован в газетах 14 декабря 1904 года. Наряду с обещанием некоторых «реформ» второстепенного характера указ объявлял о незыблемости самодержавной власти и содержал угрозы по адресу не только революционных рабочих и крестьян, но и либералов, осмелившихся предъявлять правительству робкие конституционные требования. По выражению В. И. Ленина, указ Николая II явился «прямой пощёчиной либералам». — ***76.***

24 «Проект конституции» был выработан группой членов либерального «Союза освобождения» в октябре 1904 года и вышел отдельным изданием под названием «Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции». Москва, 1904. — ***77.***

25 Брошюра И. В. Сталина «Коротко о партийных разногласиях» была написана в конце апреля 1905 года. Она явилась ответом на статьи Н. Жордания «Большинство или меньшинство?» в «Социал-Демократе», «Что такое партия?» в «Могзаури» и др. О выходе в свет брошюры И. В. Сталина «Коротко о партийных разногласиях» скоро стало известно в большевистском заграничном центре. 18 июля 1905 года Н. К. Крупская в письме Кавказскому союзному комитету РСДРП просила выслать брошюру за границу. Брошюра «Коротко о партийных разногласиях» получила широкое распространение в большевистских организациях Закавказья; по ней передовые рабочие знакомились с внутрипартийными разногласиями, с позицией В. И. Ленина, большевиков. Брошюра была напечатана в нелегальной (Авлабарской) типографии Кавказского союза РСДРП в мае 1905 года на грузинском и в июне — на русском и армянском языках, по 1 500—2 000 экземпляров на каждом языке. — ***89.***

26 **«Искра»** — первая общерусская нелегальная марксистская газета; основана в 1900 году В. И. Лениным. Первый номер ленинской «Искры» вышел 11(24) декабря 1900 года в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с апреля 1902 года — в Лондоне и с весны 1903 года — в Женеве. В ряде городов России (Петербург, Москва и др.) были созданы группы и комитеты РСДРП ленинско-искровского направления. В Закавказье идеи «Искры» отстаивала нелегальная газета «Брдзола» («Борьба») — орган грузинской революционной социал-демократии. (О значении и роли «Искры» см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 30—38.). — ***90.***

27 **«Социал-Демократ»** — нелегальная газета кавказских меньшевиков; выходила на грузинском языке в Тифлисе с апреля по ноябрь 1905 года. Газетой руководил Н. Жордания. Первый номер «Социал-Демократа» вышел как «орган Тифлисского комитета РСДРП»; в дальнейшем газета именовала себя «органом кавказских с.-д. рабочих организаций». — ***92.***

28 **«Рабочее Дело»** — непериодический орган Союза русских социал-демократов за границей («экономистов»). Журнал издавался в Женеве с 1899 по 1902 год. — ***92.***

29 См. В. И. Ленин. Сочинения, т. IV, стр. 56. — *93.*

30 Старовер — псевдоним А. Н. Потресова. — *94.*

31 См. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1941, стр. 150. — *99.*

32 **«Die Neue Zeit»** («Новое Время») — журнал германской социал-демократии, выходивший в Штутгарте с 1883 по 1923 год. — *100.*

33 **«Могзаури»** («Путешественник») — историко-археологический и географо-этнографический журнал; выходил в Тифлисе с 1901 года по ноябрь 1905 года. С января 1905 года «Могзаури» становится еженедельным литературно-политическим изданием грузинских социал-демократов, выходившим под редакцией Ф. Махарадзе. В «Могзаури» наряду со статьями большевистских авторов печатались также статьи меньшевиков. — *103.*

34 Гайнфельдская программа принята на учредительном съезде австрийской социал-демократии в 1888 году в г. Гайнфельде. Программа эта в принципиальной своей части содержала ряд положений, правильно освещавших ход общественного развития и задачи пролетариата и пролетарской партии. Впоследствии на Венском съезде в 1901 году гайнфельдская программа была заменена новой, содержавшей ревизионистские установки. — *113.*

35 См. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1941, стр. 278—279. — *117.*

36 **«Заря»** — теоретический журнал российской социал-демократии; основан В. И. Лениным, выходил одновременно с газетой «Искра» под одной общей редакцией. Журнал издавался в Штутгарте с апреля 1901 года по август 1902 года. — *121.*

37 См. В. И. Ленин. Сочинения, т. VI, стр. 150. — *125.*

38 **«Дневник Социал-Демократа»** — журнал, непериодически издававшийся в Женеве Г. В. Плехановым с марта 1905 года по апрель 1912 года. Было издано 16 номеров. В 1916 году вышел ещё один номер журнала. — *125.*

39 Гнчакисты — члены армянской мелкобуржуазной партии «Гнчак». Партия возникла в 1887 году в Женеве по инициативе студентов-армян. В Закавказье партия «Гнчак», приняв название армянской социал-демократической партии, вела раскольническую политику в рабочем движении. После революции 1905—1907 годов партия «Гнчак» выродилась в реакционную националистическую группировку. — *134.*

40 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 6-е, 1940, стр. 45. — *136.*

41 В газете «Пролетариатис Брдзола» («Борьба Пролетариата») № 11 была напечатана лишь первая часть статьи И. В. Сталина «Временное революционное правительство и социал-демократия». Вторая часть статьи, как это видно из сохранившегося в архиве рукописного наброска плана номеров (№№ 12, 13, 14) «Пролетариатис Брдзола», составленного И. В. Сталиным, предназначалась для опубликования в № 13 газеты. Ввиду того, что издание «Пролетариатис Брдзола» на 12-м номере прекратилось, вторая часть опубликована не была. Эта часть статьи сохранилась в делах жандармского управления лишь в рукописном переводе на русский язык. Грузинский текст рукописи не найден. — *138.*

42 Амстердамский конгресс II Интернационала состоялся в августе 1904 года. — *142.*

43 К. Маркс и Ф. Энгельс. «Обращение Центрального Комитета к Союзу Коммунистов» (см. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1941, стр. 131, 132). — *143.*

44 Имеется в виду работа В. И. Ленина «О временном революционном правительстве», в которой цитируется статья

Ф. Энгельса «Бакунисты за работой» (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. VII, стр. 325, 326, 328). — ***147.***

45 Имеется в виду проект закона об учреждении совещательной Государственной думы и положение о выборах в Думу, разработанные комиссией под председательством министра внутренних дел Булыгина. Проект закона и положение о выборах были опубликованы вместе с царским манифестом 6(19) августа 1905 года. Большевики объявили активный бойкот булыгинской Думы. Не успев собраться, она была сметена силой революции. — ***157.***

46 Статья И. В. Сталина «Ответ «Социал-Демократу»», напечатанная в № 11 «Пролетариатис Брдзола», вызвала живой отклик в заграничном большевистском центре. Резюмируя кратко основное содержание статьи И. В. Сталина, В. И. Ленин писал в «Пролетарии»: «В статье «Ответ «Социал-Демократу»» мы отметим прекрасную постановку вопроса о знаменитом «внесении сознания извне». Автор расчленяет этот вопрос на четыре самостоятельные части:

1) Философский вопрос об отношении сознания к бытию: бытие определяет сознание. Сообразно с существованием двух классов и сознание вырабатывается двоякое: буржуазное и социалистическое. Положению пролетариата соответствует сознание социалистическое.

2) «Кто может и кто вырабатывает это социалистическое сознание (научный социализм)?»

«Современное социалистическое сознание может возникнуть лишь на почве глубокого научного знания» (Каутский), т. е. выработка его «есть дело нескольких интеллигентов-социал-демократов, обладающих требуемыми к тому средствами и досугом».

3) Как проникает это сознание в пролетариат? «Тут-то и выступает социал-демократия (а не только интеллигенты-социал-демократы), которая вносит в рабочее движение социалистическое сознание».

4) Что встречает социал-демократия в самом пролетариате, идя в него с проповедью социализма? Инстинктивное **влечение** к социализму. «Вместе с пролетариатом с естественной необходимостью зарождается социалистическая тенденция как у самих пролетариев, так и у тех, кто усваивает точку зрения пролетариата; так объясняется зарождение социалистических влечений» (Каутский).

Меньшевик делает отсюда смехотворный вывод: «Отсюда ясно, что социализм не вносится извне в пролетариат, но, наоборот, выходит из пролетариата и входит в головы тех, которые усваивают воззрения пролетариата»!» (см. «Пролетарий» № 22, 11(24) октября 1905 г., отдел «Из партии», стр. 6). — ***160.***

47 «Ответ Союзному комитету» был издан в виде приложения к № 3 «Социал-Демократа» от 1 июня 1905 года. Автором «Ответа» был лидер грузинских меньшевиков Н. Жордания, взгляды которого были подвергнуты И. В. Сталиным беспощадной критике в брошюре «Коротко о партийных разногласиях» и других работах. — ***160.***

48 См. В. И. Ленин. Сочинения, т. V, стр. 187. — ***169.***

49 **«Московские Ведомости»** — газета, начала издаваться в 1756 году; выражала интересы наиболее реакционных кругов дворян-крепостников и духовенства. С 1905 года — орган черносотенцев. Закрыта после Октябрьской революции 1917 года. — ***173.***

50 **«Русские Ведомости»** — газета, издавалась в Москве с 1863 года либеральными профессорами Московского университета и земскими деятелями; выражала интересы либеральных помещиков и буржуазии. С 1905 года — орган правых кадетов. — ***175.***

51 **«Пролетарий»** — нелегальная большевистская еженедельная газета, Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии; издавалась в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. Вышло 26 номеров. Ответственным редактором газеты был В. И. Ленин. «Пролетарий» продолжил линию старой, ленинской «Искры» и

явился преемником большевистской газеты «Вперёд». Издание «Пролетария» было прекращено в связи с переездом В. И. Ленина в Петербург. — ***176.***

52 Конституционно-демократическая партия (к.-д., кадеты) — главная партия либерально-монархической буржуазии; оформилась в октябре 1905 года. Прикрываясь фальшивым демократизмом и именуя себя партией «народной свободы», кадеты старались привлечь на свою сторону крестьянство. Они стремились сохранить царизм в форме конституционной монархии. В дальнейшем кадеты превратились в партию империалистической буржуазии. После победы Октябрьской социалистической революции кадеты организовывали контрреволюционные заговоры и восстания против Советской республики. — ***179.***

53 **«Кавказский Рабочий Листок»** — первая ежедневная большевистская легальная газета на Кавказе; выходила в Тифлисе с 20 ноября по 14 декабря 1905 года на русском языке. Газетой руководили И. В. Сталин и С. Г. Шаумян. На IV конференции Кавказского союза РСДРП «Кавказский Рабочий Листок» был признан официальным органом Кавказского союза. Вышло 17 номеров. Два последних номера газеты вышли под названием «Елисаветпольский Вестник». — ***195.***

54 В декабре 1905 года латвийские города Туккум, Тальсен, Руен, Фридрихштадт и другие были захвачены вооружёнными отрядами восставших рабочих, батраков и крестьян. Началась партизанская война против царских войск. В январе 1906 года восстания в Латвии были подавлены карательными экспедициями царских генералов Орлова, Соллогуба и др. — ***202.***

55 Статья И. В. Сталина «Государственная дума и тактика социал-демократии» была опубликована 8 марта 1906 года в газете «Гантиади» («Рассвет») — ежедневном органе объединённого Тифлисского комитета РСДРП, выходившем с 5 по 10 марта 1906 г. Статья была официальным выражением точки зрения большевиков по вопросам думской тактики.

В предыдущем номере «Гантиади» была помещена статья под названием «Выборы в Государственную думу и наша тактика» за подписью X, отражавшая точку зрения меньшевиков по этому вопросу. Статья И. В. Сталина сопровождалась следующим примечанием от редакции: «Во вчерашнем номере нами была напечатана статья, выражающая взгляд одной части наших товарищей по вопросу об участии в Государственной думе. Сегодня, согласно обещанию, печатается вторая статья, выражающая принципиальный взгляд по этому вопросу другой части наших товарищей. Как увидит читатель, эти статьи принципиально отличаются друг от друга: автор первой — за участие в выборах в Думу, автор второй — против участия. И тот и другой взгляд не есть только выражение личного мнения. Они выражают тактические установки двух течений, существующих в партии. Так обстоит дело не только у нас, но и во всей России». — ***205.***

56 **«Революционная Россия»** — орган эсеров, выходил с конца 1900 года по 1905 год; сначала издавался «Союзом социалистов-революционеров», с января 1902 года стал центральным органом партии эсеров. — ***224.***

57 **«Новая Жизнь»** — первая легальная большевистская газета; выходила в Петербурге с 27 октября по 3 декабря 1905 года. С момента приезда В. И. Ленина из эмиграции «Новая Жизнь» стала выходить под его непосредственным руководством. Активное участие в газете принимал М. Горький. На 27-м номере «Новая Жизнь» была закрыта властями. Последний, 28-й, номер газеты вышел нелегально. — ***227.***

58 **«Начало»** — ежедневная легальная газета меньшевиков; издавалась в Петербурге с 13 ноября по 2 декабря 1905 года. — ***227.***

59 **«Цнобис Пурцели»** («Листок Известий») — ежедневная грузинская газета; выходила в Тифлисе с 1896 по 1906 год. С конца 1900 года газета являлась рупором грузинских националистов; с 1904 года становится органом грузинских социал-федералистов. — ***228.***

60 **«Элва»** («Молния») — ежедневная грузинская газета, орган объединённого Тифлисского комитета РСДРП; начала выходить после закрытия газеты «Гантиади». Первый номер «Элва» вышел 12 марта, последний — 15 апреля 1906 года. От большевиков руководящие статьи в газете писал И. В. Сталин. Всего вышло 27 номеров. — ***230.***

61 Четвёртый («Объединительный») съезд РСДРП состоялся 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 года в Стокгольме. На съезде присутствовали представители национальных социал-демократических партий Польши и Литвы, Латвии и Бунда. Многие большевистские организации были разгромлены правительством после декабрьского вооружённого восстания 1905 года и не смогли послать делегатов. Большинство на съезде, хотя и незначительное, принадлежало меньшевикам. Преобладание на съезде меньшевиков определило и характер решений съезда по ряду вопросов. И. В. Сталин был на съезде делегатом от тифлисской организации большевиков под псевдонимом Иванович, выступал на съезде с речами в прениях по проекту аграрной программы, по оценке текущего момента и о Государственной думе. Кроме того, И. В. Сталин сделал на съезде несколько фактических заявлений, в которых разоблачил оппортунистическую тактику закавказских меньшевиков по вопросу о Государственной думе, о договоре с Бундом и др. — ***236.***

62 Джон — псевдоним П. П. Маслова. — ***235.***

63 Н. Х. — Ной Хомерики — меньшевик. — ***241.***

64 **«Симартле»** («Правда») — ежедневная политико-литературная газета грузинских меньшевиков; выходила в Тифлисе в 1906 году. — ***241.***

65 К. Каутский и Ж. Гед в тот период ещё не перешли в лагерь оппортунистов. Под влиянием русской революции 1905—1907 годов, оказавшей огромное влияние на международное революционное движение и, в частности, на рабочий класс Германии, К. Каутский выступал по ряду вопросов в духе революционной социал-демократии. — ***241.***

66 **«Ахали Цховреба»** («Новая Жизнь») — ежедневная большевистская газета, выходившая в Тифлисе с 20 июня по 14 июля 1906 года. Руководителем газеты являлся И. В. Сталин. Постоянными сотрудниками «Ахали Цховреба» были М. Давиташвили, Г. Телия, Г. Кикодзе и др. Вышло всего 20 номеров. — ***242.***

67 Цитируется статья В. И. Ленина «Современное положение России и тактика рабочей партии» (см. Сочинения, т. IX, стр. 26). Статья была напечатана в «Партийных Известиях» — органе объединённого ЦК РСДРП. «Партийные Известия» издавались нелегально в Петербурге накануне IV («Объединительного») съезда партии. Вышло два номера: № 1 — 7 февраля и № 2 — 20 марта 1906 года. — ***243.***

68 К. Маркс и Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии» (см. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1941, стр. 110—111). — ***244.***

69 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 118—119. — ***245.***

70 **«Северная Земля»** — ежедневная большевистская легальная газета; издавалась в Петербурге с 23 по 28 июня 1906 года. — ***247.***

71 **«Россия»** — ежедневная газета полицейско-черносотенного характера; издавалась с ноября 1905 года по апрель 1914 года. Орган министерства внутренних дел. — ***247.***

72 В июне и июле 1906 года министр внутренних дел П. А. Столыпин разослал местным властям распоряжения, в которых требовал беспощадной военной расправы с революционным движением рабочих и крестьян и революционными организациями. — ***248.***

73 Трепов Д.— петербургский генерал-губернатор, руководил подавлением революции в 1905 году. — *248.*

74 Работа И. В. Сталина «Современный момент и Объединительный съезд рабочей партии» вышла в 1906 году в Тифлисе на грузинском языке в издании «Пролетариата». К брошюре были приложены три проекта резолюций большевиков к IV («Объединительному») съезду: 1) «Современный момент демократической революции» (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. IX, стр. 39—41), 2) «Классовые задачи пролетариата в современный момент демократической революции» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 6-е, 1940, стр. 65), 3) «Вооружённое восстание» (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. IX, стр. 41—42), затем проект резолюции о Государственной думе, внесённый на съезде от имени большевиков В. И. Лениным (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. IX, стр. 159—160). Кроме того, к брошюре была приложена резолюция съезда о вооружённом восстании и проект резолюции меньшевиков «О современном моменте революции и задачах пролетариата». — *250.*

75 «Партия демократических реформ» — партия либерально-монархической буржуазии, образовалась во время выборов в I Государственную думу в 1906 году. — *261.*

76 Октябристы, или «Союз 17 октября», — контрреволюционная партия крупной торгово-промышленной буржуазии и крупных помещиков, образовалась в ноябре 1905 года. Октябристы полностью поддерживали столыпинский режим, внутреннюю и внешнюю политику царизма. — *261.*

77 Трудовики, или «трудовая группа»,— группа мелкобуржуазных демократов; образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы. Трудовики выдвигали требования отмены всех сословных и национальных ограничений, демократизации земского и городского

самоуправления, осуществления всеобщего избирательного права для выборов в Государственную думу и прежде всего решения аграрного вопроса. — *263.*

78 **«Наша Жизнь»** — либерально-буржуазная газета, выходила в Петербурге с перерывами — с ноября 1904 года по декабрь 1906 года. — *266.*

79 **«Ахали Дроеба»** («Новое Время») — легальная профсоюзная газета; выходила еженедельно на грузинском языке в Тифлисе с 14 ноября 1906 года по 8 января 1907 года. Газета издавалась под руководством И. В. Сталина, М. Цхакая и М. Давиташвили; была закрыта по распоряжению тифлисского губернатора. — *285.*

80 Комиссия сенатора Шидловского была учреждена царским указом 29 января 1905 года якобы «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в гор. С.-Петербурге и его пригородах». В состав комиссии предполагалось включить выборных и от рабочих. Большевики считали эту затею царизма попыткой отвлечь рабочих от революционной борьбы и предложили использовать выборы в комиссию для предъявления царскому правительству политических требований. После того как правительство отклонило требования, выборщики отказались выбирать своих представителей в комиссию и призвали рабочих Петербурга к забастовке. На другой же день начались массовые политические стачки. 20 февраля 1905 года царское правительство вынуждено было распустить комиссию Шидловского. — *287.*

81 Комиссия под председательством министра финансов В. Н. Коковцева была учреждена в феврале 1905 года. Она, так же как и комиссия Шидловского, была создана для рассмотрения рабочего вопроса, но уже без участия в ней рабочих. Комиссия просуществовала до лета 1905 года. — *287.*

82 Закон о союзах от 4 марта 1906 года предоставлял право легального существования обществам и союзам при условии регистрации их уставов правительством. Несмотря на многочисленные ограничения деятельности союзов и введение уголовной ответственности за нарушение закона, рабочие широко использовали предоставленные права для создания пролетарских профессиональных организаций. В период 1905—1907 годов в России впервые начали создаваться массовые профсоюзы, которые вели экономическую и политическую борьбу под руководством революционной социал-демократии. — ***287.***

83 После объявления царского манифеста 17 октября 1905 года председатель совета министров С. Ю. Витте и министр внутренних дел П. Н. Дурново в ряде циркуляров и телеграмм губернаторам и градоначальникам, несмотря на официально объявленные «свободы», требовали силой оружия разгонять митинги и собрания, закрывать газеты, принимать решительные меры против союзов, в административном порядке отправлять в ссылку всех лиц, заподозренных в революционной деятельности, и т. п. — ***287.***

84 В конце 1905 г. и в начале 1906 г. в Грузии группа анархистов, возглавляемая последователем Кропоткина, известным анархистом В. Черкезишвили и его приверженцами Михако Церетели (Bâton), Шалва Гогелия (Ш. Г.) и др., вела ожесточённую кампанию против социал-демократов. Группа издавала в Тифлисе газеты «Нобати», «Муша» и др. Анархисты не имели никакой опоры в пролетариате, но достигли некоторых успехов среди деклассированных и мелкобуржуазных элементов. Против анархистов выступил И. В. Сталин с серией статей под общим названием «Анархизм или социализм?». Первые четыре статьи появились в газете «Ахали Цховреба» в июне — июле 1906 года. Печатание следующих статей было прекращено, так как газету власти закрыли. В декабре 1906 года и 1 января 1907 года статьи, печатавшиеся в «Ахали Цховреба», были перепечатаны в газете «Ахали Дроеба», но в несколько изменённом виде. Редакция газеты сопроводила эти статьи следующим примечанием: «Недавно профессиональный союз служащих обратился к нам с предложением напечатать статьи об анархизме, социализме и других подобных вопросах (см. «Ахали Дроеба» № 3). Такое же пожелание было высказано и некоторыми другими товарищами. Мы с удовольствием идём навстречу этим пожеланиям и публикуем эти статьи. Что касается самих статей, то считаем нужным упомянуть, что часть этих статей однажды уже печаталась в грузинской прессе (по не зависящим от автора причинам статьи не были окончены). Несмотря на это, мы сочли необходимым напечатать полностью все статьи и предложили автору переработать их на общедоступный язык, что и было им охотно исполнено». Так возникли два варианта первых четырёх частей работы «Анархизм или социализм?». Продолжение её печаталось в газетах «Чвени Цховреба» в феврале 1907 года и «Дро» в апреле 1907 года. Первый вариант статей «Анархизм или социализм?», опубликованный в «Ахали Цховреба», помещён в приложении к настоящему тому.

«Чвени Цховреба» («Наша Жизнь») — ежедневная большевистская газета; выходила легально в Тифлисе с 18 февраля 1907 года. Газетой руководил И. В. Сталин. Вышло 13 номеров. 6 марта 1907 года газета была закрыта «за крайнее направление».

«Дро» («Время») — ежедневная большевистская газета, выходившая в Тифлисе после закрытия «Чвени Цховреба», с 11 марта по 15 апреля 1907 года. Руководителем газеты был И. В. Сталин. В редакцию газеты входили также М. Цхакая, М. Давиташвили. Вышел 31 номер. — ***294.***

85 **«Нобати»** («Призыв») — еженедельная газета грузинских анархистов; выходила в 1906 году в Тифлисе. — ***302.***

86 См. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1941, стр. 387. — ***304.***

87 См. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1941, стр. 327—328. — ***309.***

88 К. Маркс и Ф. Энгельс. «Святое семейство», раздел «Критическое сражение с французским материализмом» (см. Сочинения, т. III, 1930, стр. 160). — *320.*

89 См. К. Маркс. Нищета философии, 1941, стр. 148. — *335.*

90 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 149. — *336.*

91 См. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1941, стр. 453. — *337.*

92 См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1938, стр. 128, 129. — *342.*

93 **«Муша»** («Рабочий») — ежедневная газета грузинских анархистов; выходила в Тифлисе в 1906 году. — *352.*

94 **«Хма»** («Голос») — ежедневная газета грузинских анархистов; выходила в Тифлисе в 1906 году. — *352.*

95 Карл Маркс. Кёльнский процесс коммунистов, изд. «Молот», Спб., 1906, стр. 113 (IX. Приложение. Обращение Центрального Комитета к Союзу, март 1850 г.) (см. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1941, стр. 133, 134). — *363.*

96 См. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1941, стр. 427. — *364.*

97 Цитируется по брошюре: К. Маркс. Гражданская война во Франции. С предисловием Ф. Энгельса. Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина, 1905 (см. Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1941, стр. 368). — *368.*

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

(1879—1906)

1879

9(21) декабря. В г. Гори (Грузия) родился Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин).

1888

Сентябрь. И. В. Сталин поступает в четырёхклассное Горийское духовное училище.

1894

Июнь. И. В. Сталин окончил Горийское училище по первому разряду.

2 сентября. И. В. Сталин поступает в первый класс Тифлисской духовной семинарии.

1895

И. В. Сталин устанавливает связь с подпольными группами русских революционных марксистов, высланных царским правительством в Закавказье.

1896—1898

В Тифлисской духовной семинарии И. В. Сталин руководит марксистскими кружками учащихся, изучает «Капитал», «Манифест коммунистической партии» и другие работы К. Маркса и Ф. Энгельса, знакомится с ранними произведениями В. И. Ленина.

1898

Январь. И. В. Сталин начинает руководить рабочим марксистским кружком в Главных тифлисских железнодорожных мастерских.

Август. И. В. Сталин вступает в грузинскую социал-демократическую организацию «Месаме-даси». И. В. Сталин, В. З. Кецховели и А. Г. Цулукидзе образуют ядро революционного марксистского меньшинства «Месаме-даси».

И. В. Сталин составляет программу занятий в марксистских рабочих кружках.

И. В. Сталин, В. З. Кецховели, А. Г. Цулукидзе ставят вопрос о необходимости создания нелегальной революционной марксистской печати, в связи с чем возникают первые острые разногласия внутри «Месаме-даси» между её революционным меньшинством и оппортунистическим большинством.

1899

29 мая. И. В. Сталин исключён из Тифлисской духовной семинарии за пропаганду марксизма.

28 декабря. И. В. Сталин поступает на работу в Тифлисскую физическую обсерваторию.

1900

28 апреля. И. В. Сталин выступает с речью на рабочей маёвке в окрестностях Тифлиса, в районе Солёного озера.

Лето. И. В. Сталин устанавливает связь с известным сторонником ленинской «Искры» В. К. Курнатовским, приехавшим в Тифлис для партийной работы.

Август. И. В. Сталин руководит массовой забастовкой в Главных тифлисских железнодорожных мастерских.

1898—1900

Под руководством И. В. Сталина, В. З. Кецховели и А. Г. Цулукидзе складывается и оформляется руководящая центральная группа тифлисской социал-демократической организации РСДРП, которая осуществляет переход от кружковой пропаганды к массовой политической агитации. Группа налаживает печатание прокламаций и распространение их среди рабочих, создаёт нелегальные социал-демократические кружки и руководит забастовками и политической борьбой тифлисского пролетариата.

1901

21 марта. Обыск на квартире И. В. Сталина при Тифлисской физической обсерватории.

28 марта. И. В. Сталин оставляет работу в физической обсерватории и переходит на нелегальное положение.

22 апреля. И. В. Сталин руководит первомайской рабочей демонстрацией в центре Тифлиса, на Солдатском базаре.

Сентябрь. В Баку выходит № 1 созданной по инициативе И. В. Сталина нелегальной газеты «Брдзола» — органа революционного крыла грузинских марксистов, в котором опубликована программная статья И. В. Сталина «От редакции».

11 ноября. И. В. Сталин избирается в состав первого Тифлисского комитета РСДРП ленинско-искровского направления.

Конец ноября. Тифлисский комитет направляет И. В. Сталина в Батум для создания социал-демократической организации.

Декабрь. Выходит № 2—3 газеты «Брдзола», в котором опубликована статья И. В. Сталина «Российская социал-демократическая партия и её ближайшие задачи».

И. В. Сталин устанавливает связи с передовыми рабочими Батума и организует социал-демократические кружки на заводах Ротшильда, Манташева, Сидеридиса и др.

31 декабря. Под видом встречи Нового года И. В. Сталин организует нелегальную конференцию представителей социал-демократических кружков. Конференция выделяет руководящую группу во главе с И. В. Сталиным, которая фактически сыграла роль Батумского комитета РСДРП ленинско-искровского направления.

1902

Январь. И. В. Сталин организует в Батуме нелегальную типографию; пишет листовки, налаживает печатание и распространение прокламаций.

31 января — 17 февраля. И. В. Сталин организует забастовку на заводе Манташева, закончившуюся победой рабочих.

27 февраля — начало марта. И. В. Сталин руководит работой забастовочного комитета на заводе Ротшильда.

8 марта. И. В. Сталин руководит манифестацией бастующих рабочих, требующих освобождения 32 арестованных участников забастовки.

9 марта. И. В. Сталин организует и возглавляет грандиозную политическую демонстрацию рабочих батумских предприятий с участием более 6 000 человек с требованием освобождения 300 рабочих-манифестантов, арестованных полицией 8 марта. У пересыльных казарм, где содержались арестованные рабочие, демонстрация была расстреляна войсками, в результате чего было убито 15 рабочих и ранено 54. Около 500 демонстрантов было арестовано. В ту же ночь И. В. Сталин пишет прокламацию по поводу расстрела демонстрации.

12 марта. И. В. Сталин руководит рабочей демонстрацией, организованной им в связи с похоронами жертв расстрела 9 марта.

5 апреля. Арест И. В. Сталина на заседании батумской руководящей партийной группы.

6 апреля. И. В. Сталин заключён в батумскую тюрьму.

Апрель 1902 — 19 апреля 1903. Находясь в батумской тюрьме, И. В. Сталин налаживает и поддерживает связь с батумской социал-демократической организацией, направляет её работу, пишет листовки, ведёт политическую работу среди заключённых.

1903

Март. На первом съезде кавказских социал-демократических рабочих организаций создаётся Кавказский союз РСДРП. И. В. Сталин, находившийся в заключении в батумской тюрьме, заочно избирается в состав Кавказского союзного комитета, созданного на съезде.

19 апреля. И. В. Сталин переводится из батумской тюрьмы в кутаисскую тюрьму, где он устанавливает связи с политическими заключёнными, ведёт среди них пропаганду ленинско-искровских идей.

Осень. И. В. Сталин переводится в батумскую тюрьму, откуда направляется по этапу в ссылку в Восточную Сибирь.

27 ноября. И. В. Сталин прибывает на место ссылки в село Новая Уда, Балаганского уезда, Иркутской губернии.

Декабрь. И. В. Сталин, находясь в Сибири, получает письмо от В. И. Ленина.

1904

5 января. Побег И. В. Сталина из ссылки.

Февраль. И. В. Сталин приезжает в Тифлис и возглавляет работу Кавказского союзного комитета РСДРП.

И. В. Сталин пишет программный документ «Кредо», посвящённый внутрипартийным разногласиям и организационным задачам партии.

Июнь. И. В. Сталин приезжает в Баку, где по поручению Кавказского союзного комитета распускает меньшевистский комитет и создаёт новый, большевистский комитет.

Лето. И. В. Сталин объезжает важнейшие районы Закавказья, где выступает на дискуссиях против меньшевиков, федералистов, анархистов и др.

В Кутаисе И. В. Сталин создаёт большевистский Имеретино-Мингрельский комитет.

1 сентября. В № 7 «Пролетариатис Брдзола» опубликована статья И. В. Сталина «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?».

Сентябрь — октябрь. В связи с внутрипартийными разногласиями И. В. Сталин, находясь в Кутаисе, пишет письма за границу большевикам-грузинам, в которых развивает ленинские идеи о соединении социализма с рабочим движением.

Ноябрь. И. В. Сталин приезжает в Баку, руководит борьбой за созыв III съезда партии.

13—31 декабря. И. В. Сталин руководит всеобщей стачкой бакинских рабочих.

1905

1 января. В № 8 «Пролетариатис Брдзола» опубликована статья И. В. Сталина «Класс пролетариев и партия пролетариев».

8 января. Выходит написанное И. В. Сталиным в связи с поражением царизма на Дальнем Востоке воззвание «Рабочие Кавказа, пора отомстить!».

Начало февраля. По инициативе И. В. Сталина Кавказский союзный комитет распускает меньшевистский Тифлисский комитет, заявивший о выходе из Кавказского союза РСДРП, и создаёт новый, большевистский Тифлисский комитет.

13 февраля. В связи с спровоцированной полицией татарско-армянской резнёй в Баку И. В. Сталин пишет листовку «Да здравствует международное братство!».

15 февраля. В связи с успешно проведённой в Тифлисе многотысячной демонстрацией протеста против попытки полиции спровоцировать национальную резню и в Тифлисе И. В. Сталин пишет листовку «К гражданам. Да здравствует красное знамя!».

Апрель. И. В. Сталин выступает на большом дискуссионном собрании в Батуме против меньшевистских лидеров Н. Рамишвили, Р. Арсенидзе и др.

Май. Выходит брошюра И. В. Сталина «Коротко о партийных разногласиях».

12 июня. И. В. Сталин произносит речь на похоронах А. Г. Цулукидзе, в которой развёртывает программу борьбы рабочих и крестьян против самодержавия и подвергает уничтожающей критике тактику меньшевиков.

15 июля. В № 10 газеты «Пролетариатис Брдзола» опубликована статья И. В. Сталина «Вооружённое восстание и наша тактика».

18 июля. Н. К. Крупская в письме Кавказскому союзному комитету просит прислать брошюру И. В. Сталина «Коротко о партийных разногласиях» и регулярно высылать газету «Борьба Пролетариата».

Июль. И. В. Сталин выступает на двухтысячном дискуссионном митинге в Чиатурах против анархистов, федералистов, эсеров.

15 августа. В № 11 газеты «Пролетариатис Брдзола» опубликованы статьи И. В. Сталина «Временное революционное правительство и социал-демократия» и «Ответ «Социал-Демократу»».

15 октября. В № 12 «Пролетариатис Брдзола» опубликованы статьи И. В. Сталина «Реакция усиливается» и «Буржуазия ставит ловушку».

18 октября. И. В. Сталин выступает на рабочем митинге в Надзаладеви (район Тифлиса) по поводу царского манифеста 17 октября.

Октябрь. В связи с октябрьской всероссийской политической стачкой И. В. Сталин пишет листовки «Граждане!» и «Ко всем рабочим».

20 ноября. Выходит № 1 газеты «Кавказский Рабочий Листок» с передовой статьёй И. В. Сталина «Тифлис, 20-го ноября 1905 г.».

Конец ноября. И. В. Сталин руководит работой IV большевистской конференции Кавказского союза РСДРП.

12—17 декабря. И. В. Сталин участвует в работах I Всероссийской конференции большевиков в Таммерфорсе в качестве делегата от Кавказского союза РСДРП. На конференции происходит личное знакомство И. В. Сталина с В. И. Лениным.

1906

Начало января. Вышла брошюра И. В. Сталина «Две схватки».

8 марта. Статья И. В. Сталина «Государственная дума и тактика социал-демократии» напечатана в № 3 газеты «Гантиади».

17—29 марта. В №№ 5, 9, 10, 14 газеты «Элва» опубликованы статьи И. В. Сталина «Аграрный вопрос» и «К аграрному вопросу».

Конец марта. И. В. Сталин избирается делегатом на IV («Объединительный») съезд РСДРП от тифлисской организации.

10—25 апреля. И. В. Сталин участвует в работах IV («Объединительного») съезда РСДРП в Стокгольме; выступает против меньшевиков с обоснованием и защитой большевистской тактики в революции.

20 июня. Выходит № 1 руководимой И. В. Сталиным газеты «Ахали Цховреба».

21 июня — 9 июля. В №№ 2, 4, 7 и 16 большевистской газеты «Ахали Цховреба» печатается серия статей И. В. Сталина «Анархизм или социализм?».

Июнь — ноябрь. И. В. Сталин руководит организацией первых профессиональных союзов в Тифлисе (типографских рабочих, приказчиков и др.).

13 июля. В № 19 «Ахали Цховреба» опубликована статья И. В. Сталина «Маркс и Энгельс о восстании».

14 июля. В № 20 «Ахали Цховреба» опубликована статья И. В. Сталина «Международная контрреволюция».

Июль — август. Выходит брошюра И. В. Сталина «Современный момент и Объединительный съезд рабочей партии».

Сентябрь. И. В. Сталин участвует в работах областного съезда кавказских организаций РСДРП.

14 ноября. Выходит № 1 руководимой И. В. Сталиным газеты «Ахали Дроеба», в котором опубликована статья И. В. Сталина «Классовая борьба».

4 декабря. В № 4 «Ахали Дроеба» опубликована статья И. В. Сталина ««Фабричное законодательство» и пролетарская борьба».

11 декабря. В № 5 «Ахали Дроеба» возобновляется печатание серии статей И. В. Сталина «Анархизм или социализм?».

18 декабря 1906 — 10 апреля 1907. Продолжается печатание серии статей И. В. Сталина «Анархизм или социализм?» в большевистских газетах: «Ахали Дроеба», «Чвени Цховреба» и «Дро».

СОДЕРЖАНИЕ

Тираж 100 тысяч экз. (724—823 тыс.)
Подписано к печати с матриц
12/I 1954 г.
Объём $27^3/_4$ печ. л.+1 вклейка.
Зак. 979.
Цена 6 руб.
*
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Валовая, 28.